

Deutsches
Historisches
Institut
Moskau

BULLETIN Nr. 6

Deutsches Historisches Institut Moskau

Bulletin

Nr. 6

Конструируя «советское»?

Доклады научной конференции студентов и аспирантов

14–15 апреля 2011 года,
Санкт-Петербург

**Bulletin des Deutschen Historischen Instituts
Moskau**

Herausgeber: *Katja Bruisch*

Redaktion: *Ljudmila Orlova-Gimon, Katja Bruisch*

Deutsches Historisches Institut Moskau

Nachimovskij Prospekt 51/21

117418 Moskau

www.dhi-moskau.de

© Deutsches Historisches Institut Moskau 2012

Alle Rechte vorbehalten.

Das Bulletin des DHI Moskau erscheint unregelmäßig und ist nicht kostenpflichtig.

ISSN 978-5-8243-1646-9

Содержание

Предисловие <i>Катя Бруши</i>	5
НОВЫЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ ИСТОРИИ РОССИЙСКОГО РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ	
«Мировая революция — прелестная вещь»: Интернационализм большевистских активистов первых лет советской власти <i>Глеб Альберт</i> ...	17
Рабочие и «рабочая демократия»: Борьба в РКП(б) на рубеже 1923–1924 годов <i>Александр Резник</i>	36
ИЗМЕРЕНИЯ СОВЕТСКОЙ КУЛЬТУРЫ	
Эволюция представлений о наркотиках в российских медицинских текстах (1890–1930-е годы): От «ядов цивилизации» к «пережиткам капитализма» <i>Павел Васильев</i>	53
Место непрерывной производственной недели (1929–1931) в антирелигиозной кампании советского правительства <i>Мария Гумерова</i>	66
Марийская вышивка в советский период: Риторика ценности и промышленное воспроизводство <i>Ксения Гаврилова</i>	81
ДИСКУРСИВНОЕ КОНСТРУИРОВАНИЕ СВОЕГО И ЧУЖОГО	
«Присвоение Испании»: Испания в советском обществе в 1936–1939 годах <i>Тимур Мухаматулин</i>	113
Иностранцы в вузах Ленинграда в 1950-е — середине 1960-х годов: Теория и практика повседневности <i>Вячеслав Хриун</i>	128
ПОТРЕБЛЕНИЕ И ДОСУГ В СОВЕТСКОМ ОБЩЕСТВЕ	
«Запорожец»: Концепт и воплощение идеи создания первого советского массового автомобиля <i>Екатерина Лях</i>	147
Моральная оценка привилегий и экономических преступлений в советском обществе: Дискуссия о магазинах «Березка» в конце 1980-х годов <i>Анна Иванова</i>	168
Советский курорт как место памяти <i>Людмила Кузнецова</i>	184
Список принятых сокращений	206
Сведения об авторах	209

Предисловие*

Распад Советского Союза оказал глубочайшее воздействие не только на международные отношения и жизненную реальность миллионов людей на постсоветском пространстве. То, что Советский Союз ушел в историю, спровоцировало перемены и в дискуссии о его прошлом. Двадцать лет спустя мы можем говорить о примечательной смене исследовательских тенденций. Если в 1990-х годах политологи и историки на некоторое время позволили себе увлечься эйфорией «конца истории» и посвятили себя изучению кризисных явлений, которые, как казалось тогда, предвещали крах системы уже с момента установления большевистского господства, то сегодня они прежде всего интересуются теми механизмами, которые десятилетиями обеспечивали советской системе стабильность. Порой под сомнение ставится и сама неизбежность краха¹. Как бы парадоксально это ни звучало, история Советского Союза сегодня более открыта переменам, чем к моменту распада страны.

Решающим обстоятельством, обусловившим подобное развитие исторической мысли, стала «переоценка советской истории»² в самом Советском Союзе. Условия изучения советского прошлого изменились еще в годы перестройки. Гласность означала не только допуск в публичный дискурс конкурирую-

---

* Я благодарю Оксану Нагорную за перевод текста.

¹ Новейшие размышления на эту тему см.: *Baberowski J.* Criticism as Crisis, or Why the Soviet Union Still Collapsed // *Journal of Modern European History*. Vol. 9. 2011. N 2. S. 148–164.

² Именно так называется сборник статей, посвященный переменам в советской исторической науке после начала перестройки: *Geyer D.* (Hrsg.) *Die Umwertung der sowjetischen Geschichte*. Göttingen, 1991 (Geschichte und Gesellschaft; Sonderheft 14).

щих мнений — она привела к отказу от гегемонии партии и государства в толковании прошлого. Для историков в Советском Союзе и за границей эта «ментальная революция»³ имела далеко идущие практические последствия: советское государство начало избавляться от ревностно охраняемых тайн своего прошлого. Упрощенный доступ к архивным документам, десятилетиями находившимся под грифом «секретно», позволил описывать Советский Союз вне рамок официального дискурса. «Архивная революция» дала не только достоверные знания о масштабах террора и насилия в период сталинизма, но и возможность взглянуть на механизмы функционирования советского государства — как в масштабах всей страны, так и на местах, в провинции. Открытие архивов позволило начать изучение тех конфликтов, проблем и действующих лиц, которые вплоть до конца советской власти были скрыты от публичного обсуждения⁴.

Наряду со смещением системы политических координат вследствие перестройки и распада Советского Союза пересмотру существующих толкований советского прошлого способствовали и тенденции развития самой исторической науки. Приход культурной истории на смену истории социальной (*cultural turn*) привел в историографии советского периода к перенастройке исследовательских практик. После многолетнего доминирования подходов социальной истории с ее односторонним интересом к структурам и институтам границы исследовательского поля в мировой исторической науке стали расширяться — как концептуально, так и тематически. Так, со взлетом популярности

---

³ Здесь я ссылаюсь на заголовок статьи о переменах в советском историческом сознании в период перестройки — см.: *Davies R. W. Soviet History in the Gorbachev Revolution. Bloomington etc., 1989. S. 8 ff.*

⁴ Подробнее о значении архивов для изучения советской истории см.: *Baberowski J. Arbeit an der Geschichte. Vom Umgang mit den Archiven // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Bd. 51. 2003. H. 1. S. 36–56.*

истории повседневности специалисты начали интересоваться Советским Союзом с точки зрения «маленького человека» и обнаружили жизненные миры, в которых люди вели «нормальную жизнь» даже в «ненормальные» времена⁵. Немного позже предметом исторического анализа стал и внутренний мир «сталинистского субъекта»⁶.

Одновременно сместились акценты в изучении власти и общества в Советском Союзе. Если сторонники теории тоталитаризма долгое время работали с упрощенной моделью всевильного диктатора и недееспособного населения, то ревизионисты в своих исследованиях о Советском Союзе по большому счету ослабили внимание к вопросам власти и господства. «Архивная революция», новая культурная история и возвращение исторических акторов на историческую сцену привели в последние годы к закреплению в историографии более сложной модели соотношения большевистского господства и советского общества. В различных сферах жизни государства и общества историки исследуют значение для реализации и укрепления власти отдельных личностей и персональных взаимосвязей⁷. К тому же

---

⁵ *Fitzpatrick Sh.* Everyday Stalinism. Ordinary Life in Extraordinary Times. Soviet Russia in the 1930s. Oxford, 1999. Об истории советской повседневности после войны см.: *Зубкова Е. Ю.* Послевоенное советское общество: политика и повседневность, 1945–1953. М., 1999; *Зубкова Е. Ю., Кошелева Л. П., Кузнецова Г. А., Миюк А. И., Роговая Л. А.* (Сост.) Советская жизнь, 1945–1953: Сборник документов. М., 2003.

⁶ *Kotkin S.* Magnetic mountain: Stalinism as a civilization. Berkeley etc., 1995; *Hellbeck J.* Revolution On My Mind. Writing A Diary Under Stalin. Cambridge, 2006.

⁷ *Хлевнюк О. В.* Политбюро. Механизмы политической власти в 30-е годы. М., 1996; *Easter G. M.* Reconstructing the state. Personal networks and elite identity in Soviet Russia. Cambridge etc., 2000; *Dablke S.* Individuum und Herrschaft im Stalinismus. Emel'jan Jaroslavskij (1878–1943). München, 2010. Подробнее о социальных сетях и отношениях патронажа в сфере советской культуры см., например: *Walker B.* Kruzhok Culture: The Meaning of Patronage in the Early Soviet Literary World // Contemporary European History. Vol. 11. 2002. N 1. S. 107–123.

фокус исследования ныне обращен к языку и символам большевистских властителей, стратегиям их публичного инсценирования или к взаимосвязи господства и практик публичной коммуникации⁸. Кроме того, пересмотру в последнее время подверглось представление о гомогенном «советском обществе»: историки обнаруживают различные поколения⁹ и приподнимают завесу над периферией советского социума¹⁰. В результате развития этих тенденций Советский Союз перестал пониматься как система, независимая от пространства и времени: отныне он рассматривается как исторический феномен, настолько многогранный, насколько различны вопросы, обращенные в его адрес исследователями.

* * *

Тот факт, что все эти тенденции находят живой отклик среди молодых историков, продемонстрировала конференция *Конструируя «советское»?* , организованная в апреле 2011 года аспирантами Европейского университета в Санкт-Петербурге. Форум собрался в пятый раз и уже зарекомендовал себя как важная платформа для обмена мнениями молодых ученых. Около 30 специалистов из России, Германии, Украины, Белоруссии и Литвы встретились в этом году в Санкт-Петербурге для обсужде-

---

⁸ *Figes O., Kolonitski B.* (Hrsg.) *Interpreting the Russian Revolution. The Language and Symbols of 1917.* New Haven, 1999; *Rolf M.* *Das sowjetische Massenfest.* Hamburg, 2006. Подробнее к вопросу публичной коммуникации см.: *Erren L.* «Selbstkritik» und Schuldbekennntnis: Kommunikation und Herrschaft unter Stalin (1917–1953). München, 2008; или: *Yurchak A.* *Everything Was Forever, Until It Was No More. The Last Soviet Generation.* Princeton, 2006.

⁹ *Fürst J.* *Stalin's Last Generation. Soviet Post-War Youth and the Emergence of Mature Socialism.* Oxford 2010; *Kubr-Korolev C.* *Gezähmte Helden. Die Formierung der Sowjetjugend, 1917–1932.* Essen, 2005.

¹⁰ *Зубкова Е.Ю., Жукова Т.Ю.* (Сост.) *На «краю» советского общества. Социальные маргиналы как объект государственной политики. 1945–1960-е гг.* М., 2010.

ния своих текущих исследовательских проектов. Спектр докладов как раз отразил перемены в историографии двух последних десятилетий и простирался от вопросов советской повседневности, религиозных и культурных практик, инсценирования господства и советской национальной политики до дискурсов о потреблении и досуге. В предлагаемый выпуск бюллетеня Германского исторического института в Москве включены избранные, переработанные и расширенные доклады конференции. В качестве своего рода «текущего отчета о проделанной работе» издание позволит создать представление о том, каким образом молодые историки применяют и творчески перерабатывают актуальные тренды в изучении Советского Союза.

*Новые подходы к изучению истории
российского рабочего движения*

Доклады первой части выпуска отражают новейшие тенденции в изучении истории российского коммунистического движения. Традиционно работы по истории РКП(б) концентрировались на высших представителях партии или ее центральных органах, а также на вопросах партийной идеологии, что обусловило недостаточность наших сегодняшних знаний о большевиках как социальных и политических акторах. Статьи Глеба Альберта и Александра Резника раскрывают потенциал исследования коммунистического движения на его социальной и географической периферии. Исследуя внутрипартийный дискурс об интернационализме, Альберт задается вопросом о его значении для мобилизации нижних партийных чинов в первые послереволюционные годы. Резник обращается к изучению оппозиционных группировок внутри большевистской партии в первые годы НЭПа. Оба исследователя ставят в центр изучения самопонимание и поведенческие практики низовых и локальных партийных кадров. Тем самым авторы вносят свой

вклад в понимание большевиков как социального движения, значение которого вовсе не ограничивалось пределами Москвы и Петрограда.

Измерения советской культуры

Статьи второго раздела выпуска наглядно демонстрируют, что большевики связывали со своим господством программу революционизирования культуры. С 1920-х годов разделявшие большевиками представления об отсталом и прогрессивном превратились в критерий оценки социальных норм и культурных практик в самых различных сферах жизни. Материал Павла Васильева демонстрирует то растущее влияние, которое антикапиталистические и антибуржуазные стереотипы оказывали в послереволюционные годы на медицинский дискурс о наркотиках, а также степень использования марксистской классовой модели при дискурсивном конструировании болезни и психической зависимости. Мария Гумерова обращается к изучению временно введенной в 1929 году пятидневной рабочей недели. Исследовательница показывает, что первоначально экономически мотивированное сокращение рабочей недели со временем стало использоваться в контексте антирелигиозных кампаний в качестве идеологического средства борьбы против заклеемного как отсталый православного праздничного календаря. Одновременно Гумерова обращает внимание на то, что именно такое антирелигиозное толкование пятидневной рабочей недели было наиболее понятным большинству рабочих: изменение структурированного религиозными праздниками ритма жизни понималось ими во многом как недопустимое вторжение государства в их собственный жизненный мир, чему они целенаправленно пытались воспротивиться. В материале Ксении Гавриловой демонстрируется, что даже дебаты о формах вышивки, базовой части марийской национальной одежды, следовали меркам советского дискурса модернизации.

Дискурсивное конструирование своего и чужого

Материалы третьей части сборника отражают то, какое значение для исторических акторов, находившихся вне государственного и партийного аппарата, могло иметь обстоятельство постоянной включенности Советского Союза в международный контекст. Даже в период сталинизма ментальные карты советских граждан охватывали области, находившиеся за границами Союза. Личностные или медийно опосредованные контакты с дальними странами и чужими культурами становились поводом для конструирования своего и чужого в советском дискурсе. При этом знания о регионах вне Советского Союза развивались в строгом соответствии с политическими конъюнктурами. Материал Тимура Мухаматулина раскрывает «ментальное присвоение» Испании в советском дискурсе второй половины 1930-х годов: фильмы, романы или репортажи, возникавшие или воспринимавшиеся в контексте Гражданской войны в Испании, на время превратили эту страну в важную точку на ментальной карте советских граждан. Исследуя жизнь иностранных студентов в ленинградских вузах, Вячеслав Хрипун показывает, как страны Восточной Европы, а позже — Африки и Азии, стали появляться на ментальной карте советского населения 1950–1960-х годов.

Потребление и досуг в советском обществе

Последний раздел выпуска посвящен двум аспектам советского быта, к которым историки в последние годы обращаются с растущим интересом: потреблению и досугу. Доклады реконструируют противоречивость позднесоветской действительности: когда советское руководство уступало потребительским требованиям граждан, официальное осуждение стремления к потреблению товаров и услуг как выражения некоего «буржуазного» духа постепенно теряло свою достоверность. Одновре-

менно расширенное предложение потребительских товаров размывало образ советского государства как защитника социального равенства. Предметы потребления до конца существования Советского Союза оставались дефицитными, а доступ к ним регулировался привилегиями и отношениями патронажа. Екатерина Лях обращается к теме планирования, производства и дискурса о первом советском малолитражном массовом автомобиле — «Запорожце». Автор показывает, с помощью каких стратегий советские граждане реагировали на недостаточное предложение нового автомобиля и при этом превратили советское плановое хозяйство в скрытую рыночную экономику. На материале публицистских дебатов вокруг магазинов «Березка», ведшихся в советских журналах периода перестройки, Анна Иванова демонстрирует, насколько советский дискурс потребления был наполнен эгалитаристскими представлениями о «социалистической справедливости». В статье Людмилы Кузнецовой исследуется, почему, несмотря на растущую ностальгию по социалистическому прошлому России, курорт того времени сегодня не используется для конструирования положительного образа советского времени.

* * *

Как следует из представленных здесь статей, Советский Союз являлся чрезвычайно гетерогенным пространством опыта. Несмотря на провозглашение большевиками программы преобразования всех сфер жизни и их претензии на монопольное толкование настоящего, прошлого и будущего, конструирование советской действительности во все времена было процессом, в котором участвовали акторы самого разного рода: государственные и негосударственные, коллективные и индивидуальные, рабочие, инвалиды, писатели и партийные функционеры. Представляемый выпуск бюллетеня Германского исторического

института в Москве не пытается поэтому ретроспективно свести «советское» к одному знаменателю. Он скорее демонстрирует, насколько важно разбавить картину нормированного серого советского ландшафта несколькими цветными штрихами.

Германский исторический институт в Москве благодарит всех авторов за предоставленные материалы.

Катя Бруши

Германский исторический институт в Москве

Новые подходы к изучению
российского рабочего
движения

**«Мировая революция — прелестная вещь»:
Интернационализм большевистских активистов
первых лет советской власти**

В начале 1990-х годов «архивная революция» в России дала исторической науке возможность по-новому взглянуть на советский период. В центре этого процесса переосмысления истории на базе архивных материалов находится сталинизм, но Октябрьская революция и период «военного коммунизма» также не остались обделенными вниманием. Несмотря на то что исследовательский фокус расширился от чисто «политических» штудий в сторону социальной и культурной истории первых лет Советской власти, включающей региональный и локальный уровень¹, собственно коммунистическое движение стало интересовать историков намного меньше. Большевизм представляется в историографии в основном как нечто, свалившееся на голову населению России. Исследования раннесоветского общества, выходящие за рамки сугубо политической истории, в основном фокусируют отношения различных слоев общества к коммунистической политике — от сопротивления до «конформизма» (С. В. Яров) и соучастия.

В то же время облик тех, кто «делал» революцию и составлял «пехоту» коммунистического движения, остается аморфным. Мы имеем пока только слабое представление о том, что именно

---

¹ См., например: *Karsch S.* Die bolschewistische Machtergreifung im Gouvernement Voronež, 1917–1919. Stuttgart, 2006; *Яров С. В.* Конформизм в Советской России. Петроград 1917–1920-х годов. СПб., 2006; *Нарский И. В.* Жизнь в катастрофе. Будни населения Урала в 1917–1922 гг. М., 2001.

представлял собой советский коммунизм не столько как партия власти, сколько как социальное движение. В то время как организационная история раннесоветского коммунизма продолжает разрабатываться², социальная и культурная история РКП(б) еще не написана, не говоря уже об истории коммунизма/большевизма как социального движения³.

Чтобы осмыслить раннесоветский коммунизм в этом измерении, необходимо изучить социальный состав и репертуар социальных практик движения⁴. Не менее важно и определение его *collective frames* — коллективных интерпретационных рамок, используемых движением для восприятия действительности и мобилизации его представителей⁵. Что служило мотивацией активистов, считавших себя коммунистами, и каким они видели окружающий мир? Парадигма насилия как мотивации и динамики действия⁶ представляется автору важной, но не исчерпывающей сущности движения. Фокусировка на насилии как интегральный момент советского коммунизма вписывает

---

² Павлюченков С. А. «Орден меченосцев». Партия и власть после революции. 1917–1929 гг. М., 2008.

³ В то время как зарубежная историография приблизилась к изучению западного коммунизма именно в этом плане. См., например: *Mallmann K.-M.* Kommunisten in der Weimarer Republik. Sozialgeschichte einer revolutionären Bewegung. Darmstadt, 1996; *Eumann U.* Eigenwillige Kohorten der Revolution. Zur regionalen Sozialgeschichte des Kommunismus in der Weimarer Republik. Frankfurt a/M, 2007; *Storch R.* Red Chicago. American Communism at Its Grassroots, 1928–35. Urbana, 2007.

⁴ Об изучении социальных движений см.: *Raschke J.* Soziale Bewegungen. Ein historisch-systematischer Grundriß. Frankfurt a/M, 1985; *Snow D.A., Soule S.A., Kriesi H.* (Ed.) The Blackwell Companion to Social Movements. Malden, 2004; *Kern T.* Soziale Bewegungen. Ursachen, Wirkungen, Mechanismen. Wiesbaden, 2008.

⁵ *Snow D.* Framing Processes, Ideology, and Discursive Fields // *Snow D. A., Soule S.A., Kriesi H.* (Ed.) The Blackwell Companion. P. 380–412.

⁶ *Булдаков В. П.* Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. 2-е изд. М., 2010.

Октябрьскую революцию в контекст «бессмысленных и беспощадных» российских бунтов, но одновременно упускает из вида общеевропейское измерение⁷. Это касается как общеевропейского феномена революционного брожения после Первой мировой войны⁸, так и общеевропейских традиций социалистического движения, которые играли важную роль не только для руководителей РКП(б), прибывших к ним за годы эмиграции, но и для «функционеров-энтузиастов» (Б. И. Колоницкий)⁹ более низких рангов. Что касается первого аспекта, то вместо фокусирования на национальных особенностях русской революции¹⁰ автору видится плодотворной перспектива вписывания России и ее революционного движения в контекст европейских революций и их «блокированной транснациональности» (М. Гайер)¹¹. А что касается второго аспекта, то автор, в отличие от В. П. Булдакова, видит в использовании российской властью событий мирового социалистического движения в качестве легитимационных аргументов не только курьез и «неожиданный

---

⁷ См.: *Holquist P.* Violent Russia, Deadly Marxism? Russia in the Epoch of Violence. 1905–21 // *Kritika*. Vol. 4. 2003. N 3. P. 627–652.

⁸ Европейские революции отнюдь не ограничивались «областью истории идей», вопреки утверждению В. П. Булдакова (*Булдаков В. П.* Красная смута. С. 176), а представляли из себя реальный феномен европейской истории. См., например: *Wrigley C.* (Ed.) *Challenges of Labour. Central and Western Europe, 1917–1920*. London; New York, 1993. Ср. также: *Kenez P.* *A History of the Soviet Union from the Beginning to the End*. Cambridge, 2006. P. 31.

⁹ *Koloniitskii B. I.* “Revolutionary Names”. *Russian Personal Names and Political Consciousness in the 1920s and 1930s* // *Revolutionary Russia*. Vol. 6. 1993. N 2. P. 219.

¹⁰ *Булдаков В. П.* Красная смута. С. 626.

¹¹ Ср. о национальных и транснациональных аспектах Германской революции 1918 года: *Geyer M.* *Zwischen Krieg und Nachkrieg. Die deutsche Revolution 1918/19 im Zeichen blockierter Transnationalität* // *Gallus A.* (Hrsg.) *Die vergessene Revolution von 1918/19*. Göttingen, 2010. S. 187–222.

фактор»¹², но, напротив, один из интегральных мотивационных и легитимационных компонентов раннесоветского коммунистического движения.

В данной статье автор не намерен обсуждать аспекты глобального, заложенные в исходных текстах коммунистического движения и игравшие роль в идеологической продукции и политических действиях российских «вождей»¹³. Вместо этого настоящая статья ставит вопрос о том, какую роль «революционный интернационализм»¹⁴, то есть представление о необходимости и реальности классовой борьбы на глобальном уровне, играл в восприятиях и политических практиках активистов первых лет Советской власти на региональном и локальном уровне.

Приведем пример польского социалиста и известного советского журналиста Вацлава Солского, впоследствии эмигрировавшего в Европу, а оттуда в США, и оставившего искренние мемуары. Солский, сотрудничавший с большевиками в революционном Минске 1917 года как польский левый социалист, представляет разговор с Ф. Ф. Раскольниковым о международном измерении Февральской революции как своеобразный момент посвящения:

---

¹² Булдаков В. П. Красная смута. С. 462.

¹³ См., например: *Ватлин А. Ю.* Международная стратегия большевизма на исходе Первой мировой войны // ВИ. 2008 № 3. С. 72–82; *Forman M.* Nationalism and the International Labor Movement. The Idea of the Nation in Socialist and Anarchist Theory. University Park, 1998; *Van Holtboon F., Van der Linden M.* (Eds.) Internationalism in the Labour Movement, 1830–1940. Leiden; New York, 1988.

¹⁴ Здесь автор следует предложенному политологом Ф. Хэллидэем делению интернационализма на «либеральный», «гегемониальный» и «революционный» (*Halliday F.* Three Concepts of Internationalism // *International Affairs*. Vol. 64. 1988. N 2. P. 187–198), в то время как исторический термин «пролетарский интернационализм» за счет многократных трансформаций его содержания представляется автору негодным для использования в качестве аналитической категории.

То, что говорил Раскольников, произвело на меня довольно большое впечатление. Я впервые почувствовал мировое, историческое значение русской революции. [...] Мы видели чаще всего только отдельные ступени [...] [н]о всей лестницы мы не видели, и редко задавали себе вопрос, куда она ведет¹⁵.

В восприятии активистов российская революция обретала дополнительную легитимность за счет глобальной революционной перспективы. И тот факт, что в рассматриваемом случае проводником этой перспективы оказался большевик Раскольников — не случайность. Именно большевики являлись в ландшафте радикальной политики между Февралем и Октябрем воплощением глобальной, интернациональной и антинациональной революционной перспективы: так они презентировали себя, так их, в конечном счете, воспринимали представители других левых партий. Хотя и левые меньшевики-интернационалисты, и левые эсеры имели свои представления о международной революции¹⁶, в заявлениях представителей тех и других о желании перейти в ряды большевиков ударение делалось именно на международную компетенцию РКП(б) как «единственной социалистической интернациональной партии»¹⁷.

При этом интернационализм был больше чем своеобразным «паролем» коммунистического движения. Как и для остальной Европы, Первая мировая война стала для России и ее жителей

---

¹⁵ *Солский В.* 1917 год в Западной области и на Западном фронте. Минск, 2004. С. 111.

¹⁶ См.: *Ненароков А. П.* Послеоктябрьский меньшевизм // *Севостьянов Г. Н.* (Ред.) Политические партии в российских революциях в начале XX века. М., 2005. С. 518–530; *Сапон В. П.* Терновый венец свободы. Либертаризм в идеологии и революционной практике российских левых радикалов, 1917–1918 гг. Н. Новгород, 2008. С. 122.

¹⁷ Прощение бывшей эсерки о принятии ее в РКП(б), 13 октября 1923 г. — цит. по: *Яров С. В.* (Сост.) Новгородская земля в эпоху социальных потрясений, 1918–1930. СПб., 2006. С. 253–254. Ср. различные письма бывших членов партии левых эсеров в РКП(б) 1923 года (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 495. Л. 42–58).

эпохальным и травматическим переломом. Уже вскоре после всеобщего патриотического подъема в связи со вступлением России в войну в обществе, в особенности среди солдат, наступило разочарование в целях войны и в «верхах», гнавших преимущественно крестьянских рекрутов на «бессмысленную бойню»¹⁸. Одновременно с требованием мира нередко происходила политизация и интернационализация сознания солдат, последняя — зачастую в связи с пребыванием в плену за границей. Именно в контексте плена часто происходил первый контакт с «пораженческой» социалистической литературой¹⁹. Весьма показательна история политизации малограмотного ветерана войны Ф. Старунова, описанная им в неопубликованном письме в *Крестьянскую газету* в конце 1924 года. Призванный в армию, он имел самые смутные представления о целях, за которые ему предстояло воевать: «Убит немца. За что? Я не знал»²⁰. Прямого контакта с врагом он вначале не имел, зато успел довольно быстро испытать на себе побои непосредственного начальства: «Кто здесь не Приятел Ротный или немец. Немца я ни видел еще а этого я увидел»²¹. Пленение Старунова совпало с его первым контактом с оппозиционной политикой (как и с политикой вообще):

---

¹⁸ См. подробнее: *Поршнева О. С.* Крестьяне, рабочие и солдаты России накануне и в годы Первой мировой войны. М., 2004.

¹⁹ О российских военнопленных Первой мировой войны в Германии см.: *Нагорная О. С.* Другой военный опыт. Российские военнопленные Первой мировой войны в Германии, 1914–1922. М., 2010; *Sergeev E.* Kriegsgefangenschaft aus russischer Sicht. Russische Kriegsgefangene in Deutschland und im Habsburger Reich, 1914–1918 // Forum für osteuropäische Ideen- und Zeitgeschichte. Vol. 1. 1997. N 2. S. 113–134.

²⁰ Письмо Ф. Старунова в *Крестьянскую газету*, 15 сентября 1924 г. (РГАЭ. Ф. 396. Оп. 2. Д. 18. Л. 30–31). Грамматические и стилистические особенности документа сохранены. Документ частично опубликован в переводе и без указания источника в: *Smith S. A.* The Russian Revolution. A Very Short Introduction. Oxford; New York, 2002. P. 13.

²¹ РГАЭ. Ф. 396. Оп. 2. Д. 18. Л. 30–31.

Я тогда о политике и партия я и думат не знал что такая за партия²². Я попал в лагерь Пленных нас собралось много там кто из деревни кто из города люди разных родов. Только там я узнал о войне коичто о партии читал я разныя книги слышал коичто от разныя товарищи которыя скрывались за границей сначала Плена²³.

Примечательно, что первый «политический» поступок Стариунова в лагере военнопленных, описанный им, — попытка заговорить с германским часовым, обращаясь к нему как к брату-крестьянину и «камараду»²⁴, — в сущности проявление классовой солидарности и отрицание национальных преград, то есть тот самый революционный интернационализм, являвшийся центральным компонентом идеологии большевиков. Интернационализм, который, по мнению Дэвида Бранденбергера, оказался «слишком абстрактным» для большинства населения в преддверии сталинизма²⁵, в ситуации конца Первой мировой войны был, наоборот, одной из самых доступных идеологием большевиков, способной (пусть и в сильно упрощенной форме) политизировать даже солдат из неграмотных крестьян. Последнее обстоятельство не должно нас удивлять: согласно новым исследованиям, сельское население России, подготовленное масштабными земскими образовательными кампаниями, уже в годы Первой мировой войны проявляло существенный интерес к мировым событиям²⁶.

Последовательное осуждение большевиками «бойни народов» и их призыв к всеобщему миру были решающими факторами, содействовавшими умножению их сил и, в конце концов,

---

²² Так в документе.

²³ Там же.

²⁴ Там же.

²⁵ *Brandenberger D.* Proletarian Internationalism, “Soviet Patriotism” and the Rise of Russocentric Etatism During the Stalinist 1930s // *Left History*. Vol. 6. 2000. N 2. P. 85.

²⁶ См.: *Seregny S.J.* Peasants, Nation, and Local Government in Wartime Russia // *Slavic Review*. Vol. 59. 2000. N 2. P. 336–342.

приходу к власти в октябре 1917 года. В условиях, когда революция не только не вывела Россию из мировой войны, но превратила ее в войну гражданскую, вполне действенной была «интернациональная вера»²⁷ в то, что продолжение «октябрьского» сценария в мировом масштабе поможет преодолеть переживаемые невзгоды. Анализ дискурса мировой революции активистов из «низов» коммунистического движения первых лет Советской власти демонстрирует если не доминантность «пацифистских» тенденций, то хотя бы их равноправие с тенденциями прославления «мировой классовой войны». Например, лозунг «Да здравствует Мир всего Мира!»²⁸, выдвинутый уездными коммунистами в сентябре 1920 года, не был одиночным явлением, а выражал те надежды на конец войны и насилия, которые активисты могли вкладывать в революционную риторику. Комплекс раннесоветского коммунистического мышления включал в себя не только местами кровожадную риторику «классовой ненависти», но и уверенность в том, «что пролетариат Западной Европы» будет действовать «соединившись и идя за одно с нами», и «мы как один человек скорее закончим эту кровавую войну»²⁹. В этом контексте даже явная описка приветственной телеграммы «Да здравствует мирная революция и социализм»³⁰ выглядит как нечто более последовательное, чем просто ошибка.

Вести о революции на Западе были для активистов на местах важным источником надежды на лучшее будущее — надежды, которую зачастую им было неоткуда больше брать. К примеру,

---

²⁷ *Collette C.* The International Faith. Labour's Attitudes to European Socialism, 1918–39. Aldershot, 1998.

²⁸ Резолюция 1-й беспартийной конференции Усольского уезда, 13 сентября 1920 г. (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 60. Д. 7. Л. 2).

²⁹ Приветственная телеграмма Новоузенского уездного съезда [РКП(б)] в честь Германской революции, 12 ноября 1918 г. (ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 93. Д. 8. Л. 5).

³⁰ Приветственная телеграмма Вятского исполкома в ВЦИК, 13 ноября 1918 г. (Там же. Д. 10. Л. 74).

Николай Зыков, большевик и председатель сельсовета в Архангельской губернии, в своем дневнике отнюдь не предстает как «новый хозяин жизни», вкушающий плоды новообретенной власти, — наоборот, внутри деревенского общества он как нарушитель спокойствия и традиционного расклада жизни является изгоем и подвергается всевозможным гонениям³¹. Известие о революции за границей порождает одну из немногочисленных положительных по тональности дневниковых записей: «Получил кое-что из журналов. Узнал, что революция крепнет, назревают революции в других странах. Одним словом, есть от чего повеселеть»³². Через пару недель Зыков констатирует, что «Мировая революция — прелестьная вещь», но он не уверен, «возможна ли она теперь»³³. Вести о Ноябрьской революции в Германии, способные хотя бы ненадолго развеять сомнения Зыкова, его уже не застанут: в конце мая 1918 года односельчане забывают на смерть своего ненавистного председателя прикладами³⁴.

Благодаря свойственной участникам социальных движений «паноптической картине мира», выстраивающей все жизненные факторы по порядку одной всеобъемлющей логики³⁵, активисты могли связать идею всемирной революции через ее «пацифистский» компонент с личной жизненной ситуацией. Рабочий «от станка», мелкий партийный работник Иосиф Голубев, разлученный со своей семьей, которая осталась в оккупированном гер-

---

³¹ «В августе немного сочувствовал я Корнилову и его железной дисциплине, теперь я — большевик»: Из дневника первого председателя Совета крестьянских депутатов с. Мохча Печорского уезда Н. И. Зыкова, 1918 г. // Отечественные архивы. 2007. № 6. С. 91–117.

³² Там же. С. 100 (дневниковая запись от 7 февраля 1918 г.).

³³ Там же. С. 104 (дневниковая запись от 20 февраля 1918 г.).

³⁴ Там же. С. 93.

³⁵ О концепции «паноптической картины мира» в контексте ранней германской социал-демократии см.: *Welskopp T.* Das Banner der Brüderlichkeit. Die deutsche Sozialdemokratie vom Vormärz bis zum Sozialistengesetz. Bonn, 2000. S. 530.

манскими войсками Минске, так отреагировал на известия о революции в Германии в личном дневнике:

Как на меня угнетающе подействовало письмо, что мои дети голодают и болеют. [...] Одно меня радует, что в Германии настоящая революция развивается. Это значит, что у нас скоро фронта с ней не будет, можно будет приехать в Минск, дела немного наладить. Можно будет успокоить детей и быть уже при одном месте. Это что-либо значит. Немецкий пролетариат начинает приходить в сознание, давно пора порядок восстановить, буржуев отстранить, а народ освободить от векового рабства. Это необходимо³⁶.

Шаблонная, поверхностно-марксистская риторика конца этой записи не может скрыть гармонии «интернациональной веры» с конкретными реалиями жизненного мира в представлениях рядовых активистов на местах. Причем эта гармония могла состоять и в «негативном» контексте. Концовка приветственной телеграммы локальной профорганизации «Да здравствует красный террор [.] да здравствует единение пролетариата всего мира»³⁷ не была парадоксальной: Интернационализм и насилие как аргументы могли идти рука об руку, первое могло даже служить оправданием последнего³⁸.

Важным компонентом «интернациональной веры» низовых коммунистических активистов была надежда на помощь «революционных собратьев» извне. Всеобщая нищета, нехватка продовольствия даже в «верхушке» партии, враждебность заграничной «буржуазной» общественности к Советской России, кон-

---

³⁶ «Счастье мое...». Дневники Иосифа Голубева. 1916–1923 гг. Минск, 2002. С. 171.

³⁷ Приветственная телеграмма профсоюза поваров и официантов поселка и станции Грязи во ВЦИК, 20 сентября 1918 г. (ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 93. Д. 2. Л. 153–154).

³⁸ См., например: *Вихавайнен Т.* Заметки о восприятии финской революции 1918 г. в России // Россия и революция 1917 года. Опыт истории и теории. Матлы Всерос. науч. конф. 12–13 ноября 2007 г. СПб., 2008. С. 48–50.

центрированно преподносившаяся центральной печатью, — все это способствовало тяге активистов к поиску реальных и воображаемых «классовых союзников» за границей, что вписывалось в парадигму мировой революции. Описание партийного быта весны 1918 года в письме коммунистки из Омского комитета РКП(б) заканчивается выражением надежд на интернационалистский исход событий:

Мы ждем вестей с Запада. Ведь не может быть, чтобы наши старшие по революционному опыту товарищи надолго оставили одних бороться с международной буржуазией своих младших товарищей — российский пролетариат. Нет. Я так верю в скорый приход к нам на помощь товарищей с Запада, считаю часы...³⁹

Здесь мы сталкиваемся не с ранней формой «говорения большевистски»⁴⁰, то есть с подстраиванием под риторику власти, а скорее с реальным убеждением, мотивированным желанием придать переживаемым трудностям одновременно реальный и мифический смысл.

Каким активисты представляли себе конечный результат мировой революции? Центральная партийная пресса первых лет Советской власти рисовала, в соответствии с классическими марксистскими установками, перспективу единого мирового государства⁴¹ или как минимум «Европейской республики советов», к которой призывала на первой странице *Правда* в начале 1918 года⁴². Трудно сказать, насколько четкими были представления о грядущем мировом обществе у рядовых активистов партии. В первую очередь, мировая революция представляла перед ними

---

³⁹ Письмо из Омского комитета в Секретариат ЦК РКП(б), позднее 1 мая 1918 г. (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 4. Д. 23. Л. 81. — цит. по: Переписка секретариата ЦК РСДРП(б)–РКП(б) с местными партийными организациями. Т. 3: Март–июль 1918 г. М., 1967. С. 213–214).

⁴⁰ *Kotkin S. Magnetic Mountain. Stalinism as a Civilisation. Berkeley, 1995.*

⁴¹ *Goodman E.R. The Soviet Design for a World State. New York, 1960.*

⁴² Европейская Республика Советов // *Правда*. 1918. 26 (13) янв.

как реальный процесс, современниками и очевидцами которого они себя ощущали. Ноябрьская революция 1918 года в Германии и возникновение многочисленных кратковременных советских республик в Европе (наиболее известные — Баварская с апреля по май и Венгерская с марта по август 1919 года) создавали фон этого восприятия.

Ожидания развития мирового революционного процесса при этом нередко предвосхищали реальный ход вещей. Так, например, член военной инспекции Красной Армии телеграммой поздравлял ВЦИК в ноябре 1918 года с «победой мировой революции» как реально свершившимся событием⁴³. А активисты — авторы резолюции собрания в Архангельской губернии в апреле 1919 года — выражали уверенность, «что к нам на помощь скоро придут трудящиеся всех стран, как пришел уже пролетариат Венгрии и Баварии»⁴⁴, при том что Баварской советской республике суждено было пасть уже несколько дней спустя, а венгерские революционеры, хотя и продержались до августа, также не спешили «прийти на помощь» активистам советской провинции.

Восприятие революционных событий в Европе как части процесса мировой революции позволяло коммунистическим активистам вписывать в интернациональный контекст как свое положение, так и свою собственную деятельность. Оратор на 14-й московской губконференции РКП(б) в апреле 1919 года связывал с венгерской и баварской республиками улучшение положения Советской России «с каждым днем»; далее он предлагал «послать революционерам западных советских республик приветствие,

---

⁴³ Приветственная телеграмма члена военной инспекции Реввоенсовета Республики Иреньева ВЦИКу, 15 ноября 1918 г. (ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 93. Д. 2. Л. 318).

⁴⁴ Резолюция общего собрания граждан Спасско-Марецкого района, 21 апреля 1919 г. (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 6. Д. 1. Л. 149–150).

сказать им, что мы готовы с ними объединиться для общей борьбы с империалистами и что мы создадим новый строй»⁴⁵. В условиях существования нескольких параллельных коммунистических государств этот «новый строй» не обязательно мыслился как некий союз коммунистических держав с Советской Россией во главе. В документах активистов среднего звена он представлялся, скорее, как некая гомогенная наднациональная конструкция. «Не далек тот день, когда исчезнут все национальные перегородки и мы сольемся под знаменами III интернационала в общую мировую семью труда»⁴⁶, — писали профсоюзные активисты, авторы приветственной телеграммы бастующим украинским железнодорожникам, в августе 1918 года.

Любопытно, что представление о «новом», «Третьем» интернационале играло важную роль в массовом коммунистическом дискурсе не только за восемь месяцев до основания Коминтерна как организационного воплощения «Третьего интернационала» в марте 1919 года, но уже в период между февралем и октябрём 1917 года⁴⁷. Как известно, Ленин ещё в конце 1914 года в связи с тем, что Второй интернационал не устоял перед искушением национализма, требовал основать новый революционный интернационал. Но как мог весьма абстрактный и специфический организационный концепт международной социал-демократии приобрести такую популярность, что активисты на региональном и локальном уровнях использовали его как лозунг и апеллировали к интернационалу как к высшей цели? Источники

---

⁴⁵ Протокол заседания 14-й Московской Губернской Конференции РКП, 12–13 апреля 1919 г. (Там же. Д. 151. Л. 10).

⁴⁶ Приветственная телеграмма 6-го Конгресса железнодорожных депутатов в Москве бастующим украинским железнодорожникам, 18 августа 1918 г. (ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 93. Д. 2. Л. 138).

⁴⁷ См, например, лозунги демонстраций: *Sanders J. Russia 1917. The Unpublished Revolution. New York, 1989. P. 35, 108.*

указывают на то, что активисты вкладывали в понятие интернационала гораздо более широкий смысл, чем просто «организация». Уже упомянутый Иосиф Голубев, рабочий, примкнувший к большевикам лишь весной 1917 года и явно не просвещенный в делах международной социал-демократии, весной 1918 года отмечал в дневниковой записи свою принадлежность «к партии социал-демократической, которая основывается на принципе интернационала»⁴⁸. При этом речь не шла об организационных принципах. Свое представление об «интернационале» Голубев сформулировал еще в мае 1917 года: «Наше братское предложение всей Европе — интернационал, лозунг любви и братства, жизнь социальная на демократических началах»⁴⁹.

* * *

Наряду с вышеописанными, «позитивными» и космополитическими представлениями, в мышлении раннесоветских большевиков-активистов присутствовало и иное, противоположенное общее место: идея «русского превосходства» в международных революционных структурах. Эта идея, ставшая преобладающей в сталинизме, присутствовала, хотя и в меньшей степени, и на раннем этапе существования Советской власти. Отчасти за ней стоял неоспоримый исторический факт — действительно, эпоха революционных потрясений, последовавшая за мировой войной, началась с Февральской революции в России. Из этого факта исходил Ленин, когда в апреле 1917 года в своем *Прощальном письме швейцарским рабочим* говорил о «великой чести», которая выпала на долю русских рабочих, — «начать ряд революций». При этом, однако, Ленин четко изложил свой взгляд на идею «русского превосходства»:

...абсолютно чужда мысль считать русский пролетариат избранным революционным пролетариатом среди рабочих других стран. Не особые качества, а лишь особенно сложившиеся исторические условия сделали

---

⁴⁸ «Счастье мое...». С. 105.

⁴⁹ Там же. С. 69.

пролетариат России *на известное, может быть очень короткое, время* застрельщиком революционного пролетариата всего мира⁵⁰.

Как убежденный интернационалист, а также как политик, проведший значительное время за границей и знавший западное рабочее движение⁵¹, Ленин был уверен, что русская революция лишь расчищает дорогу более «развитому» западному индустриальному пролетариату. Но для широких слоев партии, особенно «в низах», такая перспектива должна была казаться менее заманчивой: она могла ассоциироваться с девальвацией собственных революционных достижений. Вписывать русскую революцию в контекст мировой борьбы казалось почетным, но при этом роль «застрельщика» в мировом масштабе была важна для самоутверждения. В результате дискурс широких слоев большевистского движения о «русском» и «мировом» в революции с самого начала клонился в сторону первого. Безусловно, этому способствовала и порой амбивалентная позиция самого Ленина, к примеру, объявившего на VI Всероссийском чрезвычайном съезде советов, что «нами сделано больше, чем кем бы то ни было, для мировой пролетарской революции»⁵². Тем не менее было еще далеко до высказываний вроде открытого требования, пять лет спустя, партийно-коминтерновского функционера О. В. Куусинена поставить все международное коммунистическое движение «под русское руководство»⁵³.

---

⁵⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч. М., 1969. Т. 31. С. 91. Курсив В. И. Ленина.

⁵¹ По свидетельству Троцкого, намного лучше, чем даже его соратники по эмиграции. Во время проживания в Лондоне Ленин, в отличие от остальных редакторов *Искры*, регулярно в качестве частного наблюдателя посещал мероприятия различных течений английской социал-демократии — см.: *Троцкий Л. Д.* О Ленине. Материалы для биографа. М., 2005. С. 23.

⁵² Ленин В. И. Полн. собр. соч. М., 1969. Т. 37. С. 157.

⁵³ Куусинен О. Б. Под русским руководством. Всемирная армия пролетарской революции (1924) // Куусинен О. Б. Избр. произв. М., 1966. Т. 2. С. 64–81. Несмотря на то что фактически Коминтерн с самого начала финансировался РКП(б), «мировая коммунистическая партия» была изначально задумана как

Пока же мысль о советско-русском превосходстве в международном революционном движении выражалась лишь подспудно. В мае 1918 года ЦК РКП(б) разъяснил, что, хотя мировая революция неизбежна, «пока мы одиноки, пока мы можем служить лишь ярким примером для пролетариев других стран»⁵⁴. Партийные активисты среднего звена, а тем более «в низах», не вдавались в такие «подробности»: из статуса «яркого примера» они выводили для себя право давать своим символическим соратникам за границей инструкции. Так, приветственная телеграмма Центрального правления московского Союза металлистов Карлу Либкнехту в ноябре 1918 года имела выраженно инструктивный характер и «советовала» вождю спартакистов употребление определенных лозунгов⁵⁵. Упреком звучало приветствие Советского уезда Вятской губернии в декабре того же года «зарубежным товарищам, еще слабо подхватывающим наше знамя»⁵⁶. И чем больше революции на Западе утихали, тем решительнее звучали такие «упреки». Особенно после провала «Германского октября» в конце 1923 года, после масштабной партийно-общественной кампании солидарности с якобы грядущей революцией в Германии (при том, что уже и предыдущие попытки революционных

«союз равноправных и равновесных революционных партий» (*Timmermann H.* “Proletarischer Internationalismus” aus sowjetischer Sicht. Eine historisch-politische Analyse. Köln, 1983. S. 9) и открытое требование «русского руководства» международным коммунизмом в первые годы существования Коминтерна было бы как минимум аффронтом. О Коминтерне и финансировании зарубежных компартий см.: *Драбкин Я. С.* (Ред.) Коминтерн и идея мировой революции. М., 1998; *Фирсов Ф. И.* Секретные коды истории Коминтерна. М., 2007; и др.

⁵⁴ Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 2. М., 1970. С. 31.

⁵⁵ *Кондратьев В. А.* Отклики на ноябрьскую революцию в Советской России // *Кульбакин В. Д.* (Ред.) Ноябрьская революция в Германии. Сб. ст. и мат-лов. М., 1960. С. 31.

⁵⁶ Приветственная телеграмма уездного съезда советов Советского уезда Вятской губернии в СНК, 29 декабря 1918 г. (ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 93. Д. 2. Л. 125).

действий в 1918–1919 и 1921 годах окончились для немецких коммунистов неудачно), большая волна разочарования прокатилась среди большевистских активистов, вплоть до выходов из партии и единичных самоубийств⁵⁷. Широкая масса партийцев и сочувствующих же разочаровалась в идее мировой революции еще раньше. Упомянутый Иосиф Голубев в своем дневнике еще в декабре 1919 года, жалуясь на обильное пролитие «крови трудового народа», констатирует, что это будет продолжаться до тех пор, «пока восстановится мировая революция. А это еще не скоро будет»⁵⁸. После этого и как минимум до 1923 года (конец опубликованной части дневника) вопросы мировой революции Голубева уже ничуть не занимают — их сменяют жалобы на внутривнутрипартийные интриги, а затем видим полную деполитизацию автора. В то же время партийная пропаганда на местах делала все больший упор на лидерство российских коммунистов в международном масштабе. Уже в 1920 году особый выпуск провинциальной партийной газеты к годовщине Октябрьской революции прокламировал: «Российская коммунистическая партия большевиков ровно три года ведет мировой пролетариат к освобождению от ига капиталистов»⁵⁹, а план занятий провинциальной партшколы того же года предусматривал отдельный урок на тему «РКП как вождь мирового пролетариата»⁶⁰.

---

⁵⁷ См.: *Albert G.* “German October is Approaching”. *Internationalism, Activists, and the Soviet State in 1923 // Revolutionary Russia*. 2011. N 2 (в печати). О роли Советского Союза в «Германском октябре» см.: *Бабиченко Л. Г.* Политбюро ЦК РКП(б), Коминтерн и события в Германии в 1923 г. Новые архивные материалы // *НИИ*. 1994. № 2. С. 125–157; *Bayerlein B.H., Babičenko L.G., Firsov F.I., Vatlin A.Ju.* (Hrsg.) *Deutscher Oktober 1923. Ein Revolutionsplan und sein Scheitern*. Berlin, 2003.

⁵⁸ «Счастье мое...». С. 305.

⁵⁹ Свободный пахарь [Орган Уисполкома Совета Р. К. и К. Д. и Ливенского Уездного Комитета РКП(б)], особый выпуск, 7 ноября 1920 г. (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 60. Д. 12. Л. 71).

⁶⁰ Доклад об агитпропаботе в Пермской губернии, 24 декабря 1920 г. (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 60. Д. 8. Л. 40).

Вышеописанная тенденция хоть и не объясняет исчерпывающе модификацию внешнеполитического курса под эгидой Сталина в сторону «построения социализма в одной отдельно взятой стране», является ее важной предпосылкой. Перспектива мировой революции ушла на задний план. Ударничество, «бдительность» и советский патриотизм пришли на смену «мировому пожару» и «всемирному братству» в роли главных мотиваторов коммунистического активиста⁶¹. Это не значит, что интернационализм целиком исчез из агитационного арсенала (ведь даже введение в Прагу советских танков в 1968 году легитимировалось «интернациональным долгом»). Тем не менее идея интернациональной солидарности и участия (наряду с другими странами) в мировой революции являлась центральным и специфическим компонентом мышления и деятельности коммунистических активистов именно раннесоветской эпохи. Аппеляция к всемирному революционному процессу и связанные с ним космополитические надежды являлись наследием коммунизма как социального движения эпохи войны и революции. Для сталинского руководства, мобилизовавшего население на «социалистическое строительство» в национально-государственных рамках, подобные идеологические элементы не имели особой ценности. Тем не менее и сталинский режим, вынужденный черпать свою легитимацию из революционного прошлого, не мог обойтись совсем без апелляции к международной солидарности, о чем, к примеру, свидетельствуют кампании солидарности с республиканской Испанией в 1930-е годы⁶².

---

⁶¹ Дубровский А. М., Прудникова Е. П. Идеологическое перевооружение. Патриотизм и идеология большевиков. 1920–1940-е гг. // Отечественная культура и историческая мысль XVIII–XX веков. Вып. 3. Брянск, 2004. С. 55–91; Brandenberger D. Proletarian Internationalism, “Soviet Patriotism” and the Rise of Russocentric Etatism During the Stalinist 1930s // Left History. Vol. 6. 2000. N 2. P. 80–100.

⁶² Kowalsky D. Stalin and the Spanish Civil War. New York, 2004; Аврус А. И. МОПР и национально-революционная война в Испании // Макаренко А. А., Врэдий В. А.

Но для советской истории 1920-х годов интернационализм как «альтернативный [...] путь осмысления информации о внешнем мире»⁶³ являлся центральным фактором, до сих пор явно недооцененным. Он представляется особенно важным не только при составлении наиболее полной картины политической жизни и политического мышления первых лет Советской власти, но и при осмыслении последующих внутривластных конфликтов 1920-х годов⁶⁴. В то же время, чтобы глубже осмыслить роль интернационализма 1920-х годов, нужно принять во внимание его возникновение и роль в массовом сознании активистов в годы революции и Гражданской войны. Это должно быть, однако, лишь первым шагом: дискурс является только частью «социальной практики»⁶⁵. В соответствии с «праксеологическим» направлением в историографии⁶⁶, перед будущими исследователями стоит задача локализовать влияние интернационализма на повседневные политические практики большевистских «низов».

(Ред.) Массовые движения солидарности. Традиции и современность. Киев, 1983. С. 86–97. См. также статью Т. Мухаматулина в настоящем номере.

⁶³ *Brooks J.* Official Xenophobia and Popular Cosmopolitanism in Early Soviet Russia // *American Historical Review*. 1992. N 12. P. 1441.

⁶⁴ На эту связь указывали еще классические авторы. См., например: *Daniels R. V.* The Conscience of the Revolution. Communist Opposition in Soviet Russia. New York, 1969. P. 212–216; *Rauch G. von.* Geschichte der Sowjetunion. Stuttgart, 1977. S. XI; *Geyer D.* Sowjetrussland und die deutsche Arbeiterbewegung 1918–1932 // *Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte*. 1976. N 1. S. 26.

⁶⁵ См.: *Welskopp T.* Klasse als Befindlichkeit? Vergleichende Arbeitergeschichte vor der kulturhistorischen Herausforderung // *Archiv für Sozialgeschichte*. Bd. 38. 1998. S. 301–336; *Reckwitz A.* Towards a Theory of Social Practices. A Development in Culturalist Theorizing // *European Journal of Social Theory*. Vol. 5. 2002. N 2. P. 243–263; *Reichardt S.* Praxeologische Geschichtswissenschaft. Eine Diskussionsanregung // *Sozial Geschichte*. Bd. 22. 2003. H. 3. S. 43–65.

⁶⁶ См., например: *Schatzki T. R., Knorr-Cetina K., Savigny E. von.* (Ed.) The Practice Turn in Contemporary Theory. London, 2001; *Hörning K. H., Reuter J.* (Hrsg.) Doing Culture. Neue Positionen zum Verhältnis von Kultur und sozialer Praxis. Bielefeld, 2004.

Александр Резник

Рабочие и «рабочая демократия»: Борьба в РКП(б) на рубеже 1923–1924 годов

Осенью 1923 года в Российской коммунистической партии (большевиков) разгорелся острый политический конфликт. Борьба развернулась в самой верхушке партии — Политбюро ЦК РКП(б): фракционный блок И. В. Сталина, Г. Е. Зиновьева и Л. Б. Каменева («тройка») сделал ряд политико-символических шагов по постепенному отстранению от власти Л. Д. Троцкого и его сторонников. Но это была не банальная борьба «за власть»: социальная, политическая и экономическая ситуация в целом обеими сторонами характеризовалась как проблемная и даже кризисная.

Внутрипартийная Левая оппозиция заявила о себе именно как о силе, способной дать ответ на вызов кризиса. Одним из ключевых требований, звучавших в письмах Л. Д. Троцкого и *Заявлении сорока шести* авторитетных партийцев (Е. А. Преображенский, Т. В. Сапронов и другие), была борьба с «бюрократизмом» и действительное проведение в жизнь «рабочей демократии», сформулированной в резолюции X съезда двумя годами ранее как программный и уставной принцип «внутрипартийной демократии». 7 ноября 1923 года, с публикацией в *Правде* статьи Зиновьева *Новые задачи партии*, началась публичная внутрипартийная дискуссия. В центре внимания «общественного мнения партии» оказались такие проблемы, как «отрыв» партии от своей социально-классовой базы — рабочих, а партийного аппарата — от массы «рядовых», практика «назначенства» и «рекомендаций» функционеров аппарата в обход выборов, прогрессирующее материальное расслоение «верхов» и «низов», подавление свободы слова и другие.

Оппозиционность начала развиваться в «низах», создавая угрозу политическому благополучию функционеров из числа сторонников большинства ЦК. 5 декабря ЦК и ЦКК единогласно приняли резолюцию *О внутрипартийной демократии*, обозначившую «новый курс». Оппозиционеры критиковали «старый курс» более радикально и требовали «гарантий» проведения «нового»; в частности, многие из них требовали перевыборов секретарей партийных комитетов. Но оппозиция, не являвшаяся, вопреки обвинениям, организованной группой (фракцией), уже с середины декабря начала проигрывать более эффективному, структурированному и сплоченному противнику в борьбе за голоса рядовых партийцев. Январской партийной конференцией 1924 года оппозиция была объявлена антипартийным, «мелкобуржуазным уклоном» и прекратила борьбу¹.

Обвинение в классово чуждом «уклоне» касалось, в первую очередь, вождей оппозиции, но тень падала и на всех тех, кто открыто поддерживал те или иные ее лозунги, либо просто выступал с критикой. Как правило, на партийных собраниях в защиту «точки зрения ЦК» выступали секретари и председатели партийных и советских властных институций. В этих условиях выступление рабочих-коммунистов в поддержку или защиту вождей оппозиции де-факто ударяло по местным «бюрократам», и наоборот — любой социальный и политический протест рабочих-партийцев сознательно или стихийно конструировался как «оппозиционный».

Протестные настроения и протестная деятельность рабочих в период внутрипартийной борьбы в 1923–1924 годах до сих пор исследованы слабо. В годы советской власти образ

---

¹ См. об основных событиях исследуемого периода: *Вилкова В. П.* От составителя // РКП(б): Внутрипартийная борьба в двадцатые годы: Документы и материалы. 1923. М., 2004. С. 5–29.

оппозиционера-рабочего долгое время являлся фигурой умолчания, будучи взятым в «заложники» авторами и проводниками политической линии правящей партии². Зарубежные историки, как сторонники теории «тоталитаризма», так и «ревизионисты», помимо того, что они были лишены доступа к архивным источникам, были более увлечены проблематикой «борьбы за власть» в верхах, нежели процессами в «низах»³. На рубеже 1980–1990-х годов, с поражением советского блока в «холодной войне», резко понизился интерес как к «рабочей истории» вообще, так и к истории оппозиции 1923 года в частности. В то же время «архивная революция» сделала доступными многие документы, что обеспечило возможность более глубокого погружения в политическую историю локальных пространств⁴. Так, большой шаг вперед в исследовании вопроса был сделан Г. Л. Олехом и В. М. Кружиновым, опиравшимися на материалы крупных регионов страны — Сибири и Урала⁵.

Протоколы ячеек (первичных парторганизаций) студентов стали базой для постструктуралистского прочтения феномена

---

² О политике в историографии исследуемого вопроса в наиболее откровенной форме см. обзор Академии наук СССР, составленный для «закрытого пользования»: *Носов А. П.* Советские историки о борьбе против троцкизма: Научно-аналитический обзор. М., 1977.

³ См., например, два классических исследования: *Carr E. H.* The Interregnum: 1923–1924. London, 1954; *Daniels R. V.* Conscience of the Revolution. Communist Opposition in the Soviet Russia. Cambridge, 1960.

⁴ Впрочем, как показал Д. Хинкс, даже внимательное прочтение официальных сводок об уровне поддержки оппозиции может привести к выводам, подрывающим мифы о ее низкой поддержке, — см.: *Hicks D.* Support for the Opposition in Moscow in the Party Discussion of 1923–1924 // *Soviet Studies*. 1992. Vol. 44. 1992. N 1. P. 137–152.

⁵ *Олех Г. Л.* Поворот, которого не было: Борьба за внутрипартийную демократию 1919–1924 гг. Новосибирск, 1992; *Кружинов В. М.* Политические конфликты в первое десятилетие советской власти (на материалах Урала). Тюмень, 2000.

оппозиции, предпринятого И. Халфином⁶. С. Пирани сфокусировался на «низовых организациях» рабочего класса Москвы и осветил некоторые факты оппозиционности фабрично-заводских ячеек⁷. Книга марксистского историка К. Мерфи, целиком посвященная «классовой борьбе» на крупном московском металлургическом заводе, как это ни странно, отражает современное состояние дел в исследуемом вопросе: рабочие как политические акторы преимущественно остаются в тени деятельности оппозиционеров⁸. Оппозиционность самих рабочих представлена поверхностно, «широкими мазками» — без должного внимания к конкретным практикам и контекстуальным аспектам.

Один из ключевых факторов, затрудняющих реконструкцию изучаемого феномена, — особенности источниковой базы. Источники представлены главным образом документами делопроизводства верхних эшелонов партийного руководства, хранящимися в Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ). Большинство из них — это протоколы партийных собраний. Ведение стенограмм могли позволить себе лишь крупные районные партсобрания в Москве. Для обычных протоколов редкостью были даже цитаты из выступлений отдельных ораторов. Другой важный источник — разнообразные отчетные письма («личные», «закрытые», «информационные» и так далее) местных секретарей вышестоящему начальству. Они были довольно краткими, но секретари могли прилагать к письмам протоколы собраний, выдержки из печати и тому подобное. Хотя 8 мая 1923 года ЦК вменило в обязанность

---

⁶ *Halfin I.* Intimate Enemies. Demonizing the Bolshevik Opposition, 1918–1928. Pittsburgh, 2007.

⁷ *Pirani S.* The Russian Revolution in Retreat, 1920–24. Soviet Workers and the New Communist Elite. London, 2008. P. 220–222.

⁸ *Murphy K.J.* Revolution and Counterrevolution: Class Struggle in a Moscow Metal Factory. Chicago, 2005. P. 165.

губернским парткомитетами сообщать в ОГПУ о тех, кто выдвигает «левацкие лозунги»⁹, секретари, на наш взгляд, имели склонность фокусировать внимание на оппозиционности работников партаппарата, а не рядовых партийцев. Протоколы и письма секретарей, на наш взгляд, представляют собой единственный «массовый источник» по протестным настроениям рабочих на пространстве всего советского государства. Но и они не способны полностью удовлетворить потребности исследователя как по «глубине» погружения в материал, так и по «ширине» его охвата. Крайне редкими являются источники личного происхождения (письма, дневники и так далее), сосредоточенные, как правило, в архивах бывших советских региональных центров.

Уникальный в своем роде документ отложился в архиве ЦК — это «сводка» отдельных «выражений и мыслей», раздававшихся на собраниях в рабочих ячейках Бауманского района Москвы, а также на районном пленуме. «Сводка» была составлена неким Рабкиным, судя по всему, сотрудником одного из отделов ЦК, — для информирования о протестных настроениях. Бауманский район мог особенно сильно интересовать политическое руководство в связи с богатой историей его «рабочей» оппозиционности в 1920–1922 годах¹⁰. «Сводка» не содержит указаний на авторство той или иной цитаты (это мог быть и не рабочий), равно как и на степень распространенности подобных настроений. Однако уже сам факт того, что «выражения и мысли» высказывались вслух, а затем фиксировались представителем партаппарата, заставляет обратить внимание на этот небольшой документ.

---

⁹ Цит. по: *Browkin V. Russia after Lenin. Politics, Culture and Society, 1921–1929.* London; New York, 1998. P. 53.

¹⁰ *Санду Т. А. «Рабочая оппозиция» в РКП(б) (1919–1923 гг.): Дис. ... канд. ист. наук.* Тюмень, 2006. Выражаю благодарность автору за любезно предоставленный в электронном виде текст.

Сам партаппарат, как показывает «сводка», и являлся объектом недовольства. Именно на «верхи» возлагалась ответственность за ошибочный «старый курс», формировавший пассивность и конформизм рядовых партийцев. «Наш аппарат имеет мало рабочих: “смеркачей” (рабочих) оттуда постепенно выжили», — сказал один из ораторов. Помимо отрыва аппарата от основной массы партии фиксировался и отрыв самой партии от рабочих: «В партии положение таково: генералы остаются без армии, мы оторвались от массы»; «Мне рабочие говорят: “что коммунист? Пешки: слова сказать не могут. Чего же идти к вам”». При этом нашло отражение «социологическое» прочтение обсуждавшегося внутрипартийного конфликта: «Меньше всего главкам нужно опасаться группировок, это на верху возможно, нас же объединяет труд. Группировки возможны две: верхи и низы. У нас и сейчас существуют касты». В связи с этим представляет интерес восклицание: «Партийная знать попала в Дом Союзов на дискуссию, а нас не пустили». Протесты раздавались против «давления сверху» на ход дискуссии. Информация о ней в печати, по мнению безымянных рабочих, подавалась «однoboкo». Доставалось как местным аппаратчикам, так и членам Политбюро: «Я первый раз выступаю, до сих пор не давали. Возьмем Аронштама¹¹: чуть рот разину — сразу демагог. Такие аппаратчики осуществить демократию не могут»; «Ильич сказал: дурак тот, кто верит на слово. Когда Зиновьев клянется в демократии, то я ему не верю, потому что он сам бюрократ». В ход пускались аргументы, которые, в силу своего скандального характера, никогда не замечались за известными оппозиционерами, например: «Зиновьев и Каменев забыли, что тов. Ленин в 17 году назвал их дезертирами и штрейкбрехерами»¹². Таким образом рабочие откликались на актуальные вопросы проходившей дискуссии.

---

¹¹ Член Московского комитета РКП(б).

¹² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 11. Д. 306. Л. 6.

Не удивительно, что пролетарские парторганизации Москвы были способны предпринимать относительно радикальные действия. Так, ячейкой Гознака был восстановлен в членстве товарищ, имевший репутацию «смутьяна» за непримиримую борьбу с принудительной подпиской на «золотой заем». Пикантность ситуации заключалась в том, что он вступил в партию в годы Гражданской войны, а до этого был меньшевиком. На следующем собрании ячейка Гознака потребовала сменить секретаря местного райкома. Как недостаточно активно проводящего курс на «демократизацию», своего секретаря переизбрала ячейка «Автомобильного московского завода». Партийцы небольшого завода «Метрон» требовали права посещения заседаний любого комитета и прекращения составления аппаратчиками «секретных дел» на членов партии¹³.

Научно и идеологически сфокусированное на рабочем классе исследование С. Пирани, из которого были почерпнуты эти примеры, имеет существенный недостаток: оно не объясняет фактов поддержки рабочими оппозиционных вождей. В аппарате ЦК констатировали: во многих ячейках Москвы принимались резолюции, осуждавшие «резкие выпады на т. Троцкого», начавшиеся в печати с середины декабря за авторством И. В. Сталина, Г. Е. Зиновьева, редактора *Правды* Н. И. Бухарина и других¹⁴. Рассмотрим один из таких случаев более подробно.

22 декабря 1923 года в секретариат Л. Д. Троцкого поступила телефонограмма А. Л. Колегаева, главы Москуста — объединения нескольких московских предприятий различного профиля. Это

---

¹³ *Pirani S.* The Russian Revolution in Retreat. P. 220–221. К сожалению, С. Пирани не углубился в изучение ситуации с заводом «Метрон», хотя особенность его случая могла быть детерминирована тем, что часть территории завода была отдана под общежитие сотрудников ОГПУ.

¹⁴ Обзор деятельности и состояния Московской организации РКП(б) за 1923 год (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 33. Д. 243. Л. 92).

было небольшое «постановление» общего собрания ячейки завода «Красный кожевник», входившего в Москуст, где говорилось, что «ЦК и партийный аппарат обнаружили желание диктовать партии свое толкование тезисов ЦК (о внутривнутрипартийной демократии. — *А. Р.*), что явно противоречит тезисам ЦК. В этом есть противоречие, вносящее обострение в дискуссию и создающее возможность таких выступлений, как выступление тов. Сталина против тов. Троцкого»¹⁵. Несмотря на то что резолюция не отражала чисто классового недовольства, ее стиль, на наш взгляд, свидетельствует о «пролетарском» авторстве.

Тот факт, что телефонограмма была передана «управляющим», дает основания предполагать, что Колегаев, бывший левозерский нарком земледелия в 1917–1918 годах, своеобразно провел резолюцию в интересах Троцкого, действуя в русле патрон-клиентских отношений. Так, сын работавшего в Москусте инженера вспоминал: «Сам товарищ Троцкий ему (Колегаеву. — *А. Р.*) покровительствовал и однажды даже удостоил своим посещением особняк Москуста». Однако можно расширить гипотезу о патронаже: рабочие могли добровольно и самостоятельно протестовать против нападков на «вождя»-патрона, ведь, по словам того же мемуариста, «кусты являлись изобретением самого товарища Троцкого, Москуст находился под его особым покровительством»¹⁶. Троцкий действительно проявлял внимание к Москусту. Так, 7 сентября 1922 года Троцкий просил Колегаева содействовать вовлечению рабочих в демонстрацию 7 ноября: «Надо помочь рабочим фабрик и заводов Куста принять достойное участие в демонстрации (заготовление необходимых знамен, плакатов и пр.). Подготовку следует начать сейчас

---

¹⁵ РГВА. Ф. 33 987. Оп. 1. Д. 569. Л. 334. Автор глубоко признателен Г. Альберту за копии этих и других документов РГВА.

¹⁶ *Голицын С. М.* Записки уцелевшего. М., 1990. С. 156.

по соглашению с ближайшей парторганизацией»¹⁷. Таким образом, не только чисто политические факторы определяли появление протестной резолюции. В рамках традиций патернализма, свойственных российской политической культуре, хотя бы часть трудящихся фабрики не могла не связывать свои надежды с фигурой могущественного «покровителя».

Примечательно, что партсобрание другого предприятия Москуста также направило Троцкому письмо: «Мы получили ваше письмо¹⁸, в котором вы обещаетесь быть у нас, и надеемся на ваше скорое выздоровление, так как все рабочие горячо желают видеть вас»¹⁹. Было ли это послание также одной из форм протеста — вопрос сложный и требующий уточнения ряда моментов. Однако представляется, что поддержка Троцкого в условиях концентрированной атаки на него партийного истеблишмента могла являться вполне осознанной позицией.

Многие провинциальные рабочие-коммунисты даже не читали партийную прессу и нигде, за редкими исключениями, не могли услышать живого представителя Левой оппозиции. Местные партийные функционеры зачастую владели монополией на информацию о событиях в центре. «Знание» было одной из форм их «власти», сдерживавшей оппозиционность²⁰. Соответственно, в подавляющем числе случаев и оппозицию возглавляли представители партаппарата.

Интереснейший случай имел место в Красноярске. Этот случай относительно подробно описан высокопоставленным

---

¹⁷ Письмо Троцкого Коллегаеву, 7 сентября 1922 г. (РГВА. Ф. 33 987. Оп. 1. Д. 498. Л. 677).

¹⁸ В соответствующем деле письмо Л. Д. Троцкого не выявлено.

¹⁹ Письмо завкома, бюро ячейки и делегатского собрания завода «Красный поставщик» (РГВА. Ф. 33 987. Оп. 1. Д. 569. Л. 306 об.).

²⁰ На наш взгляд, здесь актуален концепт М. Фуко «знание-власть», занимающий центральное место в его книге *Надзирать и наказывать* (1975).

партийно-профсоюзным функционером Ю. А. Фигатнером в письме секретарю Всероссийского центрального совета профсоюзов. Автор и адресат письма не случайны — в Красноярске оппозицию возглавили В. Ф. Пронский (глава губернских профсоюзов) и другие лица, тоже преимущественно ответственные работники профсоюзов. Они сосредоточили «все свое внимание», отметил Фигатнер, не на всем городе, а на единственном его районе. К сожалению, рабочие в письме представлены исключительно в качестве объектов деятельности оппозиции, которая «разводила демагогию на почве заработной платы, твердила везде и всюду, что губком понижает зарплату» (других социально-экономических причин оппозиционных настроений в письме не указано). Хотя автор утверждает, что понижений не было, «демагогия» ложилась на благодатную почву и де-факто отвечала настроениям рабочих. В итоге «они втянули в оппозицию ячейки: водников²¹ (около 400–450 ч.), электростанции, мельницы, кожевников, коммунальных предприятий, пищевиков, грузчиков и т. д., все эти ячейки исключительно пролетарские по своему составу...». Объясняя успехи «левых» в этом районе, Фигатнер отмечает, что губком изначально не направил туда сильных работников. Но этот просчет не был главным.

В условиях, когда бурно обсуждался вопрос об «отрыве верхов от низов», в Красноярске рост успехов оппозиционных «верхов» был определен их буквальным сближением с «низами». Фигатнер пишет:

...секретари ячеек первого района были обработаны, как говорят сибиряки на «Ять», секретари сплошь рабочие, хорошие, энергичные ребята, оппозиция проводила все время в районе, они не только работали в ячейках, они индивидуально обрабатывали публику, они проводили все свободное время в районе, спали в районе, выпивали с ребятами, словом все возможное делали, чтобы район был ихний и они в этом больше чем преуспели.

---

²¹ Работников водного транспорта.

Представляется, что столь демократичная форма повседневной политической коммуникации в немалой степени подпитывала или высвобождала протестный потенциал рабочих.

Красноярский случай примечателен и еще одним нарушением устоявшегося диспозитива. Когда на очередном собрании секретарь губкома сообщил об исключении из партии только что избранных в президиум лидеров оппозиции, «настроение собрания уже предыдущим чрезвычайно наэлектризованное, после оглашения постановления губКК стало на дыбы, получился невероятный кавардак в результате большинство членов ушло с собрания с пением Интернационала»²². В письме Фигатнер не рассказал, каким образом удалось вывести рабочих из «наэлектризованного» конфликтом поля, но в апреле 1924 года все активные сторонники «группы Пронского» из партии были исключены.

Заметим, что изолированность красноярских оппозиционеров в границах одного района не являлась основной причиной их поражения. Так, полностью в оппозиции были парторганизации Челябинска и соседнего с ним шахтерского поселка Копейск²³. Будучи умеренным сторонником оппозиции, сумел заручиться поддержкой рабочих ячеек секретарь Вятского губкома М. И. Миньков²⁴. Но в этих и других случаях вышестоящие партийные функционеры постепенно добивались осуждения оппозиции. Политический протест рабочих едва ли мог институализироваться, как в Красноярске, без участия в оппозиции хотя бы нескольких представителей партийного аппарата.

В Перми оппозиционно настроенные партийные функционеры начали и закончили внутривнутрипартийную борьбу раньше ра-

---

²² Письмо председателя Сиббюро ВЦСПС Ю. А. Фигатнера секретарю ВЦСПС А. И. Догадову, 28 мая 1924 г. (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 33. Д. 205. Л. 1–2 об.).

²³ *Кружников В. М.* Политические конфликты. С. 150–155.

²⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 11. Д. 284. Л. 133, 134–136.

бочих. 3 января 1924 года состоялось дискуссионное собрание в Мотовилихинском районе города, где находился известный одноименный завод. В защиту ЦК там выступил председатель окружного исполкома М. А. Советников, а содокладчиком от оппозиции — руководитель окружного агитпропа и редактор журнала *Пролетарий* А. И. Баранов.

Почти половина выступлений, прозвучавших в прениях по докладам, была выдержана в оппозиционном духе. Первый из выступавших, слесарь С. С. Шубин, заявил, что ЦК «держал под сукном», то есть не выполнял, резолюцию X съезда о внутрипартийной демократии. В ячейках, по его мнению, всем руководили секретари: «...что они скажут, то мы и сделаем». Другой рабочий, столяр Г. П. Бурьлов, выражая свое несогласие с защитником большинства ЦК Советниковым, предпринял символическое классовое отграничение от него как от профессионального партийца и, в частности, оратора. Начало его речи запротоколировано так: «Я плохо говорю, но поучусь». На наш взгляд, эти слова могли нести послание, делигитимировавшее «знание-власть» ответственных работников аппарата.

Важно, что Бурьлов пошел на нарушение табу, заявив, что «некоторые положения Мясникова сейчас приемлемы, а тогда ему зажал Губком рот»²⁵. Это была откровенная «игра с огнем»: местная левокоммунистическая оппозиционная группа во главе с рабочим вожаком Г. И. Мясниковым (1920–1922 годы), несмотря на уверенную поддержку заводчан, была разгромлена усилиями центрального и губернского партаппаратов, а в конце концов — и усилиями ГПУ²⁶. Мотовилихинские коммунисты ради того, чтобы остаться в партии, должны были отречься от «мясниковщи-

---

²⁵ Протокол (ПермГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 70. Л. 14–14 об.).

²⁶ См.: *Аликина Н. А.* Дон Кихот пролетарской революции. Пермь, 2006; *Санду Т. А.* «Рабочая оппозиция» в РКП(б); *Кружинов В. М.* Политические конфликты.

ны» хотя бы на словах. Осенью партийная пресса сообщила об арестах членов оппозиционной «Рабочей группы», возглавлявшейся Мясниковым. Таким образом, его защита была сопряжена с опасностью; после разгрома «мясниковщины» на собраниях, судя по их протоколам, никто в защиту Мясникова не высказывался. Смелое заявление столяра Бурьлова, по-видимому, было вдохновлено «новым курсом», шедшей тогда дискуссией и, возможно, сведениями об относительно высоком уровне поддержки оппозиции как в Москве, так и в Перми.

Но в заключительном слове оппозиционер Баранов пошел на попятную, заявив, что «в прениях выявлено единство». Советников, не без справедливости сказав в адрес своего оппонента, что того нельзя «полностью» причислить к оппозиции, сосредоточился на критике оппозиционеров из «низов». В итоге резолюция в поддержку ЦК получила 95, а «оппозиционная» 35 голосов²⁷.

Получив известие о том, что в целом по городу оппозиция получила около 40 процентов голосов, ее лидеры подчинились дисциплине и прекратили борьбу. Но 9 января, на партконференции Мотовилихинского района, делегаты Шубин и Сильгин встали в оппозицию секретарю райкома — преимущественно по вопросу о свободе дискуссии. Оба выразили недовольство тем, что секретарь районной парторганизации требовал одобрения линии ЦК. Очевидно, Шубин и Сильгин и были теми самыми двумя людьми, которые голосовали против резолюции, призывавшей закончить дискуссию и сплотиться вокруг ЦК²⁸. На этом история политического протеста, пусть даже одиночного,

---

²⁷ Протокол № 5 районного собрания завода Мотовилихи, 3 января 1924 г. (ПермГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 70. Л. 15–15 об.).

²⁸ Протокол № 1 I мотовилихинской районной партийной конференции, 9 января 1924 г. (ПермГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 70. Л. 81–82).

в Перми была закончена. Пример Мотовилихи красноречиво говорит о том, что немногочисленных рабочих, выражавших протестные настроения «низов», было нетрудно противопоставить большинству партии.

Протест рабочих в годы Революции и Гражданской войны, как показал специалист в этой теме Д. О. Чураков, был в разных регионах неоднородным²⁹. Точно так же разнообразные социально-политические факторы оказывали влияние на протестные настроения рабочих-коммунистов в период внутрипартийной борьбы. Д. О. Чураков согласился с У. Розенбергом в оценке протестного движения рабочих в годы НЭПа как масштабного и массового, охватывавшего почти все прослойки рабочего класса³⁰. Но представители этого класса, состоявшие в РКП(б), имели важнейшее отличие от своих беспартийных собратьев — необходимость подчинения «партийной дисциплине», — что, в частности, выражалось в отрицании привычных форм коллективного протеста рабочих. В контексте внутрипартийной дискуссии политический протест рабочих-коммунистов принимал разнообразные формы, но, судя по исследованным документам, в целом не нарушал устоявшихся практик и конвенций. Новые реалии внутрипартийного режима, помимо более высокой, чем обычно, политической активности и солидарности, требовали новых форм политического протеста. Даже яркий случай красноярских коммунистов, в знак протеста покинувших, с пением гимна Коммунистического Интернационала, партийное собрание, — отсылал даже не просто к революционным традициям,

---

²⁹ Чураков Д. О. Революция, государство, рабочий протест: формы, динамика и природа массовых выступлений рабочих в Советской России: 1917–1918 годы. М., 2004.

³⁰ Чураков Д. О. Бунтующие пролетарии: Рабочий протест в Советской России (1917–1930-е гг.). М., 2007. С. 269.

а к рутинизировавшимся формам политических ритуалов. Но подобные манифестации, которые легко можно было назвать «фракционной деятельностью», предпринимались, судя по всему, в единичных случаях и в целом не могли предотвратить поражения оппозиции в борьбе за «рабочую демократию».

Измерения советской культуры

**Эволюция представлений о наркотиках
в российских медицинских текстах
(1890–1930-е годы): От «ядов цивилизации»
к «пережиткам капитализма»**

В настоящее время исследователи — медики, социологи и девиантологи — могут с полной уверенностью констатировать, что за последние 20 лет рост употребления наркотиков в России привел к обострению серьезной социальной проблемы, одностороннее решение которой явно неприемлемо. Неудачными оказываются попытки трактовать этот вопрос в узких рамках каких-либо социологических или медицинских теорий, равно как и методы исключительно административно-репрессивного воздействия. Термины «наркотик», «наркоман», «наркомания» употребляются в эссенциалистском и несколько упрощенном смысле, как однозначное «социальное зло», что затрудняет объяснение самого феномена. Также недостаточное внимание уделяется социальным, психологическим, экономическим и иным мотивам, побуждающим индивида к употреблению наркотиков. Тем самым затрудняется понимание того, что на протяжении истории существовали различные режимы регулирования наркотиков, а конкретные формы проведения наркополитики всегда исторически обусловлены.

Нами для исследования был выбран период конца XIX — первой трети XX века (приблизительно с 1890-х по конец 1930-х годов). В этот сравнительно короткий период произошли, в частности, радикальные изменения в отношении российских профессиональных сообществ к наркотикам и наркомании. Если в конце XIX века (когда в России стали появляться первые науч-

ные работы о наркотиках) многие врачи основывали свои выводы главным образом на наблюдении собственных ощущений после принятия наркотика, то к началу 1930-х годов большинство медиков поддерживали представление о наркоманах как о безвольных и аморальных «соцаномаликах», которых необходимо принудительно лечить или даже отправлять в специальные лагеря. Важным рубежом здесь была Первая мировая война, с началом которой употребление наркотиков впервые предстало как серьезная социальная проблема (не только в России, но и в мировом масштабе)¹. Это выразилось не только в значительном увеличении числа наркоманов, но и в проникновении наркотиков в широкие слои городского населения².

Научная актуальность темы очевидна, поскольку советская историография практически полностью игнорировала теневые стороны жизни России в XX веке. История после октября 1917 года представлялась в упрощенном виде — как «успешно развивающийся поступательный процесс», который сопровождался быстрым искоренением «пережитков прошлого»³. Почти не повлияла на советскую историческую и социологическую науку быстро развивавшаяся на Западе теория девиантного поведения. Лишь в 1990-е годы появились исследования и публикации документов, освещавшие ранее «непопулярные» сюжеты.

В работах 1990-х годов авторы на первый план выдвигали анализ обнаруженных ими документов и обоснование применяемой методологии. Были сделаны выводы о «демократизации»

---

¹ Лисовский В. Т., Колесникова Э. А. Наркотизм как социальная проблема. СПб., 2001. С. 24.

² Лебина Н. Б. Повседневная жизнь советского города: Нормы и аномалии: 1920–1930 годы. СПб., 1999. С. 29; Шкаровский М. [В.] Семь имен «кошки»: расцвет наркомании в 1917–1920-е годы // Невский архив: Историко-краеведческий сб. Т. 3. М.; СПб., 1997. С. 467.

³ Лебина Н. Б. Повседневная жизнь. С. 19.

типа российского наркомана после октября 1917 года⁴, проанализирован состав социальных групп, в которых получили наибольшее распространение наркотики⁵. Современные историки отметили пик наркотизации населения в период НЭПа и постепенный отход от наркотиков к концу 1920-х годов, указав для этого факта ряд возможных причин⁶.

Главное проблемное место в современной историографии — не критический подход к ключевым источникам — медицинским текстам. Как кажется, в представлении многих современных историков данные этих текстов являются безоговорочно объективными (тогда как в действительности они были написаны в конкретный исторический период конкретными авторами). Более того, априорно предполагается, что понятие «наркотизм» имело в начале XX века такой же смысл и коннотации, как и сейчас (в то время как зачастую конкретные термины уточняются и переопределяются в рамках той или иной научной теории и, в свою очередь, оказывают влияние на конкретные исследовательские программы). Следует также отметить, что в современной литературе недостаточное внимание уделяется связям между наукой и государственным регулированием рынка наркотических средств.

Цель данной работы заключается как раз в том, чтобы проследить эволюцию представлений о наркотиках в российских

---

⁴ *Лебина Н. Б.* Повседневная жизнь. С. 29.

⁵ *Лебина Н. Б., Шкаровский М. В.* Проституция в Петербурге: (40-е гг. XIX в. — 40-е гг. XX в.). М., 1994. С. 89–90; *Шкаровский М. [В.]* Семь имен «кошки». С. 467, 468, 470; *Лебина Н. Б.* Повседневная жизнь. С. 29–32; *Мусаев В. И.* Преступность в Петрограде в 1917–1921 гг. и борьба с ней. СПб., 2001. С. 180 и др.

⁶ *Шкаровский М. [В.]* Семь имен «кошки». С. 472, 474, 476; *Лебина Н. Б.* Повседневная жизнь. С. 32–33; *Лебина Н. Б., Чистиков А. Н.* Обыватель и реформы: Картины повседневной жизни горожан в годы нэпа и хрущевского десятилетия. СПб., 2003. С. 117.

медицинских текстах конца XIX — первой трети XX века. Рассмотрены наиболее значительные и интересные медицинские тексты (монографии, статьи в профессиональных журналах и газетах, медико-юридическая и публицистическая литература) 1890–1930-х годов. Среди авторов изучаемых текстов необходимо особенно выделить Р. Я. Голант и А. С. Шоломовича — двух врачей, активно занимавшихся также публицистикой, общественной работой и благотворительностью⁷.

* * *

До начала Первой мировой войны российская медицинская наука вряд ли считала наркотизм серьезной социальной проблемой. Более того, под вопросом был и сам список веществ, которые можно называть наркотиками (от работы к работе он варьировался и включал в себя такие разные вещества, как кокаин, опий, морфий, героин, а также алкоголь, табак, чай и кофе). Таким образом, для многих авторов проблема злоупотребления гашишем или опиумом не сильно отличалась от чрезмерного увлечения чаем или кофе. Более того, для многих исследователей проблемы в довоенный период совершенно легитимным методом изучения была интроспекция — наблюдение над своими собственными ощущениями и поведением после приема наркотиков⁸.

---

⁷ Подробнее о биографиях Голант, Шоломовича и других врачей, о значении обстоятельств их жизни для оценки их научных работ см. мою статью: *Vasilyev P. Modernity, Jewishness and Addiction Research in Late 19th and Early 20th Century Russia and Germany // Central European University Jewish Studies Yearbook. Vol. 6. 2011. P. 107–118.*

⁸ [Данилло С. Н.] О влиянии некоторых ядов (спирт, опий, гашиш) на сознание у человека: Публ. лекция д-ра С. Н. Данилло, прив.-доцента Импер. Воен.-мед. акад. СПб., 1894. С. 18–21; Отчет о докторском диспуте Н. Н. Ланге // *Жбан А. Н.* (Ред.) *Российская психология: Антология.* М., 2009. С. 487–488, 494, 506, 511.

Истоки проблемы редко выделялись четким образом. Скорее, они угадываются из того хорошо знакомого нам нарратива рубежа веков, который затрагивал моральные и этические, а не строго медицинские аспекты проблемы. Посвященная наркотикам книга Н. К. Реймера, изданная в 1899 году, называлась *Яды цивилизации*⁹. Таким образом, истоки наркотизма стойко ассоциировались с декадансом, психической и физической дегенерацией, которые проистекали от увлечения цивилизации технологическим прогрессом и сопутствующими ему рыночным капитализмом, урбанизацией и секуляризацией. В соответствии с этим дискурсом о дегенерации определялись и группы потребителей, которые были главными жертвами этой болезни. Богатые, образованные, ведущие современный образ жизни наркоманы включали в себя художников, интеллектуалов, представителей среднего класса (особенно врачей) и предпринимателей¹⁰.

Поскольку наркотизм не представлялся серьезной социальной проблемой, обсуждение возможных вариантов борьбы с ним оставалось на индивидуальном (медицинском), а не социальном уровне¹¹. Большинство работ ограничивались указанием на то, что отнятие наркотика и строгая изоляция больного могли в ограниченном числе случаев привести к успеху. Это, однако, не означает, что до Первой мировой войны российская медицинская наука не интересовалась социальными процесса-

---

⁹ Реймер Н. К. Яды цивилизации. СПб., 1899.

¹⁰ Там же. С. 17–20.

¹¹ Ситуация с употреблением алкоголя была иной. Поскольку алкоголизм в конце XIX века уже представлял собой серьезную социальную проблему и воспринимался в качестве таковой, врачи зачастую включали в свои работы не только профессиональные соображения, но и описания мер социального и культурного характера, которые были призваны искоренить алкоголизм — см., например: [Данилло С. Н.] О влиянии некоторых ядов. С. 38–39.

ми. Как раз наоборот — основные тенденции в медицинском сообществе вели к тому, что радикальные реформистские и революционные идеи приобретали все большую популярность¹². По замечанию Джона Хатчинсона, слова «оздоровление России» для российских врачей того времени зачастую были не просто медицинским лозунгом, но выражением стремления к более рациональному государственному регулированию, к научно обоснованному планированию и контролю¹³.

* * *

Если до начала Первой мировой войны наркотизм не был и не считался серьезной социальной проблемой в России, то для последующего периода, наряду с крахом империи, революциями и Гражданской войной, характерны изменения в плане употребления и распространения наркотиков, равно как и в плане отношения к ним в медицинской среде. Резкое увеличение числа наркоманов и проникновение наркотиков (прежде всего кокаина и морфия) в низшие социальные слои потребовали адекватного объяснения и ответа от советских медиков. Одним из путей решения проблемы стало проведение более четкого различия между собственно «наркотиками» и алкоголем, табаком и другими «ядами». Другой стратегией, избранной врачами, было определение патологических этиологических элементов, которые по своему происхождению восходили к старому режиму, но присутствовали и в новом обществе, затрудняя искоренение наркотизма.

Прежде всего советским медикам надо было определить причины, которые вызвали к жизни такой всплеск наркотизма. Были

---

¹² *Frieden N. M.* Russian Physicians in an Era of Reform and Revolution, 1856–1905. Princeton, 1981.

¹³ *Hutchinson J. F.* Politics and Public Health in Revolutionary Russia, 1890–1918. Baltimore, 1990. P. xv. См. также: *Beer D.* Renovating Russia: The Human Sciences and the Fate of Liberal Modernity, 1880–1930. Ithaca (N. Y.), 2008. P. 1–8.

выделены три большие группы таких причин: 1) социально-политические (например, война или революция), 2) экономические (капитализм, свободная торговля) и 3) прочие (прежде всего запрет продажи спиртного).

Первая мировая война часто справедливо признается одним из главных факторов, способствовавших росту числа наркоманов (особенно морфинистов) в России¹⁴. Это объяснение присутствовало и в работах советских медиков, которые, однако, особенно подчеркивали, что война являлась «империалистической». Таким образом, прежний режим нес ответственность за то, что столько людей пристрастились к наркотикам после тяжелых ранений. Так можно было удобным и «политически корректным» образом объяснить наличие «деклассированных травматиков из разных слоев общества»¹⁵ (в том числе рабочих и крестьян) среди морфинистов.

Другим весомым фактором считались «социальные пертурбации» (революции 1917 года и Гражданская война). Советские врачи, однако, должны были представить эти трагические события в положительном свете. Решение, найденное ими, состояло частично в том, что девиации различного рода (включая наркотизм) объявлялись «пережитками прошлого»¹⁶. Другая часть решения заключалась в том, чтобы признать наркоманов чужеродными и болезненными элементами в социальном плане. В своей статье 1920 года Г. Д. Аронович представил читателю целую га-

---

¹⁴ Лисовский В. Т., Колесникова Э. А. Наркотизм как социальная проблема. С. 24.

¹⁵ Голант Р. Я. Проблемы морфинизма: (Клинические и диспансерные наблюдения, экспериментальные исследования) // Тр. Гос. ин-та медицинских знаний. Вып. 5. Л., 1929. С. 25.

¹⁶ Например: Аронович Г. Д. Наблюдения и впечатления среди кокаиноманов // Научная медицина: Сб. № 6. 1920. С. 676; Вислоух С. Проституция и наркомания: По данным анкеты среди проституток в Москве, организованной Научно-исследовательской комиссией // Рабочий Суд. 1925. № 7–8. С. 317.

лерею кокаинистов, которые не смогли найти свое место в новом социалистическом мире: «высокий бледный юноша, 22 лет, Альберт К. [...] из [...] состоятельной семьи»; «офицер, 24 лет, не принял Октябрь»; магистрант, «человек неуравновешенный, из психопатичной семьи»¹⁷. В некоторой степени подобное представление этих наркоманов снимало с них личную ответственность за болезнь. Скорее, это патологическая модерность и дегенеративное буржуазное окружение сделали их неподходящими для «настоящей» жизни в революционном Петрограде и заставили искать выход в понюшках кокаина.

Немаловажной частью прежнего режима был, конечно, капиталистический характер его экономики. Для многих врачей в Советской России социальные девиации действительно были «пережитками» — а именно «пережитками капитализма». Врачи как хорошие марксисты подчеркивали, что при капиталистическом базисе всегда будут существовать патологические феномены в социальной и культурной сферах. В статье 1926 года А. С. Шоломович специально отмечал, что «капитализм является основной причиной наркотизма»¹⁸. Подобной позиции придерживался и нарком здравоохранения Н. А. Семашко. В его работе *О кокаинизме и борьбе с ним* подчеркивалось, что «главной причиной этой болезни является режим эксплуатации (одни с жиру бесятся, другие отчаялись и забиты)»¹⁹.

У «капитализма» были и более конкретные проявления. Так, по мнению многих врачей, разрешение свободной торговли в период НЭПа создало условия для злоупотреблений в сфере про-

---

¹⁷ *Аронович Г. Д.* Наблюдения и впечатления. С. 681–683.

¹⁸ *Шоломович А. С.* Наркотизм как социально-патологическое явление и меры борьбы с ним среди рабочих // *Шоломович А. С.* (Ред.) Вопросы наркологии. Сб. № 1. М., 1926. С. 47.

¹⁹ *Семашко Н. А.* О кокаинизме и борьбе с ним // Известия ЦИК СССР. 1925. 4 янв.

даже наркотиков. Особенной критике подвергались частные аптеки, контрабандисты, безответственные врачи и аптекари²⁰.

Помимо глобальных вопросов социально-экономического и политического характера, врачи обсуждали и, казалось бы, менее значительные, но зачастую не менее важные причины наркотизма. К примеру, запрет на продажу спиртного, введенный с началом Первой мировой войны, привел к тому, что значительная часть населения нашла в кокаине или морфии замену привычной водке²¹.

В целом можно отметить, что наркотизм конструировался как болезнь, тесно связанная с проблемами современного мира и капитализмом и, следовательно, враждебная социалистической системе.

Из определения этиологии социальной проблемы зачастую следуют и пути ее решения. Разумеется, значительная доля предложений советских врачей касалась медицинской пропаганды, санитарного просвещения и профилактики (с использованием популярных книжек, фильмов и так далее)²². Особое значение придавалось созданию специальных лабораторий и библиотек, организации бесплатных консультаций²³. Для групп риска (де-

---

²⁰ ЦГА СПб. Ф. 2815. Оп. 1. Д. 526. Л. 40 об.; *Семашко Н. А.* О кокаинизме; *Блюмену Е. Б.* Охмеляющие дурманы: Табак, кокаин, морфий, опий, эфир и гашиш, их вред и последствия. Л., 1925. С. 61–62; *Шоломович А. С.* (Ред.) Вопросы наркологии. Сб. № 1. С. 88, 90; *Горовой-Шалтан В. А.* Морфинизм, его распространение и профилактика // *Шоломович А. С.* (Ред.) Вопросы наркологии: Сб. № 2. М., 1928. С. 51–52.

²¹ Например: *Аронович Г. Д.* Наблюдения и впечатления. С. 685, 686. См. также *Лебина Н. Б.* Повседневная жизнь. С. 30.

²² *Семашко Н. А.* О кокаинизме; *Зиман Р. М.* О кокаинизме у детей: (Доклад I Научной конференции по вопросам наркотизма 8 декабря 1923 г.) // *Шоломович А. С.* (Ред.) Вопросы наркологии: Сб. № 1. С. 30.

²³ *Шоломович А. С.* Наркотизм. С. 49–50.

тей, молодежи, преступников и особенно беспризорников) подчеркивалась необходимость превентивных мероприятий²⁴.

Другое решение, предлагавшееся в большинстве работ, касалось устройства специальных наркологических диспансеров по американскому и западноевропейскому образцу²⁵. Опираясь на опыт диспансерной работы по борьбе с туберкулезом и венерическими заболеваниями, Н. А. Семашко предлагал наделять наркологические диспансеры «лечебными, просветительскими, обследовательскими задачами» и разрешить им вмешиваться в личную жизнь и профессиональную деятельность пациентов²⁶.

Для многих врачей решение проблемы наркотизма заключалось в общем улучшении социально-экономической ситуации в стране. Экономические требования советских врачей порой включали такие специфические меры, как «уничтожение частного капитала»²⁷. Действительно, многие врачи концентрировались на искоренении «пережитков капитализма». Так, антикапиталистические (в том числе протекционистские) идеи стояли за требованиями врачей усилить контроль

---

²⁴ *Футер Д. [С.]* О детях-наркоманах // Московский медицинский журнал. 1925. № 10. С. 61; *Рапопорт А. М.* Кокаинизм и преступность // Там же. 1926. № 1. С. 48, 55; *Кутанин М. П.* Вопросы теории и практики морфинизма // *Беляев В. А. и др.* (Ред.) Тр. Первого всесоюзного съезда невропатологов и психиатров. [М.; Л.] 1929. С. 40.

²⁵ *Блюменау Е. Б.* Охмеляющие дурманы. С. 61; *Зиман Р. М.* О кокаинизме у детей. С. 31; *Шоломович А. С.* Наркотизм. С. 48; *Горовой-Шалтан В. А.* Морфинизм. С. 52–53; *Дубрович Г.* Клиническая картина кокаинизма в детском возрасте // *Шоломович А. С.* (Ред.) Вопросы наркологии: Сб. № 2. С. 74; *Шоломович А. С.* Теория и практика борьбы с наркотизмом: Тез. по наркологии для медиков. [М.], [б.г.] С. 3–4; *Бахтияров В. А.* К вопросу о наркомании // Тр. Научно-исследовательских институтов Свердловского облздравотдела: Сб. № 7. Свердловск, 1936. С. 199.

²⁶ *Семашко Н. А.* О кокаинизме.

²⁷ *Шоломович А. С.* Теория и практика. С. 2.

за производством, импортом, распространением и продажей наркотиков²⁸.

* * *

В заключение необходимо подчеркнуть, что медицинские, научные исследования оказали непосредственное влияние на формирование практической наркополитики в России конца XIX — начала XX века. Мы можем наблюдать, как многие решения, предложенные врачами, были реализованы властями к концу 1920-х — началу 1930-х годов. Так, например, беспризорники больше не появлялись на улицах советских городов. Значительные суммы денег выделялись на медицинскую пропаганду, санитарное просвещение и публикацию популярной медицинской литературы. К концу рассматриваемого периода в крупных городских центрах были открыты наркологические диспансеры. Гораздо более строгий контроль, нежели раньше, осуществлялся за производством, импортом, распространением и продажей наркотиков. Наконец, «капиталистический» НЭП уступил место сталинской плановой экономике и системе тоталитарного контроля²⁹.

Тем не менее действия советской власти не смогли *ликвидовать само желание* принимать наркотики у людей, хотя медики в отдельных случаях и подошли близко к пониманию сути наркотического влечения и необходимости кардинального переустройства социально-экономической жизни общества

---

²⁸ ЦГА СПб. Ф. 2815. Оп. 1. Д. 526. Л. 40 об.; *Семашко Н. А.* О кокаинизме; *Блюменау Е. Б.* Охмеляющие дурманы. С. 61–62; *Шоломович А. С.* (Ред.) Вопросы наркологии: Сб. № 1. С. 88, 90; *Горовой-Шалтан В. А.* Морфинизм. С. 51–52.

²⁹ Разумеется, я не имею в виду, что нэповская система была оставлена для того, чтобы справиться с проблемой употребления наркотиков. Однако данный факт показывает, что сторонники сворачивания НЭПа присутствовали в самых разных социальных группах и оперировали самой разнообразной аргументацией в пользу более активного государственного вмешательства.

для нейтрализации проблемы наркотизма. Так, А. С. Шоломович считал, что наркотизм «является по существу рефлексом, реакцией, которой отвечает организм на внешние воздействия», попыткой «хоть субъективно, хоть временно испытать гармонию и удовлетворение»³⁰.

Более того, в долгосрочной перспективе медицинские концепции наркотизма были использованы для маргинализации наркоманов и репрессий по отношению к ним в последующие годы³¹. Так, в программе курса психиатрии для лечебных факультетов медицинских вузов СССР (1938 год) особо подчеркивались социальные и бытовые аспекты наркомании, а «снижением психической личности» обуславливалась необходимость вмешательства и изоляции³². Политизация наркотизма (вместе с активной поддержкой медиками трудовой терапии и недостаточной эффективностью собственно медицинских мер в условиях отсутствия нейролептиков и тому подобных средств) привела к тому, что с конца 1920-х по конец 1930-х годов наблюдалась эволюция от диспансеров к лечебно-трудовым профилакториям и, наконец, к колониям под патронажем НКВД³³. Проблема наркотизма, разумеется, сохранялась (хотя и в менее ярко выраженном

---

³⁰ Шоломович А. С. Наркотизм. С. 45. Данные размышления перекликаются с размышлениями социологов и девиантологов об употреблении наркотиков как форме ретритизма и принципиальной невозможности «искоренения» социальных девиаций. См., например: Мертон Р. Социальная структура и аномия // Рубеж. 1992. № 2. С. 95–96; Гилинский Я. И. (Ред.) Девиантность и социальный контроль в России (XIX–XX вв.): Тенденции и социологическое осмысление. СПб., 2000. С. 54, 122.

³¹ Лебина Н. Б. Теневые стороны жизни советского города 20–30-х годов // ВИ. 1994. № 4. С. 41.

³² Архив СПбГМА. Научная часть. Д. 23. Л. 74.

³³ См., например: Измозик В. С., Лебина Н. Б. Петербург советский: «Новый человек» в старом пространстве. 1920–1930-е годы. (Социально-архитектурное микроисторическое исследование). СПб., 2010. С. 123–134.

виде) и в 1930-е годы³⁴, но вместе с ней сохранялась и традиция исключительно негативного отношения к наркоманам и наркотизму. Сохраняется она и сейчас, когда все больше специалистов подвергают сомнению правильность проводимой государством затратной, жесткой и неэффективной наркополитики³⁵.

---

³⁴ ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 2-с. Д. 60. Л. 250; Архив СПбГМА. Научная часть. Д. 23. Л. 20, 23, 35 об., 36, 39 об.—40, 46, 59, 74.

³⁵ Общая критика государственного регулирования рынка наркотических средств содержится, например, в: *Nadelmann E. A. Drug Prohibition in the United States: Costs, Consequences, and Alternatives // Science. 1989. № 245. P. 939–947.* См. также: *Lynch T. (Ed.) After Prohibition: An Adult Approach to Drug Policies in the 21st Century. Washington, 2001.*

Место непрерывной производственной недели (1929–1931) в антирелигиозной кампании советского правительства

В августе 1929 года СНК СССР принял решение о переходе предприятий на непрерывную производственную неделю (далее: НПН), пятидневку. С этого момента единые выходные для всех были отменены, людей разделили на пять (на некоторых производствах в виде исключения — на шесть) групп, каждая из которых имела свой собственный день отдыха. Этот режим официально просуществовал около двух лет — с августа 1929 по декабрь 1931 года. Официальными целями реформы были: увеличение валовой продукции, снижение ее себестоимости, уменьшение безработицы путем привлечения дополнительных кадров, повышение производительности труда, сокращение сроков строительства, удар по религии, шаг к построению социалистического быта.

В отечественной научной литературе этой реформе не было пока уделено заметного внимания. Среди зарубежных работ можно отметить небольшую статью Клайва Фосса *Stalin's Topsy-Turvy Work Week*¹, полностью посвященную переходу на пятидневную непрерывную неделю. Автор небезосновательно полагает, что с помощью введения нового графика советское правительство пыталось максимально задействовать рабочих. В некоторых

---

¹ Foss C. Stalin's topsy-turvy work week // History today. Vol. 54. 2004. N 9. P. 46–47.

работах введение НПН упоминается, однако не занимает центрального места².

Основной задачей моего исследования является попытка анализа сложившейся ситуации с точки зрения ее участников — рабочих, инженеров и служащих, которые вынуждены были переходить к непривычному распорядку. В данной статье меня будет интересовать лишь один из аспектов бытования НПН — ее место в антирелигиозной кампании советского правительства. В этой небольшой работе я попробую проверить, насколько оправдана распространенная трактовка НПН как части антирелигиозной кампании. Анализ исходит из двух вопросов: каковы были мотивы для введения НПН и как развивалась «антирелигиозная» трактовка НПН?

Часто «борьбу с религией» называют основной причиной введения непрерывной недели³, так как «отменены» были именно воскресенья. Этот вариант мотивации сохранила историческая память:

...не воскресений, а общевыходных, что в те времена было совсем не одно и то же. В стране шла яростная борьба с религией, сильно смахивающая на «охоту за ведьмами» [...] суть в том, что в календаре усмотрели нечто церковное, а посему вместо привычных недель ввели «пятидневки»...⁴

Так вспоминает о происходившем писатель Борис Васильев, который в момент проведения реформы был младшим школьником.

---

² См., например: *Zerubavel E. The French republican calendar: a case study in the sociology of time // American sociological review. Vol. 42. 1977. P. 868–877; Stites R. Revolutionary Dreams: Utopian Vision and Experimental Life in the Russian Revolution. New York; Oxford, 1989.*

³ См., например: *Zerubavel E. The French republican calendar. P. 871.*

⁴ *Васильев Б. Л. Оглянись на середине // Октябрь. 2003. № 6. С. 38, <http://magazines.russ.ru/october/2003/6/vasil.html> (01.02.11)*

Похожие воспоминания сохранились и у И. М. Дьяконова: «В годы первой пятилетки наряду со всеми религиозными праздниками было отменено и воскресенье, а заодно и семидневная неделя вообще»⁵. Отмена воскресений, семидневной недели ставится здесь в один ряд с отменой религиозных праздников. Далее в тексте не упоминается о какой бы то ни было экономической роли непрерывки, и, таким образом, можно заключить, что автор, как и многие другие, считает главной целью реформы гонения на религию.

В официальной прессе, действительно, делался особый упор на антирелигиозную пропаганду и конструирование социалистического быта:

Введение непрерывной недели будет означать полное уничтожение всех без исключения церковных праздников [...] как дней отдыха, а стало быть, колоссальный удар по религиозным предрассудкам в быту, где они чрезвычайно цепко держатся. После издания декрета об отделении церкви от государства мы делаем самый сильный удар по религиозному мракобесию за все время существования советской власти⁶.

При этом нужно учесть, что на рубеже 20–30-х годов антирелигиозная кампания как раз набрала обороты. Относительно мягкие меры и призывы «не допускать оскорбления чувств верующих»⁷ сменились более радикальными мероприятиями: активным разрушением церквей, кампанией по переплавке колоколов «на нужды индустриализации», уничтожением икон. До 1929 года включительно в календарях указывались и религиозные, и советские праздники. Право на отдых в дни религиозных праздников устанавливалось законом⁸. Начиная с 1930 года в

---

⁵ Дьяконов И. М. Книга воспоминаний. СПб., 1995.

⁶ Новый крупный шаг к социализму // Правда. 1927. 27 авг. С. 1.

⁷ *Фицпатрик Ш.* Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России в 1930-е годы: деревня. М., 2001. С. 44.

⁸ См., например: Об особых днях отдыха // Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства РСФСР. М. 1925. С. 102.

календарях могли отмечаться лишь «революционные дни», то есть новые советские праздники.

Легко создается впечатление, что непрерывка, помимо прочего, и впрямь была частью программы по борьбе с религией. Во всяком случае, ее введение совершенно точно послужило водоразделом между двумя этапами антирелигиозной кампании.

Однако любопытно отметить, что антирелигиозные мотивы введения НПН появились далеко не сразу. Так, в *Тезисах для докладчиков и актива*, опубликованных в июле 1929 года (еще до официального объявления о переходе на НПН), перспективе работать в религиозные праздники противопоставляется лишь «сознание большой пользы, принесенной всему государству согласием взять на себя обязательство не прогуливать свои часы»⁹. Борьба с религией не упоминается в этой заметке вообще.

При работе с архивными материалами Правительственной комиссии по вопросам прерывной и непрерывной рабочей недели при СНК СССР также не удалось отметить какого-либо интереса организаторов этой реформы к антирелигиозной агитации. В обсуждениях речь идет в основном об экономических плюсах и минусах реформы, ее авторы явно не планируют никакого антирелигиозного эффекта¹⁰.

Сплошной просмотр подшивок газеты *Безбожник* (основного периодического издания Союза воинствующих безбожников) показал, что заметки о НПН начинают появляться здесь не раньше августа 1929 года. В то же время в «светских» (если можно употребить здесь это слово) изданиях уже в июле началась достаточно активная агитация за новый распорядок¹¹.

---

⁹ Ларин Ю. Непрерывная неделя (Тезисы для докладчиков и актива) // Экономическая жизнь. 1929. 11 июля. С. 3.

¹⁰ См.: Материалы Правительственной комиссии по вопросам прерывной и непрерывной рабочей недели (ГАРФ. Ф. 7059. Оп. 1. Ед. хр. 5, 6, 11, 14).

¹¹ См., например, газеты *Правда* и *Экономическая жизнь* за июль 1929 года.

Таким образом, мы видим, что изначально непрерывка не планировалась как антирелигиозное нововведение. Об этом свидетельствуют официальная пресса, архивные материалы, касающиеся подготовки реформы, и издававшиеся брошюры для агитаторов. Мотив борьбы с религией появился в текстах, связанных с реформой, спустя довольно длительное время после принятия решения о ее проведении. Можно предположить, что массовая антирелигиозная агитация и пропаганда ломки старого быта, последовавшая за принятием решения, являлась всего лишь противовесом возможному сопротивлению людей. Это была своеобразная стратегия, риторическая фигура. Именно с этого фронта ожидали наиболее сильного сопротивления, поэтому значительная часть агитационных сил была заранее направлена именно туда. Разрушение распорядка, складывавшегося столетиями, могло всерьез пошатнуть и без того хрупкое, только-только устанавливавшееся равновесие общества. Н. К. Крупская как раз отмечает возможность ослабления контроля над рабочими из-за возникшей «растерянности»:

Непривычный распорядок времени и отдыха будет первое время связан с некоторой растерянностью. Сектанты постараются использовать это настроение. Изжить влияние сект можно не механическими способами, а углублением и расширением культурно-бытовой и массово-партийной работы¹².

В приведенной цитате речь как раз идет об опасениях, связанных с возможным недовольством рабочих и служащих. Призыв «залатать дыру», образованную нарушением в привычном распорядке вещей, повторяется не раз в агитационной литературе. Изменяя ради быстрой прибыли график работы, правительство, кажется, и впрямь давало «сектантам и религиозникам» повод

---

¹² *Крупская Н. К.* Еще один шаг на пути к социализму // Правда. 1929. 3 сент. С. 4.

для контр-агитации. Именно эту ожидавшуюся информационную атаку и необходимо было заранее отбить. На недостатки массово-партийной работы часто списывали неудачи при введении непрерывки.

Власти, очевидно, понимали, что простое объяснение экономической выгоды реформы не даст необходимого результата. Простые рабочие могли просто не понимать значения таких слов, как «себестоимость» и «валовая продукция», зато очень хорошо чувствовали на себе отмену воскресений и сдвиг графиков. *Поэтому пропагандой защищалась наиболее слабая и в то же время доступная пониманию сторона: мы не просто ломаем старый быт, мы создаем новую, лучшую жизнь. Безусловно, есть значительная вероятность того, что вписывание непрерывки в контекст антирелигиозной пропаганды явилось лишь случайным следствием совмещения антирелигиозной агитации и необходимости срочного экономического подъема.* Однако, как мне кажется, это не исключает моего основного тезиса.

В следующей цитате на микроуровне (всего одно предприятие) как раз описывается ситуация, которой опасались власти¹³:

Пользуясь тем, что фабком и ячейка не разъяснили в достаточной мере рабочим всю важность такого перехода (на пятидневку. — *М.Г.*), сектанты, имеющиеся на фабрике, начали свою агитацию, и это им удалось¹⁴.

Следующие фрагменты буквально иллюстрируют опасения правительства:

---

¹³ Необходимо отметить, что в данном случае для работы неважно, является ли заметка, опубликованная в центральной газете (*Правда*), достоверным отражением ситуации на фабрике им. Свердлова. Важным является то, что текст, появившийся на страницах официального издания, совершенно точно отражает реальные опасения и предлагавшуюся программу действий для устранения опасности («усилить разъяснительную работу»).

¹⁴ Без участия масс. По приказу свыше (на фабрике им. Свердлова) // *Правда*. 1929. 4 сент. С. 5.

Классовые враги пролетарской диктатуры неизбежно попытаются использовать все остатки старого быта и предрассудки, религиозность в частности, для усиления наступления на политику партии, на социалистическую реконструкцию, поэтому парт. организации должны использовать переход на непрерывное производство для нового наступления на классового врага, усиления коммунистического воспитания масс...¹⁵

Спротивление переходу на непрерывную неделю прежде всего идет по мотивам религиозным. Этому мешают косность, привычки и т. д. Опыт перехода на непрерывку [...] показывает, что именно религиозные и бытовые моменты и являются большой помехой успешного осуществления непрерывки¹⁶.

Правительство считало реформу экономически совершенно необходимой¹⁷, а чтобы избежать указанных в приведенной цитате «помех», пропаганда попыталась обернуть самое опасное следствие реформы на благо строительства «нового мира».

Косвенным доказательством того, что борьба с религией не являлась одной из причин введения НПП, служит пришедшийся на середину 1929 года достаточно продуманный отказ от решительных мер по полному упразднению религиозных праздников. В одном из документов того времени, например, говорилось:

...совершенно отказаться от установленных дней отдыха, приуроченных к религиозным праздникам, пожалуй, нецелесообразно, т. к. поскольку религиозный дурман еще не изжит, это повело бы к большому количеству прогулов...¹⁸

---

¹⁵ Директива Центрального комитета ВКП (б) парторганизациям в связи с переходом на непрерывное производство // Правда. 1929. 19 сент. С. 2.

¹⁶ За активную пропаганду о переходе на непрерывную неделю // Безбожник. 1929. 29 сент. С. 6.

¹⁷ Как впоследствии выяснилось, это также являлось заблуждением.

¹⁸ Письмо из Отдела труда Ленинградского областного исполнительного комитета и Лен. Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов в Президиум Ленинградского Облпрофсовета от 13 июля 1929 года (ЦГА СПб. Ф. 6276. Оп. 14. Ед. хр. 360. Л. 16–16 об.).

Видимо, в первое время непрерывка вовсе не расценивалась как важное средство борьбы с «религиозным дурманом». Однако уже в сентябре борьба с религией, «въевшейся в быт» и «окопавшейся в быту», вошла в официальный список целей введения непрерывки. В рекомендации клубам и завкомам, датирующейся декабрем 1929 — началом 1930 года¹⁹, предписывается в первую очередь разяснять вопрос о «религиозных праздниках и индустриализации страны»²⁰.

Как и опасались власти, среди населения, согласно целому ряду данных, бытовало мнение о том, что борьба с религией была для правительства основной и единственной целью введения НПН. В одной из агитационных статей автор как раз приводит мнение рабочих по поводу реформы: «Непрерывка вводится только для борьбы с религией»²¹.

Впрочем, с этим мнением официальная пропаганда по мере сил периодически боролась, утверждая, что изгнание религии из жизни — лишь косвенное следствие, но никак не цель:

...Новый порядок работы вводится не специально для подрыва церковей всех вероисповеданий, а для улучшения успехов хозяйства. Но результатом этого нового порядка неизбежно будет и усиление отрыва трудящихся от влияния религии²².

Неделя перестает быть неделей, из нее железным молотом революции выковырываются совершенно другие сочетания дней, которые, вероятно, придется и называть-то по-новому — новые дни пятидневок и шестидневок [...] А тут [...] тут толкуют об «антирелигиозности», о пьянстве, о прогулах, точно ради сокращения их единственно и предпринимается весь этот великий поход!²³

---

¹⁹ На самом документе нет даты создания, однако он подшит в папку с делами, относящимися к периоду с декабря 1929 года.

²⁰ Всем клубам и завкомам. Непрерывная производственная неделя и задачи культурной работы (ЦГА СПб. Ф. 4591. Оп. 13. Ед. хр. 1104. Л. 120).

²¹ *Руб Н.* Сектанты и церковники против // Правда. 1929. 1 окт. С. 5.

²² Непрерывное производство и религиозные праздники // Безбожник. 1929. 4 авг. С. 4.

²³ *Холодный Тих.* Плавятся дни // Правда. 1929. 1 окт. С. 5.

Уже и сейчас можно услышать разговоры на тему о том, что введение НПН — это замаскированное гонение на церковь, на религию, что такое богохульное дело (ведь сам бог почил в седьмой день от дел своих) только и могут совершить безбожники-большевики. Это говорят враги социалистического строительства [...] Нужно доказать, что если непрерывка вносит ломку в старый быт, то она вносит эту ломку в его же интересах, в интересах производственных, и политических, и культурно-бытовых²⁴.

По словам Юрия Ларина, главного идеолога реформы, «упразднение седьмого дня — воскресенье — вызвано не религиозными, а производственными соображениями. Это просто случайное совпадение, что тут отпадает воскресенье»²⁵.

Непрерывка органично вписалась в антирелигиозную кампанию. Выходили фельетоны и даже целые поэмы, посвященные тому, как «поповство» мешает прогрессивному движению к пятидневной непрерывной неделе. На плакатах из календарей молотом «вышибали» нимбы (что, видимо, символизировало отмену именин) и кресты (религиозные праздники). Как уже было сказано, именно в этой роли — молота, «добывающего» религию, — непрерывка осталась в исторической памяти.

Однако ее «антирелигиозный эффект» на деле имел довольно своеобразный результат. Во-первых, верующие приспособлялись к новому порядку самыми разными способами: призывали посещать храмы в любой день, договаривались и прогуливали работу в дни религиозных праздников по очереди, просто игнорировали прямое указание явиться на производство. Так описывает ситуацию автор одной из агитационных брошюр:

Но, организуя сопротивление, церковники и сектанты сами в то же время не упускают случая приспособиться к изменившейся обстановке. Они

---

²⁴ Безбожники, пропагандируйте непрерывную производственную неделю // Безбожник. 1929. 15 сент. С. 4

²⁵ Цит. по: *Флейшман Л.* Об одном загадочном стихотворении Д. Хармса // *Флейшман Л.* От Пушкина к Пастернаку. Избранные работы по поэтике и истории русской литературы. М., 2006.

тоже переходят на непрерывку. Черкизовские сектанты говорят, что «теперь каждый день наш молитвенный дом будет открыт» [...] Сектанты начали все чаще распевать песнь, которая призывает трудиться для Иисуса все дни. Замоскворецкие баптисты тоже перешли на беспрерывные молитвенные собрания, которые приспособили не только к непрерывке, но и к сменным работам, так как происходят утром и вечером²⁶.

Следующая история, появившись впервые в *Правде*, была удостоена публикации и в подборке текстов, посвященных реформе. Автор заметки высказывает недоумение, отчего «религиозники» смогли приспособиться к новому графику, а рабочие никак к нему не привыкнули:

Церковники учли, какую угрозу несет с собой непрерывка, и решили также перестроить свою работу. Вот что сообщает рабкор из Днепропетровска: «В рабочем районе “Фабрика” в гуще заводов сохранилась церковь, являющаяся последним оплотом духовенства в этом районе. Рабочие подняли кампанию за ликвидацию этого очага дурмана и передачу помещения церкви под культурное учреждение. Начали сбор подписей. Кампания проходит с большим подъемом. Однако церковники организовали бешеное сопротивление. Церковь перешла на “непрерывку”. Круглую неделю проводятся службы, для чего вызваны попы из соседних районов»²⁷.

Часть людей не восприняла новый распорядок как угрозу конкретно своей вере. А. Олин в своей статье приводит разговор, услышанный на одном из заводов:

Не надо сопротивляться непрерывке. Все равно не послушают и перейдут. Зря на себя внимание обратите. Надо работающим на одной фабрике сговориться и, разбившись на группы в 5–6 человек, прогуливать в религиозные праздники по очереди²⁸.

А Захар Крайнюк, автор уже цитированной выше заметки, пересказывает такие слова:

---

²⁶ *Крайнюк Зах.* Попы и сектанты против непрерывки // *Непрерывка и религия*. Сб. ст. М.; Л., 1930. С. 28–29.

²⁷ *Олин А.* Что дала непрерывка. М.; Л., 1930. С. 27–28.

²⁸ *Крайнюк Зах.* Попы и сектанты против непрерывки. С. 27.

Бог труды любит, — сказала, посмеиваясь, религиозная старушка-ткачиха на вопрос, будет ли работать в воскресенье, когда дойдет до нее очередь, — куда люди, туда и я²⁹.

Некоторые из религиозных деятелей находили вполне официальные способы выхода из положения. Так, на собрании актива завода «Красногвардеец» разбиралось нарушение порядка, связанное как раз с тем, что верующим удалось добиться выходного в день Пасхи:

Зачитывается заметка в газете «К-ГЗ», где говорится, что 20/IV в день Пасхи из-за отсутствия работы с разрешения директора завода т. Шахова (?) дан пропуск 20 чел. бригаде на секторах [...] Дача пропуска из-за отсутствия специальных работ, не выход из положения. Рабочих можно было использовать на других работах и, учитывая такой день, как Пасха, когда вся общественность была мобилизована за стопроцентную явку на работу, поступок виновных осудить³⁰.

Приводятся и другие приемы убеждения начальства:

Там, где группы церковников или сектантов чувствуют себя слабыми, они не решаются открыто выступать против непрерывки и избирают другой путь. Они идут в фабзавместкомы, идут к директору и стараются доказать, что или «не в интересах данного цеха переходить на непрерывку», или что «местные условия не позволяют вводить ее»³¹.

Особенно успешны, как кажется, оказались баптисты, о которых говорится в следующей заметке:

В Красно-Пресненском районе в Москве баптисты, имеющие сторонников на нескольких предприятиях, сумели добиться единого выходного дня для всех участников их молитвенных собраний и самые эти собрания перевели на пятидневку³².

---

²⁹ Ларин Ю. 360 вместо 300. М.; Л., 1930. С. 73.

³⁰ Собрание актива совместно с самопроверочными бригадами завода «Красногвардеец» от 17 мая 1930 года (ЦГА СПб. Ф. 4591. Оп. 13. Ед. хр. 394. Л. 45).

³¹ Крайнюк Зах. Попы и сектанты против непрерывки. С. 28.

³² Зеренинов А. Непрерывка и общественная работа. М., 1930. С. 23.

Мало того, непрерывка имела и совершенно обратный ожидавшемуся эффект. Вот как обрисовывает настроения работниц одной из фабрик корреспондент газеты *Безбожник*:

Работницы московской фабрики «Красная роза» ежедневно собираются в небольшие кучки и, разводя руками, недоумевают:

— Штож это, кума, непрерывная вводится, што ль?

— Да, да. Будем, говорят, работать в праздники, совсем без отдыха.

— И в Рождество и в Пасху?

— Конечно.

В беседы ввязываются сектантки, которые имеются в цехах:

— Мы всегда говорили, — брешут они, — что перед возвращением Христа на землю народ не будет почитать праздников. Он станет под влиянием сатаны работать без отдыха круглый год все 360 дней. Хлеба вдоволь не будет. По стране пойдет смугица. Все это уже сбывается. Берегитесь, сестрички! Жизнь идет к концу!³³

Корреспондент оппозиционного журнала *Социалистический вестник*, издававшегося в Берлине и Нью-Йорке, беспокоился за будущее идеи, за устойчивость социалистических принципов в обществе:

Очень много стало среди рабочих религиозников, и не только среди стариков и женщин, но и многие рабочие помоложе стали задумываться и в ту же сторону поглядывать [...] и так как такие религиозники и пить перестают, и одеваться начинают чище, и работать аккуратнее, то к ним уважение не только от рабочих, но даже, что уж совсем удивительно, их и товарищи из администрации отмечают³⁴.

В условиях введения НПН отдых в воскресенье приобрел особенную ценность. Пытаясь добиться уравнивания всех дней недели, правительство повысило символическую ценность вос-

---

³³ Безбожники, пропагандируйте непрерывную производственную неделю // *Безбожник*. 1929. 15 сент. С. 4.

³⁴ Из письма рабочего // *Социалистический вестник*. Нью-Йорк, 1931. 10 окт. С. 16

кресенья. Не раз в документах³⁵ встречается информация о том, что люди предпочитали перенести свой рабочий день, лишь бы остаться дома в традиционный выходной. Подобная корректировка графика воспринималась руководством исключительно отрицательно. Прогоулы по воскресеньям безусловно связывались с неуважительными причинами, тогда как в остальные дни невыход на работу мог, в представлении авторов, иметь причину уважительную:

...Как видно из этих цифр, прогулы по неуважительным причинам по воскресеньям превышают прогулы в остальные дни при одновременном снижении прогулов по уважительным причинам в невоскресные дни³⁶.

В сообщении под грифом «секретно» от 16 ноября 1929 года (в разгар перехода на новый график) приводились тревожные для власти данные о настроениях рабочих одной из ленинградских фабрик:

В связи с необходимостью работать по воскресеньям, вследствие затруднений с электроэнергией, на фабрике очень возбужденное настроение. Фабрика работает в две смены, и ни одна из них не хочет работать в воскресенье вечером. На устроенном вечером 15.11 по этому вопросу собрании второй смены (которая должна была работать в воскресенье) не давали говорить администрации фабрики³⁷.

Прогоулы вообще оказались одной из самых распространенных форм протеста против нового графика. Официальные отчеты пестрели данными о прогулах в праздничные и воскресные дни:

---

³⁵ См., например: Докладная записка о состоянии непрерывной производственной недели в промышленности. Материалы к IV заседанию Президиума ВЦСПС от 23.02.1931 (ЦГА СПб. Ф. 6276. Оп. 15. Ед. хр. 226. Л. 4); *Громов А.* Два завода. М.; Л., 1929.

³⁶ Переход на непрерывное производство (Информационная справка). Ноябрь 1929 (ЦГА СПб. Ф. 6276. Оп. 277. Ед. хр. 25. Л. 153–155).

³⁷ Информационное сообщение «Секретно». 16.11.1929. От зав. Инф. Частью ЛОСПС Иткина (Там же. Ед. хр. 14. Л. 262).

По ряду предприятий кривая прогулов дала скачок вверх в дни 25 и 26 декабря и 1 января, по некоторым заводам в первое после перехода время процент неявок был выше в воскресные дни...³⁸

На большинстве заводов и фабрик в связи с пасхой прогулы значительно увеличились, причем на многих предприятиях количество невыходов на работу в несколько раз превысило среднее количество невыходов в другие дни [...] В отдельных случаях 20-го апреля наблюдался также уход с работы³⁹.

Информация о прогулах просачивалась и в официальную прессу:

...Однако осуществление непрерывной недели было омрачено резко возросшими прогулами в воскресные дни. Вместо обычных 100 человек на работу в эти дни не выходит 200 человек, и лишь в последнее время эта цифра упала до 140⁴⁰.

С первых же дней работы выходимость заметно упала. Если в июне не вышло на работу без уважительных причин 350 человек, а в последнем месяце до перехода 250 человек, то за 25 проработанных дней в августе шахта имеет 800 невыходов угольных и остальных подземных рабочих⁴¹.

Оказалось, что сама по себе непрерывная неделя не нанесла вреда религии, а, наоборот, стала единым «злом», против которого объединились рабочие (если таковым объединением можно считать массовые прогулы). Таким образом, несмотря на настойчиво артикулируемую связь, два явления жизни советского общества — непрерывка и антирелигиозная пропаганда — скорее всего, не имели общих корней. Кроме того, их искусственный симбиоз не дал ожидавшихся результатов. Историческая память настойчиво артикулирует эту связь, отмечая (забывая) все эконо-

---

³⁸ Выводы и предложения по обследованию перехода предприятий на непрерывную производственную неделю (Там же. Ф. 1027. Оп. 1. Ед. хр. 88. Л. 22).

³⁹ Информационная сводка № 19 от 22/IV/30. Секретно. О неявке рабочих на работу в день пасхи 20/IV/30 (Там же. Ф. 6276. Оп. 277. Ед. хр. 25. Л. 47).

⁴⁰ Победили домны // Экономическая жизнь. 1929. 5 окт. № 204 (3235). С. 2.

⁴¹ Плоды неподготовленности // Экономическая жизнь. 1929. 10 сент. № 208 (3292). С. 2.

мические составляющие реформы. Предположу, что это как раз является еще одним доказательством того, что бытовая, мнимо-антирелигиозная сторона непрерывки была наиболее понятна, близка людям, затрагивала их частную жизнь, а вследствие этого оказалась и наиболее заметной. Именно поэтому реформу необходимо было вписать в программу построения нового социалистического быта — для того, чтобы людям не казалось, будто веками складывавшиеся традиции ломаются просто так, ради туманной и непонятной государственной экономической выгоды. В реальности же, скорее всего, ничто, кроме ожиданий стремительного роста валовой продукции и желания «догнать и перегнать» Запад, не стало бы достаточно веской причиной для столь радикальной ломки социального времени.

Ксения Гаврилова

Марийская вышивка в советский период: Риторика ценности и промышленное воспроизводство*

Введение

Сегодня появление официальных лиц Республики Марий Эл (далее: РМЭ) на торжественных мероприятиях в одежде, стилизованной под национальный костюм или орнаментированной марийской вышивкой, никого не удивляет. Огрубляя существующую ситуацию, можно сказать, что для работников сферы культуры или специалистов «по делам национальностей» *марийский костюм* является обязательной (комильфо) или привычной рабочей формой (например, для заместителя министра культуры, печати и по делам национальностей РМЭ в ситуации открытия совместной удмуртско-мордовско-марийской выставки в Национальном музее республики, для председателя Всемарийского Совета на очередном Съезде народа мари, для представителей этнических движений на съемках для журнала *Марий Сандалык* и так далее). Использование костюма, воспринимаемого как *национальный*, является регулярным и наиболее легким способом

---

* Статья написана на основе доклада для конференции «Конструируя “советское”?», прошедшей в апреле 2011 года в Европейском университете в Санкт-Петербурге, а также на основе опубликованных тезисов этого доклада: *Гаврилова К. А.* Марийская вышивка в позднесоветский период: промышленное воспроизводство образов национального // Конструируя «советское»? Политическое сознание, повседневные практики, новые идентичности: Мат-лы науч. конф. студентов и аспирантов (14–15 апреля, 2011 года, Санкт-Петербург). СПб., 2011. С. 32–39. Выражаю благодарность докладчикам и гостям конференции, принявшим активное участие в обсуждении работы.

демонстрации собственной этничности и лояльности этнической культуре — настолько регулярным, что указанные смыслы, как кажется, считываются зрителями подсознательно. Стилизованный костюм на национальном лидере становится этикетным и в силу этого, как ни парадоксально, незаметным.

Чтобы одежда эффективно отсылала к образу национальной традиции, ее чаще всего достаточно украсить специфической *марийской* вышивкой. Кстати, спрос на подобные изделия выходит за пределы круга публичных лиц республики: орнаментированную одежду можно купить на йошкар-олинских выставках или заказать у мастера, можно сделать самостоятельно. Последняя возможность обеспечивается в том числе и существованием специальных самоучителей по вышиванию национальных орнаментов¹. Соотношение цены и идеи (стилизованный костюм как знак лояльности национальной традиции) может открыто обсуждаться этническими активистами, выступающими за «возрождение» национальной культуры. С этой точки зрения показателен случай на конференции, приуроченной к открытию музейной выставки «Финно-угорский триптих» в Йошкар-Оле в сентябре 2011 года. Одна из участниц прибыла на конференцию в блузе, украшенной стилизованным мордовским украшением — «нагрудной сеткой». Во время своего выступления, посвященного роли музейного дела в воспитании молодежи, докладчица специально обратила внимание на блузу. Логика ее рассуждений была такова: молодежь, приобщаясь к музею, начинает интересоваться национальной культурой и, как результат, обращается к народному костюму — возникает желание носить нечто похожее; подобное желание можно и нужно считать положительным результатом деятельности музея. И пусть такие костюмы стоят

---

¹ На данный момент мне известны две такие работы: *Степанова И.* Маритор: встречи с марийской вышивкой. Йошкар-Ола, 2005; *Веткина Л. В.* Жизнь, расшитая на холсте. Костюмы сернурских мари. Йошкар-Ола, 2010.

дорого, зато они *национальные* и *уникальные*. Предпочтение нынешним более дорогим стилизованным костюмам отдавалось по сравнению с изделиями «советских фабрик национальных узоров», которые носить, по словам докладчицы, было невозможно.

Прежде чем обратиться к анализу отношения к национальной одежде в советское время, отличие от которого оказалось принципиальным для риторики докладчицы, необходимо определить, что будет пониматься в данной работе под *костюмом (традиционным/национальным)*, а также кратко описать эволюцию *марийских орнаментов* с конца XIX века до нынешнего времени. В этнографической части работы меня будет интересовать не столько фактический анализ изменений в костюме или вышивках, сколько те категории (с их эмоционально-оценочным фоном), которые выработала советская этнография для описания костюма.

*Марийский народный костюм
в этнографической литературе*

В советской этнографии сформировались устойчивые концептуальные рамки описания *традиционного костюма* как элемента материальной культуры той или иной этнической группы («этноса», «народа», «нации»), подразумевающие обусловленность костюма и его элементов физическими условиями существования группы («природными условиями», «типом хозяйства») и ее «мировоззрением» (религией, «духовной культурой»). Концептуальные рамки предполагают наличие особого метаязыка описания, который в советские годы усваивался и воспроизводился этнографами и популяризаторами костюма, а в постсоветскую эпоху был унаследован активистами национальных движений, музейными работниками, краеведами и даже школьными учителями. Под *традиционным костюмом*, как правило,

понимаются одежда и обувь, бывшие в употреблении у членов рассматриваемой группы в XIX – начале XX века и подвергшиеся модификации (или целенаправленному искоренению) в первые десятилетия советской власти. Костюм описывается и анализируется с точки зрения техники его изготовления, сочетания деталей костюма (идея «костюмного комплекса»), системы орнаментации и украшения. Особую популярность в рамках советской этнографической парадигмы приобрел подход, предполагающий расчленение *национальных* орнаментов (вышивок) на отдельные составляющие элементы – «мотивы», называние их, интерпретацию, объяснение их происхождения определенными «объективными» условиями существования группы². На данном этапе понятия *национального* и *традиционного костюма* — по крайней мере для неспециалистов — оказываются синонимичными: отсылка к традиции в дискурсе музейных работников или этнических активистов чаще всего подразумевает именно этническую традицию.

Изменения, произошедшие в течение XX века в одежде, квалифицируемой как *традиционная народная*, сводились к последовательному исчезновению тех или иных элементов костюма (головного убора, халата и так далее), переходу к использованию фабричных тканей, изменению покроя сохраняющихся предметов (например, переход от туникообразных рубаш к платью), изменению способов орнаментации и отделки костюма, на-

---

² Такая «рационалистическая» интерпретация деталей вышивки базируется на двух пресуппозициях: восприятию любого фрагмента орнамента как иконического знака и представлении об обязательном существовании «естественно-исторической» его мотивировки. Ср.: «Воспроизведение животных и птиц в орнаменте марийской вышивки объясняется их ролью в хозяйстве в определенный исторический период. Культ оленя, например, имеет доземледельческое происхождение. А олицетворение коня в качестве охраняющего символа и в связи с этим распространение его изображения имело место при развитом скотоводстве» (Соловьева Г. И. Орнамент марийской вышивки. Йошкар-Ола, 1982. С. 74).

конец — модификации вышивки. С начала XX века постепенно уменьшается площадь вышивки, для вышивания начинают использоваться фабричные нити и, как результат, изменяется цветовая гамма вышивки, упрощается техника. Изменение техники вышивки началось в конце 1920-х годов: «традиционные» техники (*ростись, набор и счетная гладь*) стали сочетаться с новой техникой — *крестиком* и постепенно были вытеснены им; с 1950-х годов техника *крестик* стала постепенно, но повсеместно на территории РМЭ вытесняться *цветной гладью*. С распространением новых техник вышивки изменились и орнаментальные «мотивы»: помимо геометрических узоров (рис. 1)³ популярными стали изображения цветов и растительных композиций, выполненные крестиком или гладью в «реалистической» манере⁴. В 1930-е годы появился новый тип костюма, который, видоизменяясь, за вторую половину XX века распространился практически по всей территории расселения луговых марийцев. Этот тип костюма включает два обязательных элемента: платье из белой фабричной ткани с отложным воротником, украшенное по подолу яркой плиссированной оборкой, лентами, кружевами, рас-

---

³ Я использую определение *геометрические* для вышивок, выполненных в «старых» техниках (счетной глади, росписи и так далее), не различая «антропоморфные», «зооморфные» и прочие мотивы. Орнаменты, выполненные гладью или крестиком, вслед за этнографами, я чаще всего называю *новыми*.

⁴ Причины распространения этого типа вышивок и история их появления не являются предметом рассмотрения в данной работе. Можно отметить, впрочем, что в качестве *гипотетических* причин появления новых орнаментов этнографы указывают: русское влияние (*Крюкова Т. А.* К вопросу об изучении современной одежды марийцев // Уч. зап. Марийского науч.-исслед. ин-та языка, литературы и истории. Вып. 5: Язык, литература, история. Йошкар-Ола, 1953. С. 169–170), распространение в 1920–1940-х годах печатных журналов и альбомов по рукоделию (*Меджитова Э. Д.* Марийское народное искусство. Йошкар-Ола, 1985. С. 250), организацию мастерских вышивания и «кружков домоводства», где девушек помимо прочего обучали «шить платья новых фасонов, вышивать новые узоры» (*Соловьев В. С.* Пеледыш пайрем (национальный праздник марийского народа). Йошкар-Ола, 1966. С. 12) и др.

шитое крестиком или гладью (чаще всего по подолу и у выреза на груди вышиваются «цветы» гладью), а также передник с грудкой из однотонной яркой ткани. Такой тип костюма получил название *йошкар-ола тувыр* (йошкар-олинская рубаха) (рис. 2)⁵. Иными словами, к концу XX века в этнографической литературе так или иначе упоминаются два «идеальных типа» костюма: *традиционный костюм*, известный по этнографическим описаниям XIX — начала XX века и музейным коллекциям, и повсеместно распространившаяся во второй половине XX века так называемая «йошкар-олинская рубаха».

Рис. 1. Вышивки луговых и ветлужских марийцев из научно-рукописного фонда Марийского НИИ // Соловьева 1982: таблица 5.

Рис. 2. Рисунок из работы Молотова 1992: 197.

⁵ Исчерпывающий обзор см.: *Молотова Т. Л.* Марийский народный костюм. Йошкар-Ола, 1992. С. 86–103 (разделы «Тенденции развития костюма в 20–40 гг.» и «Тенденции развития национальной одежды в 50–80-е годы»). Кроме того, об эволюции костюма см.: *Крюкова Т. А.* К вопросу об изучении современной одежды марийцев; *Молотова Т. Л.* Народный костюм // Марийцы. Историко-этнографические очерки. Йошкар-Ола, 2005. С. 118–132.

*Оценка народного костюма и вышивок
в первые десятилетия советской власти*

Официальное отношение к марийскому костюму с первых лет советской власти и до позднего советского периода (1960–1980-х годов) менялось. Это можно проследить на материале публицистики (дискурса «социально-экономической» пропаганды середины – конца 1920-х годов) и далее на материале этнографических работ, появившихся после войны (точнее, с начала 1950-х годов)⁶. Приведу две цитаты из работ второй половины 1920-х годов (в цитатах здесь и далее курсив мой; орфография и пунктуация источников сохраняются):

В условиях труда следует отметить следующие *ненормальности* [...] *Крайне вредное действие на зрение оказывает занятие вышиванием*, которое, ввиду слабого света в помещении и отсутствия специальной канвы, очень быстро утомляет зрение. И такое *систематическое ослабление зрения*, начинаясь с самого раннего возраста, продолжается до старости, почти до *полной потери зрения* или по крайней мере потери возможности вышивания. Поэтому крайне мудрено встретить среди марийских женщин лиц со здоровыми глазами и сильным зрением⁷.

Констатировать факт расхищения художественных ценностей (речь идет о вышитой одежде. — К. Г.), вместе с тем, значит и наметить пути к изживанию этого *ненормального явления*. Первый путь — это организация сбыта художественных вышивок и нахождение для них достаточно широкого круга потребителей. Второй путь заключается в ряде мероприятий, направленных к *развитию, поддержанию и сохранению вышивального промысла* не только в условиях полунатурального хозяйства, но и при замене их рыночно-товарными отношениями⁸.

---

⁶ Это не значит, что в 1920-е годы собственно этнографических работ, посвященных марийскому костюму, не создавалось. В качестве показательного примера можно упомянуть статью: *Евсеев Т. Е.* Одежда марийцев (Заметка из музейной экскурсии летом 1926 г.) // Марий Эл. 1927. № 1–3.

⁷ *Васильев В.* Бытовые условия, отрицательно влияющие на физическое состояние народа марий // Материалы по изучению экономического и социально-культурного состояния народа марий (к VI съезду Советов). Краснококшайск, 1926. С. 45–46.

⁸ *М-ин.* К вопросу об использовании марийских вышивок // Марий Эл. 1927. № 11–12. С. 188.

В первом тексте «занятие вышиванием» оценивается как крайне вредное, поскольку, по мнению автора, именно оно является основной причиной ослабления зрения марийских женщин (проблема распространения болезней глаз, в особенности трахомы, была одной из самых обсуждаемых в Марийской автономной области [далее: МАО] медицинских тем в первые десятилетия после Революции). Само название цитируемой статьи Валериана Васильева (*Бытовые условия, отрицательно влияющие на физическое состояние народа марий*) является ее идеологическим посылом: перечисление бытовых условий, отрицательно влияющих на здоровье марийцев, предполагает утверждение необходимости их изживания. Второй текст, по контрасту, представляет вышивки как «художественную ценность», а вышивание — как промысел, требующий «поддержания» и «развития». Важно, что на первый взгляд контрастные модели оценки вышивания (как деятельности или «народного промысла») не противоречат друг другу, если рассматривать их в более широком контексте: дискурса об антигигиеничности народной одежды и планов реформы быта (и экономики) в новых советских условиях.

В конце 1920-х годов целенаправленная реформа быта (повседневности) народа, в особенности крестьянства и рабочих, была одной из существенных сторон культурной политики партии. На уровне деклараций программа «просвещения» этнических групп («отсталых») сводилась в большинстве случаев к повышению уровня грамотности, трудовой дисциплины и внедрению элементарных навыков гигиены (в частности, представлений о человеческом теле и болезнях). «Отсталость» («нецивилизованность») группы становится в дискурсе того времени синонимом отсутствия культурных (*культурных* — с точки зрения правящего центра) моделей организации быта, приводящего к болезням (например, распространению инфекций, как в случае с получившей широкую известность эпидемией сифилиса в Бурят-Монголии в первое десятилетие советской власти). Цивилизованное (советизированное) поведение в этом случае

подразумевает отказ не только от «суеверий», религиозных практик, грамотность, но и новую *гигиену* (от способов изготовления современной одежды до профилактики болезней)⁹. Осуществление реформы быта требует, прежде всего, *каталогизации* практик, подлежащих искоренению, и *обоснования* их неуместности в новых социальных условиях. Самым мощным дискурсивным доводом в пользу отказа становится упоминание вредного воздействия на здоровье. В случае марийцев в качестве вредных репрезентировался целый ряд повседневных практик: от организации внутреннего пространства дома до способов лечения и элементов костюма. Если же сосредоточиться на одежде, то наибольшее внимание в публицистике и, позже, в этнографических работах уделялось описанию в подобном ключе марийских головных уборов (чаще всего упоминались *шарпан* и *шмаки*); следующими в списке вредящих здоровью оказывались традиционная обувь и вышивки.

Большое зло причиняют здоровью марийцев, женской части, способы ношения головных уборов замужних женщин. Из уборов наибольший вред причиняют шарпан и шмаки (далее описание шарпана и способов его ношения. — К. Г.) [...] Нетрудно представить, что должна испытывать голова, лишенная для кожного дыхания свежего воздуха и принужденная питаться собственными своими вредными испарениями. От этого и от постоянного стягивания волос на висках и на темени они не только секутся, но и выпадают, образуются на этих частях плешины. Такое систематическое вытравливание головного покрова в конечном счете порождает наследственную форму, и дети начинают рождаться с плешинами головы (далее то же про шмакш. — К. Г.)¹⁰.

---

⁹ Подробно о «цивилизационной» политике по отношению к этническим группам в середине 1920-х — начале 1930-х годов см.: *David-Fox M. What Is Cultural Revolution? // Russian Review. Vol. 58. 1999. N 2. P. 191–195, 198–201.* Подробно об экспедиции по изучению сифилиса в Бурят-Монголии см.: *Gross Solomon S. The Soviet-German Syphilis Expedition to Buriat Mongolia, 1928: Scientific Research on National Minorities // Slavic Review. Vol. 52. 1993. N 2.* Искренне благодарю К. Бруиш за указание на упомянутые статьи.

¹⁰ *Васильев В. Бытовые условия. С. 43. См. о том же: Белищев В. Мари (применительно к коллекциям Ц.М.Н.). М., 1928. С. 11.*

Итак, эффектом ношения традиционных головных уборов называют облысение и кожные заболевания, а отказ от «старинных» уборов рассматривается, соответственно, как прогрессивное явление — положительный пример реформы быта. Выразительным образом, репрезентирующим отказ от ношения убора как прогрессивную новацию (результат борьбы с пережитками, раскрепощения женщины и так далее), становится описание публичного уничтожения головных уборов. Очевидно, этот сюжет появился еще в публицистике рубежа 1920–1930-х годов¹¹, но мне он известен только по материалам второй половины XX века — например, по работам этнографов:

В различных пунктах Сернурского района в первые годы коллективизации совершался *обряд снятия головного убора “шимакш”, наиболее вредного, антигигиенического из всех старинных марийских головных уборов* [...] В первые годы коллективизации прошло массовое снятие шимакша, в ряде мест оно происходило на специальных колхозных собраниях, публично. Нередко эти головные уборы сжигались тут же, на костре перед правлением колхоза¹².

Основной идеологической импликатурой приведенных текстов служит утверждение взаимообусловленности *старинной* одежды и *старого* порядка (дореволюционного жизненного

---

¹¹ По крайней мере, имеются указания на пропагандистские журналы на марийском языке, призывавшие к отказу от некоторых форм одежды, например, ссылка на журнал *Ушлыш* за 1924–1925 годы в работе: *Молотова Т.Л.* Традиционное марийское ткачество. Йошкар-Ола, 2004. С. 113–114.

¹² *Крюкова Т.А.* Современная женская одежда народов Поволжья // Советская этнография. 1950. № 2. С. 86 (описание приводится в качестве «марийской» аналогии к процессам, происходившим с мордовскими традиционными головными уборами). См. то же о «вреде здоровью» и «тяжелых кожных заболеваниях» в: *Крюкова Т.А.* К вопросу об изучении современной одежды марийцев. С. 166–167, 171. В качестве другого примера можно привести работу В. С. Соловьева о новом «безрелигиозном» празднике Пеледыш пайрем, в которой описывается поведение женщин на празднике в Нартасе в 1928 году: *Соловьев В. С.* Пеледыш пайрем. С. 14.

уклада). На сюжетном уровне имплицатура реализуется, например, через соположение отказа от старой практики (ношения головного убора) с новым социальным условием (отказ происходит на специальном колхозном собрании). Вышивки же зачастую эксплицитно ассоциируются с социальными условиями дореволюционной России (или даже объясняются ими), например:

Наиболее распространенным видом самодеятельного искусства мари *до революции* являлась вышивка. По своей расцветке — темные тона — как и по рисунку, *вышивка характеризовала тяжкую долю, скорбь и замкнутость марийского народа*. Горесть жизни трудящихся мари нашла свое яркое отражение в народных песнях, носивших монотонный, тоскливый характер¹³.

В таком случае ассоциацию *старая одежда — старая власть* можно считать еще одним легитимным основанием отказа от практики вышивания («изжития» практики): вышивки — пережиток, поскольку они появились в царской России¹⁴. Тем не менее, если отказ от головных уборов во всех рассмотренных работах постулируется как необходимость, то в случае с вышивками предлагается, скорее, не отказ, а реформа: необходимость сохранения вышивания как народного промысла обосновывается экономическими причинами. Наиболее последовательно соображениями об экономической ценности вышитых изделий делится в статье 1927 года автор, обозначивший себя как «М-ин»¹⁵:

---

¹³ Тадашеев, Гольденберг. Самодеятельное искусство марийского народа // 15 лет социалистического строительства МАО. Йошкар-Ола, 1936. С. 210.

¹⁴ Подобную интерпретативную модель (этнографическая реалья — пережиток — дореволюционный период) можно назвать топосом в работах по социальной тематике того времени; см. о появлении понятия *пережиток* как универсального способа объяснения «несоциалистических» явлений в жизни группы: Slezkine Yu. The Fall of Soviet Ethnography, 1928–38 // Current Anthropology. Vol. 32. 1991. N 4. P. 481–482.

¹⁵ Можно указать и другие работы, разрабатывающие проект введения вышитых изделий в экспортный оборот: Д. Ш. К проблеме экспорта марийских ху-

Мы остановимся, главным образом, на том значении, которое имело бы *использование марийских вышивок для экспорта за границу и сбыта в пределах СССР*, а также на главнейших мероприятиях, способствующих сохранению этого интересного и ценного вида творчеств женщин марий [...] Прочность вышивок ведет к их прямому и ни чем не оправдываемому *хищническому расхищению*. Дело в том, что марийцы считают старинные вышивки именно из-за их прочности наилучшим материалом для разного рода заплаток, которые приходится постоянно нашивать на рабочую одежду [...] Таким образом, имеющиеся запасы *высокой художественной ценности одежды* и отдельных украшений к ней, все время уменьшаются не возобновляясь¹⁶.

Риторика статьи делает из марийских вышивок *художественную ценность*, а их вторичное употребление в качестве заплаток называет *хищническим расхищением*: в результате плюса меняются — вышивки и вышивание оказываются достойным *сохранения* промыслом. В качестве причин постепенного уменьшения количества вышитой одежды, помимо вторичного использования, автор называет распространение рыночных тканей и новой одежды, уменьшение числа квалифицированных вышивальщиц, а также отсутствие централизованного сбыта вышитых изделий. Соответственно, основной мерой борьбы с «расхищением» М-ин считает нахождение для вышитых изделий широкого и стабильного круга потребителей (и внутри страны, и за ее пределами). Оценка марийских вышивок как потенциально выгодной «статьи второстепенного экспорта» далее в статье разворачивается в проект развития промысла и организации последовательной закупки. Так, например, автор примерно подсчитывает уже имеющееся предложение: у марийской женщины в среднем по 6–10 рубях («в т.ч. достаточно старинных»), в МАО

дожественных вышивок // Марий Эл. 1928. № 5–6; *Янтемир М. Н.* Марийская автономная область. Йошкар-Ола, 1928. С. 127–135 (раздел «Кустарно-ремесленная промышленность»); *Кириллов Я.* Промысловая кооперация МАО за вторую пятилетку // Марийская автономная область. 1932. № 4–6. С. 104–107.

¹⁶ М-ин. К вопросу об использовании марийских вышивок. С. 187–188.

130,9 тысяч женщин-мариек, следовательно «возможные для сбыта вышивки как на других частях женского костюма имеют-ся не меньше чем у 60–70 тысяч женщин в одной МАО»¹⁷. В качестве экспортных М-ин предлагает использовать изделия со «старинными» вышивками, поэтому оценщиком и закупщиком, согласно проекту М-ина, должны стать совместно Марийский областной музей (для верификации «старинности») и Марисель-лессоюз. Успешный экспорт подразумевает поддержание стабильности промысла, причем особый упор необходимо делать на сохранение и воспроизводство «старинных» орнаментов: для этих целей предлагается организовать специальные институты обучения (учебно-показательные мастерские, выставки, артели вышивальщиц и так далее) и систематическую подготовку вышивальщиц¹⁸.

Риторика ценности вышивки и утверждение необходимости специальных кампаний для развития промысла вступало в логическое противоречие с репрезентацией вышивания как практики, оказывавшей негативное влияние на здоровье. Это противоречие ощущалось и авторами статей, разрабатывавших план экспорта вышитых изделий: домотканная одежда рассматривалась ими не как пережиток, а как реальность, которую рано искоренять, но необходимо реформировать («согласно новейшим требованиям гигиены и эстетики»¹⁹) — в целях повышения

---

¹⁷ М-ин. К вопросу об использовании марийских вышивок. С. 190.

¹⁸ Отмечу также, что отдельные случаи скупки и экспорта изделий с марийской вышивкой, равно как и практика организации артелей кооперации и обучающих мастерских, имели место еще до Революции, о чем авторы статей изредка упоминают. Таким образом, можно считать, что целью предлагаемых проектов фактически являлось возобновление и оптимизация (централизация) производства и экспорта. Подробнее об этом см., например: Копылова С. Женские рукодельные промыслы в Нижегородской губернии // Нижегородское хозяйство. 1927. № 4–5.

¹⁹ Янтемир М. Н. Марийская автономная область. С. 135.

культуры быта и экономической целесообразности. Так, М-ин признает связь вышивания и порчи зрения, но не видит возможности замены в ближайшем будущем традиционной одежды²⁰; а раз нельзя отменить традиционную одежду, не лучше ли сделать вышивки более художественно и экономически ценными? Видимое противоречие, как кажется, разрешается путем приписывания одной практике двух разных статусов: костюм и вышивка в быту, для внутреннего употребления — требуют искоренения или модификации, костюм и вышивка как промысел, в экономике (на экспорт) — требуют поддержания и сохранения. Показательно, что обе стратегии оценки вышивок, постепенно изменяясь, оказали принципиальное влияние на описания эволюции вышивки и на контексты бытования вышитой одежды в послевоенный период.

*Формирование представления о национальном орнаменте
во второй половине XX века*

Во второй половине XX века (с 1950-х годов) появились первые иллюстрированные каталоги с марийскими орнаментами: самым известным и богатым собранием орнаментов стала работа Т. А. Крюковой *Марийская вышивка*²¹. Если принять во внимание, что этот альбом фактически является каталогом коллекции марийской одежды Государственного этнографического музея в Санкт-Петербурге (ныне Российский этнографический музей),

---

²⁰ М-ин. К вопросу об использовании марийских вышивок. С. 191.

²¹ Крюкова Т. А. Марийская вышивка. Л., 1951. Сразу же оговорюсь, что работы Т. А. Крюковой (особенно серия работ, посвященная современному марийскому костюму), В. Я. Яковлевой и, позже, Т. Л. Молотовой и Г. И. Соловьевой в течение всей второй половины XX века задавали вектор восприятия марийского костюма, описания его специфики и эволюции. До сих пор ни одна работа по тематике «материальной культуры» марийцев не обходится без обширных цитат из трудов этих исследовательниц.

то особое внимание обращает на себя выбор представленных изделий. Коллекция музея активно формировалась в послевоенные годы, многие изделия поступали в фонд из экспедиций самой Крюковой. В своих работах, посвященных марийскому костюму, она подробно описывает эволюцию (как вариант: исчезновение) отдельных предметов одежды и, в частности, изменение вышивок — например, модификацию техники вышивания (замену «старых» техник «новыми» — крестиком и гладью). К моменту составления альбома, согласно текстам той же Крюковой, в костюме марийцев *уже* произошли кардинальные изменения:

Длительное совместное проживание марийцев с русским народом, более развитым в культурном отношении, не могло не оказать определенного и значительного воздействия на марийский национальный костюм в положительном смысле [...] Воспринимали опыт мастеров русского народного творчества и марийские вышивальщицы, как в отношении орнаментики, так и техники вышивания²².

Тем не менее в альбоме, составленном по итогам полевого исследования *современного* бытования костюма, новые орнаменты не рассматриваются. Другими словами, содержание альбома составляют фотографии деталей одежды исключительно с геометрическими орнаментами, выполненными при помощи старых техник, причем дополняются они серией фотографий изделий йошкар-олинской фабрики «Труженица», выполненных в той же манере. Именно в работах Крюковой этого периода впервые — и на уровне текста, и на уровне визуального ряда — конструируется образ *традиционной марийской* вышивки и, далее, формируется представление о плавном и органичном перенимании этой традиции — от марийских женщин на селе к фабрике и профессиональным вышивальщицам.

---

²² Крюкова Т. А. К вопросу об изучении современной одежды марийцев. С. 169–170.

Риторика описания *старых* и *новых* орнаментов в ранних работах Крюковой наследует дискурсу довоенных работ, посвященных вышивкам: упоминается экспорт вышитых изделий (впрочем, не как проект, а как практика прошлого), большое внимание уделяется оценке новых вышивок как прогрессивного явления, а эволюции костюма — как свидетельства искоренения «пережитков», «антигигиеничных» форм быта («изжитие вредных пережитков старого в быту и в одежде [...] вредных, калечащих женщину форм одежды»). Оговорюсь сразу, что идея рассмотрения модификаций как прогрессивного влияния *русской* культуры встречается только в работах Крюковой начала 1950-х годов; в дальнейшем, в работах следующего поколения исследователей костюма, эта идея — в отличие от прочих — развития не получает. Рассмотрим фрагмент работы Крюковой с целью выявления тех стратегий описания костюма, которые, получив развитие в более поздних работах, образовали костяк дискурса традиционного.

Следует также напомнить об отмеченных нами раньше неудобных обременительных для носительницы формах женской марийской одежды, которые являлись *следствием культурной отсталости и тяжелых социальных и экономических условий* марийцев в царской России [...] Массовый отход марийских колхозников от национальной одежды в первые годы коллективизации, в дальнейшем принимает несколько иной характер. В настоящее время он представляет собой уже процесс поступательного движения в сторону *рационализации костюма, его творческой переработки* сообразно новым требованиям и в связи с новыми условиями быта²³.

Итак, изменение костюма представляется как совершившееся событие, причем в качестве основной причины эволюции называются «новые условия быта» — изменение социального и экономического положения в стране. Картина разумной эволюции

---

²³ Крюкова Т. А. К вопросу об изучении современной одежды марийцев. С. 171–172.

одежды в целом и вышивок в частности оказывается следующей: «антигигиеничные обычаи» и пережитки утрачиваются, а то, что сохраняется, подвергается «рационализации» или «творческой переработке деталей». Под «творческой переработкой» понимается в том числе и изменение орнаментации — прежде всего вышивки на предметах одежды: изменение цветов вышивки («яркая, контрастная расцветка») и техники вышивки (появление техник крестика, тамбура, цветной глади)²⁴. В дальнейшем именно словосочетание *творческая переработка* станет ключевым (этикетным) при описании любых изменений в вышивках, оцениваемых в целом положительно²⁵.

Вернемся к каталогу коллекции Государственного этнографического музея 1951 года. Как говорилось в начале работы, «старинные» геометрические орнаменты (выполненные чаще всего техниками набора, росписи или счетной глади) визуально сильно отличаются от более поздних вышивок гладью (например, от ярких цветочных композиций, характерных для повсеместно

---

²⁴ Крюкова Т. А. К вопросу об изучении современной одежды марийцев. С. 172–176.

²⁵ Два слова необходимо сказать о наследовании риторики в постсоветский период. Риторика репрезентации того или иного элемента костюма как *старинного, но неудобного*, а отказа от него — как прогрессивной реформы быта, дожила до позднесоветского периода. Например, такая риторика последовательно воспроизводится в работах Т. Л. Молотовой: «В конце 20-х — начале 30-х годов традиционные головные уборы замужних женщин, подчеркивающие *подчиненное их положение в семье и обществе, стали исчезать из быта*» (Сепеев Г. А., Молотова Т. Л. Современные этнические процессы и материальная культура марийцев // Археология и этнография Марийского края. Вып. 11: Этнография марийского и русского населения Среднего Поволжья. Йошкар-Ола, 1987. С. 14). Сепеев и Молотова прямо цитируют работу Т. А. Крюковой 1953 года, выделяя исчезнувшие «старые, отжившие» формы одежды и — противопоставленные им — модифицированные формы. Последние называются «национальными чертами» одежды, именно они подвергаются «творческой переработке, модернизации» и таким образом сохраняются (ср.: Там же. С. 15; Крюкова Т. А. К вопросу об изучении современной одежды марийцев. С. 173).

распространившегося костюма «йошкар-ола тувыр»). Очевидно, во многом по этой причине ни в каталоге Крюковой, ни в наследующих ему альбомах, посвященных марийским орнаментам, поздние вышивки не демонстрируются²⁶. Другими словами, будучи оценены как *новые*, они оказываются достойными упоминания в этнографических работах, но не демонстрации в каталогах, посвященных *традиционной* (национальной) вышивке²⁷.

По данным этнографических работ, спрос на «современную национальную» одежду у марийского населения, в особенности сельского, в 1950–1960-е годы был достаточно высок. Помимо наиболее распространенного *самостоятельного* способа изготовления костюма, появилась принципиальная возможность приобретения готовой одежды. Предложения «извне» происходили из двух источников и различались сущностью.

Первое исходило от так называемых *комбинатов бытовых услуг*, районных предприятий бытового обслуживания, или от *народных мастеров* («мастеров-надомников», прикрепленных к предприятиям, или независимых мастеров, реализовывавших свои изделия на рынке). *Комбинаты*, как правило, вырастали из возникших в конце 1920-х годов в МАО артелей, объединявших «народных мастеров», ремесленников, в том числе и опытных вышивальщиц²⁸. По данным этнографов, такие организации

---

²⁶ В числе таких альбомов можно назвать следующие: *Яковлева В. Я., Яковлева Е. Г.* Искусство мари // Народное декоративное искусство народов РСФСР. М., 1957; *Королева Н. С.* (Сост.) Вышивка народов Поволжья и Прикамья. Альбом. Л., 1960; *Меджитова Э. Д.* Марийское народное искусство.

²⁷ Иллюстрации к описаниям деталей костюма с новыми вышивками появляются в поздних работах Т. Л. Молотовой — уже постсоветских. См., например: *Молотова Т. Л.* Марийский народный костюм. С. 90–97; *Она же.* Традиционное марийское ткачество. С. 117–119.

²⁸ Об организации артелей в Марийской автономной области см., например: *Озеров И. И.* Кустарная промышленность и промысловая кооперация // 15 лет социалистического строительства МАО. Йошкар-Ола, 1936. См. также: *Крюкова Т. А.* Марийская вышивка. С. 81–82: «Объединение марийских вышивальщиц в артели

предлагали раскрой и пошив «национальной одежды», причем ассортимент был практически идентичен тому, что изготовлялось марийским сельским населением самостоятельно: «платья из белых фабричных тканей, с оборкой на подоле и вышивкой гладью, атласные и шелковые фартуки, летние белые кафтаны из сатина и колленкора, свадебные зеленые кафтаны из сукна [...] зимние и демисезонные кафтаны»²⁹.

Второе предложение «современной национальной одежды» исходило от йошкар-олинской строчевышивальной фабрики «Труженица», организованной в 1928 году как артель промкооперации, в 1945 году насчитывавшей 45 вышивальщиц, а к концу 1970-х имевшей отдельный «участок национальной вышивки»³⁰. На 1978 год штат этого специализированного участка составляли 60 вышивальщиц и двое художников-специалистов по вышивкам (задача которых формулировалась как разработка «новых оригинальных рисунков марийской вышивки»³¹); в экспериментальной лаборатории при участке работали модельеры, конструкторы и технологи. Художников-специалистов по марийским орнаментам готовили, например, в московском Научно-исследовательском институте художественной промышленности (далее: НИИХП), профессиональных вышивальщиц — в одном из училищ Йошкар-Олы³². Кроме того, фабри-

---

было начато в Марийской республике в 1927 году. К началу 1941 года в Республике насчитывалось 10 вышивальных артелей с общим количеством членов свыше 600 человек [...] В столице республики — г. Йошкар-Ола работает артель «Труженица», организованная еще в 1928 году».

²⁹ Молотова Т.Л. Марийский народный костюм. С. 96–97.

³⁰ Опубликованных официальных статистических сведений о работе «Труженицы» найти не удалось. Информация о фабрике приводится по следующим изданиям: Крюкова Т.А. Марийская вышивка. С. 81–88; Фецина О. Ф. Неувядающие орнаменты. Йошкар-Ола, 1980; Соловьева Г. И. Орнамент марийской вышивки. С. 56–65; Молотова Т.Л. Марийский народный костюм. С. 87, 102.

³¹ Фецина О. Ф. Неувядающие орнаменты. С. 17.

³² Учреждения, подобные упомянутому училищу №6, существовали в Йошкар-Оле и в ранний советский период (вспомним призывы к организации учебных

ка сотрудничала более чем со 150 мастерами-надомниками (в основном из сельских жителей); постепенная же механизация производства привела к установке в конце 1970-х годов двух автоматических вышивальных станков. В ассортимент выпускавшейся продукции входили предметы интерьера (декоративные панно, покрывала, салфетки, скатерти) и одежда (платья, костюмы, мужские сорочки, детская одежда, фартуки). В 1980 году, по данным посвященной юбилею фабрики книги, ежедневно на фабричные склады поступало 1.700 и более вышитых изделий³³.

С точки зрения покроя выпускавшаяся фабрикой одежда повторяла современные (общесоветские) фабричные образцы. «Народность», «национальная» специфичность выпускавшейся продукции (как одежды, так и предметов интерьера) обеспечивалась именно за счет вышивки: в оформлении продукции — в соответствии с представлением этнографов о национальной традиции — использовалась геометрическая вышивка «традиционной» расцветки, причем выполнялась она «старыми» техниками *косой стежки* и *счетной глади*. Идея необходимости одновременной *творческой переработки, воспроизводства и сохранения* национальной вышивки, заимствованная также из дискурса этнографических и популярных работ о марийском костюме, воспроизводится и в книге, посвященной работе фабрики:

мастерских): например, встречаются указания на организацию в 1929 году мастерской «по производству полотна с национальными узорами, преобразованной вскоре в школу труда имени 8 Марта» (*Молотова Т.Л.* Марийский народный костюм. С. 87).

³³ *Фецина О. Ф.* Неувядающие орнаменты. С. 25–26. И далее: «Почти ежегодно обновляется ассортимент вышитых изделий. В 1978 году было освоено семнадцать новых изделий — это платья, халаты, мужские и детские сорочки, салфетки. В этом году — девятнадцать, кроме продукции с индексом “Н” — новинка, т. е. изделие неповторимое. Да еще цех выпускает товары ширпотреба: детский комплект белья для малышей до 26–28 размеров, панамы детские и др.».

В готовых образцах много прекрасной одежды. Не может не привлечь внимания платье под девизом “Счастливая” [...] Говорит [художник] Нина Николаевна: [...] Первый эскиз для художественной отделки платья я сделала довольно быстро, орнамент шел вокруг шлицы и по краю подола. Но нас с Галиной Васильевной что-то в нем не устраивало. Казалось, что необходимо было добавить в орнамент такую деталь, которая сделала бы его каким-то особенным, привлекательным. *Я пересмотрела множество таблиц со старинным марийским орнаментом, который раз уже перелистала книгу о вышивке этнографа Т.А.Крюковой.* И не знаю, что мне помогло, но в памяти возникли два больших ромба по бокам шлицы, которые и явились ударным пятном данного узора [...] *Сочетание цвета орнамента должно было в какой-то мере подчиняться старинной вышивке.* А гамма марийского орнамента благородная³⁴. (рис. 3)

При описании разработки изделий, украшенных «национальным орнаментом», акцент делается на следование двум стратегиям — строгому соблюдению этнографической, «научной» точности орнамента (ср.: «Я пересмотрела множество таблиц со старинным марийским орнаментом, который раз уже перелистала книгу о вышивке этнографа Т. А. Крюковой») и одновременной сознательной его модернизации. Необходимость следования традиции утверждается не только в аспекте геометрии орнамента, но и в аспектах его размещения на предмете одежды («...многие десятилетия назад в марийской одежде кафтаны были со шлицами. И они украшались национальным орнаментом»), выбора цветовой гаммы («Сочетание цвета орнамента должно было в какой-то мере подчиняться старинной вышивке»). Соблюдение традиционных (этнографически подтвержденных) законов орнаментации делает легитимной модернизацию (*творческую переработку* — оцениваемую неизменно положительно и противопоставляемую слепому копированию «старых»

---

³⁴ Фецина О. Ф. Неувядающие орнаменты. С. 18–19.

образцов³⁵) предметов одежды, например, выбор моделей «модного» покроя, произвольное комбинирование мотивов вышивки. Утверждение соответствия одежды «духу современности» может не просто констатироваться, но и имплицитно подаваться как особая ценность в тексте очередного сконструированного диалога:

Мама, рубашки (купленные в ЦУМе и привезенные в Йошкар-Олу. — К. Г.) очень хорошие, спасибо. Только они не импортные, а нашей йошкар-олинской фабрики “Труженица”. Ты не расстраивайся, ведь сорочки на самом деле модные и не хуже импортных. У нас в городе на такие тоже большой спрос³⁶.

Итак, идеальный алгоритм разработки модели с национальным орнаментом таков: художник, основываясь на этнографической литературе и образцах народной вышивки, выбирает *традиционный* орнамент, сознательно модифицирует его (на уровне компоновки элементов, композиции, цвета, положения в пространстве изделия), создает модель изделия, которая позже тиражируется вышивальщицами фабрики. Другими словами, художники фабрики в 1970–1980-х годах сознательно воспроизводят тип вышивки, ассоциирующийся с национальной традицией и известный по этнографическим описаниям и материалам музейных коллекций. Традиция же распространенного во второй половине XX века костюма типа *йошкар-ола тувыр* с «новым» типом вышивок никак не учитывается и не упоминает-

---

³⁵ Ср.: «Вышивка на предприятиях художественных объединений и в ателье индивидуального пошива в республике развивается прежде всего в *национальном стиле и сохраняет лучшие традиции*, выработанные марийскими вышивальщицами в течение длительного исторического периода [...] [Художницы и вышивальщицы] *не копируют традиционное искусство вышивки, но берут из нее все лучшее*, что создано многими поколениями марийских вышивальщиц. На основе *творческого преобразования традиций* прошлого создается *новая современная национальная вышивка*» (Соловьева Г. И. Орнамент марийской вышивки. С. 63–64).

³⁶ Фецина О. Ф. Неувядающие орнаменты. С. 29.

ся в контексте промышленного производства «современной национальной одежды».

Рис. 3. Рисунок из работы Фецина 1980.

Необходимо отметить, что изделия фабрики «Труженица» упоминаются в большинстве работ, посвященных марийскому костюму. Дискурс, сформированный этнографами, включает описание работ профессиональных вышивальщиц как одного из путей развития «национальной» традиции.

Положительной работой художников фабрики является обогащение народной орнаментики новыми элементами, поиски новых композиционных и колористических вариантов [...] Художники республики, обращаясь к национальному наследию, подходят к этнографическому материалу творчески, фольклорное начало во многих случаях преобладает³⁷.

³⁷ Соловьева Г. И. Орнамент марийской вышивки. С. 62, 69. И далее подробный критический разбор модификаций вышивок — оценка их как положительных (при условии опоры на национальную традицию) или непрофессиональных — см. раздел «Использование традиций национальной вышивки в оформлении сценического костюма» в: Соловьева Г. И. Орнамент марийской вышивки. С. 68–72. Любопытен вывод исследовательницы, фактически обобщаю-

Создаваемую рукодельницами из народа в настоящее время вышивку из цветов и букетов по белой покупной ткани надо рассматривать, как *новое направление в творчестве мариек*, доступное им по формам и техническому выполнению. Такие узоры ближе им теперь, чем прежние, создававшиеся в течение веков. *Работа в духе старинной национальной марийской вышивки переносится в данное время в специализированные артели*, где обученные кадры мастериц-вышивальщиц, поставленные в хорошие условия, в светлых мастерских, будут создавать вещи современного быта, *на базе изучения приемов и стиля старинной вышивки*. Такая работа велась уже в Марийской республике в течение ряда лет³⁸.

Последняя цитата из работы начала 1950-х годов наиболее точно суммирует концепцию этнографов и, вслед за ними, мастеров марийской вышивки и других трансляторов «научного» взгляда на национальную традицию. Традиционными и национальными, согласно этой концепции, являются исключительно геометрические орнаменты, выполненные при помощи «старых» техник. На данном этапе их сохраняют централизованно — посредством воспроизводства и модификации («творческой переработки») в соответствии с модой и соображениями удобства — фабрики и профессиональные мастера, подходящие к национальной традиции с научных позиций («на базе изучения приемов и стиля старинной вышивки»; ср.: «хранителем самобытной национальной вышивки является фабрика “Труженица”»³⁹). Новая орнаментика оценивается как «новое на-

---

ций параметры, по которым костюм и его орнаментация могут быть визуально прочитаны как *национальные*: «Подбор расцветки, новое композиционное решение плоскости, нарушение традиционного оформления во многих случаях не противоречат народным традициям. Смотры фольклорных ансамблей, выступления художественных коллективов республики показывают, что образцы костюмов отвечают тем или иным аспектам традиционного направления в национальной одежде: силуэтом, кроем, структурой ткани, цветовой гаммой, характером или масштабом орнаментального рисунка, распределением вышивки на ткани, отделкой» (Там же. С. 72).

³⁸ Яковлева В. Я. О марийской вышивке // Уч. зап. Марийского науч.-исслед. ин-та. Литература, фольклор, искусство. Вып. 4. Йошкар-Ола, 1951. С. 269–270.

³⁹ Молотова Т. Л. Марийский народный костюм. С. 102.

правление» в самобытной одежде марийцев, не являющееся, тем не менее, традиционным (национальным) и потому не требующее сохранения, не достойное демонстрации.

Потребители продукции фабрики «Труженица»

Принципиальным для нашего исследования является вопрос: на кого была в основном *ориентирована* выпускавшаяся фабрикой продукция? В юбилейной книге О. Ф. Фециной в качестве «потребителей» чаще всего упоминаются художественные ансамбли и театральные труппы, так или иначе ориентированные на демонстрацию национальной культуры, музеи, мероприятия вроде смотров или ярмарок, специализированные магазины сувенирной продукции (магазин «Русский сувенир», специализированная база сувениров «Росгалантерея» в Москве). Реже упоминаются крупные государственные магазины (московский ЦУМ)⁴⁰ и учреждения культуры (в них вышитые полотна использовались, например, для украшения интерьера). Иными словами, изделия с марийской вышивкой оказывались востребованы там (в том публичном пространстве), где предполагалась нарочитая демонстрация их *национальной специфики* (природы) — *марийскости*.

Многие производившиеся фабрикой товары были принципиально ориентированы на экспорт — потребление за пределами республики. Пожалуй, наиболее ярким примером такой идеологии производства могут служить сувенирные изделия, специально разработанные и выпущенные к Московской олимпиаде 1980 года (содержащие олимпийскую символику): «Москва предложит богатый выбор сувениров, которые готовят все народы нашей многонациональной Родины. Вышивальщицы фабрики «Труженица» удостоены чести представить на «Олимпиаду-80»

---

⁴⁰ Фецина О. Ф. Неувядающие орнаменты. Раздел 1 (посвященный участку национальной вышивки).

семь видов изделий: четыре салфетки, одну блузу и сорочки мужские и детские»⁴¹. В качестве же контекстов использования фабричной вышитой одежды внутри республики чаще всего упоминаются праздники (например, национальный праздник Пеледыш пайрем⁴²) или сценические выступления (профессиональных или самодеятельных коллективов).

Наконец, несколько слов следует сказать о таком специфическом потребителе фабричной продукции, как НИИХП. В книге О. Ф. Фециной этот институт упоминается не только в качестве потребителя (заказчика) вышитой продукции, но и в качестве учреждения, подготавливающего кадры для фабрики — профессиональных художников для разработки новых «национальных» орнаментов. В таком же ключе участие НИИХП описывается и в работе 1957 года: «Художники Научно-исследовательского института художественной промышленности неоднократно создавали рисунки современных изделий на основе творческой переработки национальных марийских орнаментов, которые выполнялись мастерицами г. Йошкар-Олы»⁴³. Это утверждение подкрепляется фотографией работ художников; показательно, что представленные на рисунке вышитые изделия позже попали в московский Музей народного искусства при НИИХП. Таким образом, можно, с одной стороны, еще раз подтвердить тезис о существовании на фабрике особой идеологии изготовления «научно выверенных» образцов вышивки, а с другой — говорить о своеобразном парадоксе

---

⁴¹ Фецина О. Ф. Неувядающие орнаменты. С. 19.

⁴² Например, на Пеледыш пайрем в 1965 году в «национальные» костюмы были одеты ведущие, хозяйка праздника (депутат Верховного Совета Марийской АССР), участники художественной самодеятельности — см.: Соловьев В. С. Пеледыш пайрем. С. 25–30.

⁴³ Яковлева В. Я., Яковлева Е. Г. Искусство мари. С. 155–156. См. также предисловия в работах: Королева Н. С. (Сост.) Вышивка народов Поволжья и Прикамья. С. 7–8; Меджитова Э. Д. Марийское народное искусство. С. 253–254.

участия НИИХП в работе фабрики: о выполнении им одновременно роли поставщика художников-разработчиков вышивки и роли потребителя вышитой продукции⁴⁴.

Несмотря на окказиональные упоминания о востребованности вышитых изделий населением Марийской АССР (особенно в юбилейной книге О. Ф. Фециной), чаще встречаются указания на их непопулярность внутри республики. Низкий спрос на товары фабрики особенно часто отмечают этнографы последнего советского десятилетия и постсоветского периода. Изделия с марийской вышивкой с середины 1950-х годов

...были уникальными выставочными изделиями, а *не товарами массового спроса* [...] Не считаясь с природой художественных возможностей марийской вышивки, на фабрике стали изготавливать декоративные панно в виде портретов. Все это снижало утилитарные функции вышивки [...] В основном разрабатывали и изготавливали *различные изделия сувенирного назначения*⁴⁵.

Невостребованность объясняется ориентацией изделий на экспорт — их «сувенирным» и декоративным характером, пригодностью для международных и отечественных выставок, но

---

⁴⁴ Вопрос о влиянии НИИХП на работу марийской фабрики «Труженица», равно как и на продукцию других фабрик, производивших изделия с «национальным» колоритом, безусловно, требует отдельного исследования. Достаточно подробно работа института (и организованного при нем музея) в области демонстрации и «пропаганды народного искусства» описана в работах: *Иванова Н. Н.* О создании Музея народного искусства // Музей народного искусства и художественные промыслы. Сб. ст. Вып. 5. М., 1972. С. 7–19; *Розова Л. К.* Работа музея по пропаганде народного искусства // Там же. С. 36–52. В качестве основных направлений работы музея (филиала НИИХП) чаще всего называются следующие: коллекционирование «аутентичных» и новых образцов народного искусства, подготовка профессиональных мастеров и организация их деятельности, предоставление «образцов» для ориентации мастерами своего творчества на «народное искусство», производство предметов в «народном» стиле, их экспонирование и сбыт.

⁴⁵ *Соловьева Г. И.* Орнамент марийской вышивки. С. 56. См. также: *Молотова Т. Л.* Марийский народный костюм. С. 102.

не для повседневного ношения. Впрочем, к концу 1970-х — 1980-м годам в среде сельского населения Марийской АССР марийский костюм постепенно был вытеснен в сферу праздничного, ритуального (например, свадебная или погребальная одежда, сценический костюм для самодеятельных сельских коллективов), но и в этом случае предпочтение отдавалось не фабричным изделиям, а одежде, изготовленной самостоятельно⁴⁶.

Заключение

Итак, я попыталась рассмотреть эволюцию более или менее официальной точки зрения на марийские вышивки в течение советского периода и определить ее влияние на промышленное воспроизводство национальных орнаментов. Как показал анализ текстов, дискурс, сформированный в 1920-е годы преимущественно публицистами республики и далее развитый этнографами и популяризаторами вышитых изделий, в разное время включал полярные представления о значении вышитых изделий и собственно вышивок — от идеи вредоносности вышивания в период «культурной революции» конца 1920-х годов к идее экономической ценности орнаментов и, далее, к более поздним представлениям о ценности вышивки как образца национального искусства, требующего сохранения и воспроизводства в новых социальных условиях. Раньше всего идею символической ценности вышивок как части народной (национальной) культуры (традиции) сформулировала в 1951 году В. Я. Яковлева:

Есть много причин, которые мешают Марийской республике в настоящее время развивать свою национальную вышивку [...] Главная из них — непонимание марийской общественностью *огромной ценности своей вышивки*, как хранительницы редких в народной вышивке достижений. *Эта вышивка — сокровищница творческого духа марийского народа*; и надо сделать все, чтобы она была им понята и любима⁴⁷.

⁴⁶ Соловьева Г. И. Орнамент марийской вышивки. С. 100–102.

⁴⁷ Яковлева В. Я. О марийской вышивке. С. 269–270.

Традиционными с начала 1920-х годов до сегодняшнего времени называют геометрические орнаменты, известные преимущественно по музейным коллекциям. Активными трансляторами такой точки зрения на традицию в середине XX века были этнографы, но, как показывает история фабрики «Труженица», дискурс этнографических работ был усвоен и «прикладниками». На протяжении всего советского периода производство изделий, расшитых «старинными» орнаментами, старались наладить для экспорта: в первые десятилетия речь шла о реальном экспорте вышитой одежды — продаже изделий за границу; применительно к более позднему времени можно говорить об «экспорте» внутри страны — об ориентации производства вышитых изделий не на население республики, а преимущественно на музеи, выставки или НИИХП. В результате постоянный обмен, происходивший между этнографами, художниками (включая готовившую их организацию) и потребителями фабричных изделий не только окончательно сформировал идеологию фабрики (ориентацию на «научность»/«этнографичность» и одновременно модернизацию орнаментов), но и повлиял на формирование визуальной доминанты национальной (марийской) традиции в целом (последнее утверждение не кажется мне преувеличением, если принимать во внимание не только продукцию фабрики, но и распространенную до нынешнего времени практику украшения фасадов зданий, интерьеров, обложек книг и даже символов республики — герба и флага⁴⁸ — подобными орнаментами).

В рамках рассмотренного этнографического дискурса идея традиционного — например, традиционного промысла — как особого символического капитала подчеркивается отсылками к «историческому»⁴⁹ постановлению ЦК КПСС 1975 года *О народ-*

---

⁴⁸ О принятии новой республиканской символики в марте 2011 году см., например: Новые символы Марий Эл // Марий сандалык. 2011. № 1.

⁴⁹ *Меджитова Э.Д.* Марийское народное искусство. С. 249.

ных художественных промыслах⁵⁰, а также к некоторым другим, более ранним постановлениям. Отсылка к априори легитимному документу, называющему «народное декоративно-прикладное искусство [способствующим] удовлетворению материальных и духовных потребностей советских людей», — к документу, ориентированному на поддержание именно промышленного воспроизводства народной культуры (ср. постановления о повышении идейного и художественного уровня изделий, разработке новых и восстановлении старых образцов, повышении роли художника и народного мастера на предприятии, организации оптовой торговли и специализированных магазинов-салонов и так далее), легитимирует рассуждения этнографов и похвалы летописца фабрики. Так или иначе, во второй половине XX века в ряде автономных республик РСФСР функционировали предприятия, подобные «Труженице»: ближайшими соседями марийской фабрики были «Мордовские узоры» в Саранске и «Паха-тере» в Чувашской АССР⁵¹.

Дискурс, сформированный научной и научно-популярной литературой позднего советского периода, хорошо усвоен современными этническими активистами и просто лояльными национальной традиции жителями республики. На данный момент риторика репрезентации вышивок и вышитой одежды как «сокровищницы творческого духа марийского народа» активно эксплуатируется народными мастерами и художниками, спрос (и цена) на изделия которых неуклонно растет⁵².

---

⁵⁰ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 11. М., 1978. С. 502–506.

⁵¹ Королева Н. С. (Сост.) Вышивка народов Поволжья и Прикамья. С. 7–8.

⁵² Показательным примером воспроизводства подобной риторики служит работа: Степанова И. Маритюр. В особенности см. предисловие к этой работе, написанное этнографом Г. И. Соловьевой.

Дискурсивное
конструирование
своего и чужого

«Присвоение Испании»: Испания в советском обществе в 1936–1939 годах

Испанская Гражданская война стала по-настоящему важным событием почти для каждого советского человека. Мемуаристы отмечают: во многих домах на стенах висели испанские флаги, карты страны, а многим девочкам стали давать имя Долорес¹.

Восприятие Испании и испанских событий советским обществом почти не изучалось: более того, почти не изучалось и конструирование этого восприятия. Исследователи ограничивались анализом роли советских добровольцев в войне, проблемой испанского золотого запаса², военными аспектами событий, а также констатацией «международной пролетарской солидарности» в отношении Испанской республики³. Впрочем, в последние годы появились и статьи, посвященные частным аспектам восприятия испанских событий в советском обществе⁴.

---

¹ См., например: *Лунгина Л.* Подстрочник. М., 2009; и др.

² См.: *Рыбалкин Ю.* Операция «Х». Советская военная помощь республиканской Испании. М., 2000.

³ См., например: *Солидарность народов с Испанской республикой, 1936–1939.* М., 1972; и др.

⁴ См., например: *Ведюшкина С. В.* Первые месяцы Гражданской войны в Испании в освещении центральных советских газет // *Источниковедческие исследования: Сб. ст. М., 2004. Вып. 1. С. 159–192; Медников И. Ю.* Эрнест Хемингуэй, Михаил Ефимович Кольцов и Гражданская война в Испании (1936–1939 гг.) // *Взаимодействие культур в историческом контексте: Сб. ст. по мат-лам межвуз. науч. конф., 27–28 ноября 2003 г. М., 2005. С. 194–233.*

Тем не менее образ Испании и испанских событий в СССР остается по большей части неизученным. Впрочем, в монографиях последнего времени все чаще звучит тезис о важности Гражданской войны на Пиренеях для всего происходившего в СССР в то время — например, о том, как «пятая колонна» в Испании повлияла на ход и содержание «большого террора»⁵.

В этой статье речь пойдет о том, как менялось отношение к Испании в СССР в описанный период — от нейтрально-сдержанного к истерично-влюбленному. В это время Испания, если так можно выразиться, входила в обиход советского человека. По сути мы можем наблюдать «присвоение Испании», появление в общественном сознании родной и близкой советскому человеку «заграницы».

Мятеж 18 июля 1936 года застал Советский Союз врасплох. Долгое время корреспонденции советских газет по этому поводу были скупыми и сдержанными — по сути в них сообщались только факты⁶. Активная пропагандистская кампания в СССР началась лишь в первых числах августа. 3 августа в Москве проходит грандиозный митинг солидарности, и начинается беспрецедентное по своим масштабам движение. В газетах публикуются резолюции митингов разных городов⁷. Более того, начинается массированный сбор средств в «фонд помощи женщинам и детям героической Испании»⁸. Очень важная деталь: в уста «простых людей» — колхозников, рабочих Трехгорной мануфактуры в Москве и так далее — вкладываются слова о том, что события в

---

⁵ См.: Хлевнюк О. В. Хозяин. Сталин и становление сталинской диктатуры. М., 2010. С. 292–297.

⁶ См.: Известия. 1936. 19–25 авг.

⁷ Там же. 1936. 4 авг. С. 1–2.

⁸ Там же. 1936. 5 авг. С. 1.

Испании сродни Гражданской войне в России⁹. Эта мысль продвигается и в газетах — франкистов называют «белыми», оборону Мадрида в ноябре 1936 года сравнивают с обороной Петрограда в мае–ноябре 1919 года¹⁰.

«Белогвардейская» компонента в Гражданской войне поддерживалась и в произведениях искусства, созданных «по случаю». Так, в быстро написанной пьесе драматурга Александра Афиногенова *Салют, Испания!* в качестве одного из наиболее активных отрицательных героев выступил белогвардеец Иванов — наемник на стороне мятежников. Именно Иванову и его падению посвящен гневный монолог (советского) Журналиста в этой пьесе¹¹.

Интересно, что многочисленные аллюзии на Гражданскую войну в России использовались и самими испанцами. Так, они с удовольствием называли свои батальоны именами героев российской Гражданской войны — Чапаева и Щорса, прокатывали фильмы *Чапаев* и *Мы из Кронштадта*¹².

Помогала визуализации образов Гражданской войны и советская политическая карикатура. Образы и маски, использовавшиеся в ней, а также ее влияние требуют отдельного исследования, но важно, что «друзья» и «враги» в этих злободневных (пусть политически ангажированных, но нацеленных на максимально широкую аудиторию) работах почти совпадали с друзьями и врагами советского человека. Так, образ испанского рабочего, изгоняющего фашиста, был срисован с советского агитплаката¹³. Среди «врагов» испанской революции видим не только ино-

---

⁹ Мы с Вами! М., 1936. С. 10.

¹⁰ См., например: Правда. 1936. 6 авг. С. 2; и др.

¹¹ См.: Афиногенов А. Салют, Испания! М.; Л., 1936. С. 64.

¹² См.: Кольцов М. Испанский дневник. М., 1988. С. 43–44; Савич О. Г. Два года в Испании. М., 1981. С. 74.

¹³ См.: Ефимов Б. Фашизм — враг народов! М., 1937; и др.

земных фашистов, но и местных генералов и католических священников. Генерал Франко часто изображался в погонах, но при этом в роли обезьянки у иностранных интервентов, что подчеркивало его несамостоятельность¹⁴.

Испания в тот момент была везде: атмосферу этого передает заметка фельетонистов *Известий* братьев Тур *Испанская осень*. В ней говорится о горячих спорах об Испании в «раздевалках библиотек», о том, как влюбленная парочка в Нескучном саду уверяет друг друга, что «они не пройдут», как в библиотеках спрашивают Альберти и Сервантеса. «В Москве — испанская осень», — подытоживают авторы¹⁵.

В конце 1936 года в московском Музее Революции открылась специализированная постоянная выставка, посвященная испанской революции и Гражданской войне¹⁶. К сожалению, не вполне ясно, какое именно ведомство непосредственно курировало экспозицию, но очевидно, что ее проведение, тем более в Музее Революции, не могло не быть санкционировано на самом высоком уровне. Таким образом, власти, по сути, продемонстрировали преемственность между российской и испанской революциями.

Отправленные в Испанию по решению Политбюро ЦК ВКП(б) кинооператоры Роман Кармен и Борис Макасеев¹⁷ снимали хронику, которая шла в советских кинотеатрах. Сам Кармен приводит в воспоминаниях отклики на его документальные произведения: «...нам писали, что ни один художественный фильм за последние годы не имел такого успеха у зрителей, труд-

---

¹⁴ См., например: *Известия*. 1936. 10 дек. С. 2.

¹⁵ Там же. 4 окт. С. 3.

¹⁶ Там же. 16 ноя. С. 4.

¹⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 980. Л. 44.

но припомнить времена, когда зрители так штурмовали двери кинотеатров...»¹⁸.

В Испанию отправились и советские писатели — в первую очередь, стоит вспомнить об Илье Эренбурге, Михаиле Кольцове и Овадии Савиче. Первым автором, увидевшим Испанию «из первых рук», стал Эренбург, который публиковал свои корреспонденции, посвященные этой стране, с начала 1936 года. Именно перу Эренбурга принадлежат первые материалы о военных действиях, появившиеся в *Известиях*. В них он называет франкистов «белыми бандами», отмечает, что «трудящиеся знают, за что они идут умирать в эти знойные жестокие дни»¹⁹. Писатель активно сравнивает события Гражданской войны в Испании с Гражданской войной в России — поэтому франкисты регулярно называются в его материалах «белыми», а республиканцы, напротив, — «красными»²⁰. Эренбург живописует зверства франкистов: в одной из статей он пишет: «...так в 1936 г. воскресли кошмары Гойи»²¹, в другой — описывает террор мятежников при взятии Бадахоса²². Очень важным мотивом для публицистики Эренбурга становится мотив «защиты культуры» республиканцами. Сторонники мятежников, по словам литератора, «ставят пулеметы на колокольни готических соборов, они устраивают арсеналы в мавританских дворцах, стреляют в толпу из узких окон книгохранилищ...»²³. Эренбург намеревается принять участие в митинге в «защиту культуры»²⁴, вместе с другими писателями подписывает заявление о том, что «победа фашизма в Испании означала бы усиление и приближение угрозы культуре и интел-

---

¹⁸ См.: *Кармен Р.* Но пасаран! М., 1972. С. 243.

¹⁹ *Известия*. 1936. 27 июля. С. 2.

²⁰ Там же. 15 авг. С. 2; и др.

²¹ Там же. 28 июля. С. 2.

²² Там же. 16–17 авг. С. 3.

²³ Там же. 3 авг. С. 2.

²⁴ Там же. 5 окт. С. 3.

лигенции во всем мире»²⁵. Кроме того, Эренбург подробно писал и об Интернациональных бригадах — естественно, с апологетических позиций²⁶. Отдельно стоит упомянуть заочную полемику писателя с испанским коллегой Мигелем де Унамуно. Дело в том, что Унамуно, в отличие от большинства представителей творческой интеллигенции, поддержал мятеж Франко. Эренбург мало стесняется в выражениях, называя Унамуно «шутком слова и балагуром мысли»²⁷. Одна из статей Эренбурга в цикле *Письма из Испании* прямо названа *Письмо Унамуно*, в котором советский писатель призывает маститого коллегу к диалогу «как писатель с писателем»²⁸. Эренбург противопоставляет Унамуно «всем честным писателям»²⁹. Можно сказать, что испанские события становятся «звездным часом» Ильи Эренбурга — его корреспонденции появляются в *Известиях* едва ли не ежедневно. Так, только в 1936 году, за 132 номера, вышедших с момента начала боев на Пиренеях, статьи, очерки, заметки или интервью Эренбурга были напечатаны 34 раза, то есть в среднем в каждом четвертом номере.

Однако было бы неверным считать, что публицистика Эренбурга ограничивалась лишь политически злободневными комментариями и пропагандистскими репликациями. Весной 1937 года писатель снова сравнил Гражданскую войну в Испании и в России, процитировав слова Владимира Маяковского о том, что 1919 год открыл людям «теплоту Любостей, дружб и семей»³⁰. Для Эренбурга Испания стала не только предметом публицистики, но и темой большого романа *Что человеку нужно*, сборника рассказов *Вне перемирия*, стихов из сборника *Верность* (вышел в 1941 году).

---

²⁵ Известия. 1936. 9 окт. С. 2.

²⁶ Там же. 17 дек. С. 2.

²⁷ Там же. 7 ноя. С. 2.

²⁸ Там же. 21 авг. С. 4.

²⁹ Там же. 14 авг. С. 2.

³⁰ Там же. 1937. 1 мая. С. 2.

В том же 1936 году в Испанию приехал и другой известный писатель и журналист, глава Журнально-газетного объединения (Жургаз), редактор *Правды* Михаил Кольцов. Его статьи и очерки активно публиковались. Он, как и Эренбург, не скрывал симпатий к республиканцам, в материалах Кольцова подробно и красочно описывались зверства франкистов, он с явным сочувствием описывал борьбу республиканцев. В 1937 году Кольцов снова отправился в Испанию; отчет о его путешествии был опубликован в *Известиях*. В нем писатель заявил, что «народ, отделенный от нас десятками стран, казалось бы, ничем на нас не похожий, стал нам близок и понятен [...] мы сроднились с ним, взяли в свое сердце его бедствия...»³¹.

Помимо многочисленных корреспонденций, Кольцов в Испании создал свое главное прозаическое произведение — *Испанский дневник* (1938). Значение деятельности Кольцова для освещения в советской печати испанских событий трудно переоценить, а его возвращение на родину в конце 1938 года и встреча на Белорусском вокзале Москвы стали настоящей манифестацией. Но признали его корреспонденции намного раньше: еще зимой 1937 года в *Литературной газете* появился апологетический очерк Ф. Левина *Перо большевика*, посвященный его журналистской работе на Пиренеях³². Восхищение «героической работой» Кольцова высказывалось и на уровне творческого объединения: телеграмму с таким содержанием отправило писателю в феврале 1937 года Всесоюзное совещание оборонных писателей³³. Положительно отнеслась критика и к *Испанскому дневнику*, характеризуя его как «грустную, но, вместе с тем, мужественную книгу!» (Валентин Катаев)³⁴.

---

³¹ Там же. 9 апр. С. 2.

³² Литературная газета. 1937. 10 янв. С. 4.

³³ Там же. 20 февр. С. 2.

³⁴ Литературная газета. 1938. 15 июня. С. 4.

Кроме того, Кольцов стал частью советской номенклатуры самого высокого ранга: был избран депутатом Верховного Совета РСФСР от Пензенской области. Правда, ненадолго — в декабре 1938 года Кольцов был арестован, затем осужден как шпион и расстрелян.

В феврале 1937 года в Испанию отправился еще один писатель — Овадий Савич. Как корреспондент *Комсомольской правды* он провел там два года. Правда, книга Савича о событиях на Пиренеях — *Два года в Испании* — вышла лишь в 1962 году.

Любопытно, что и Савич, и Кольцов в своих произведениях крайне скупо описывают процедуру их отправки на другой конец Европы. Так, Савич начинает свою книгу с посещения в Париже испанского консульства и покупки билета на поезд из Парижа до пограничной станции³⁵. Кольцов в первых заметках *Испанского дневника* коротко описывает антифашистский митинг в Москве 3 августа 1936 года, а затем — свой авиаперелет³⁶.

Естественно, что столь маститые журналисты поехали в Испанию не по собственной инициативе. Так, предложение об отправке М. Кольцова в Испанию в статусе «спецкорреспондента» *Правды* сделал главный редактор газеты Л. З. Мехлис, причем сделал его лично Сталину. Это следует из написанной от руки записки Мехлиса на имя секретаря Сталина Поскребышева: «Хозяин согласен [...] Прошу срочно оформить, чтобы смог получить визу и вылететь на самолете...». В пояснительной записке в Политбюро ЦК ВКП(б) по этому поводу Мехлис писал: «...согласие т. Сталина получено». Естественно, Политбюро возражать не стало, подтвердив также выделение Кольцову на расходы 1200 долларов. Правда, интересно, что записка Мехлиса Поскребышеву датирована 10 августа, а его пояснительная записка в Полит-

---

³⁵ См.: *Савич О. Г.* Два года в Испании. С. 4–5.

³⁶ См.: *Кольцов М. Е.* Испанский дневник. М., 1961. С. 17.

бюро — 3 августа 1936 года³⁷. Изучение журнала посещений И. В. Сталина за этот период показывает, что Мехлис мог решить этот вопрос только на приеме 20 июля 1936 года³⁸.

В литературе высказывалось предположение относительно статуса М. Кольцова во время его пребывания в Испании. Так, Ю. Н. Жуков в монографии *Иной Сталин: политические реформы в СССР 1933–1937 гг.* утверждает, что Кольцов «фактически стал представителем ЦК ВКП(б)», правда, не давая никаких ссылок. Более того, Жуков отмечает, что лишь после заброски в Испанию целой группы журналистов, кинооператоров и дипломатических работников «из Мадрида стала поступать тщательно выверенная и систематизированная информация» о событиях на полуострове³⁹. Действительно, при работе в фонде Молотова удалось обнаружить целый ряд писем Кольцова, которые передавались Молотову с пометкой «совершенно секретно» главным редактором *Правды* Л. З. Мехлисом⁴⁰.

Аналогичным образом развернулась ситуация с Эренбургом. 8 августа Сталину поступило письмо редактора *Известий* Я. Г. Селиха, после которого Политбюро 10 августа опросом решило «временно командировать в Испанию корреспондента “Известий” т. Эренбурга»⁴¹.

Такое отношение к Испании подтверждалось и желанием многих советских людей отправиться добровольцами в эту страну. Органы НКВД даже ловили беспризорников и подростков, намеревавшихся туда отправиться (что сближало Испанию

---

³⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 114. Д. 766. Л. 124–127.

³⁸ На приеме у Сталина. Тетради (журналы) записей лиц, принятых И. В. Сталиным (1924–1953 гг.). М., 2008. С. 203.

³⁹ См.: Жуков Ю. Н. *Иной Сталин*. М., 2008. С. 254–255.

⁴⁰ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 983. Л. 32–41.

⁴¹ Там же. Ф. 17. Оп. 114. Д. 768. Л. 11–12.

с «хлебным городом Ташкентом») ⁴². При этом очень любопытен тот факт, что в советской прессе не было упоминаний об участии советских граждан в Интербригадах. Более того, в написанной «по случаю» пропагандистской пьесе *Салют, Испания!* испанцы спрашивают советского Журналиста о том, почему СССР не отправляет в их страну свои войска. Журналист смущенно отвечает, что «он плохо понимает по-испански» ⁴³.

О том, что Испания в 1936–1937 годах обладала для СССР особым статусом, говорит и такая деталь: советские комсомольцы вели интенсивную легальную переписку с испанскими сверстниками — явление, в те годы почти невозможное в отношении любой другой страны, пускай эта переписка и контролировалась спецслужбами ⁴⁴.

Как кажется, с определенного момента (с начала 1937 года) восприятие Испании как страны, напрямую связанной с СССР, возобладало даже среди образованной и власть имущей части общества. Так, существовал проект присоединения Объединенного союза социалистической молодежи Испании к ВЛКСМ ⁴⁵, а решение о проведении в этой стране летом 1937 года Второго международного конгресса писателей принималось на уровне Политбюро ⁴⁶. Такую ситуацию можно объяснить тем огромным масштабом помощи, которую СССР оказывал Республике.

Но даже люди, работавшие в ВОКС, как кажется, безапелляционно воспринимали Испанию как часть советского культурного пространства. Так, в фонде этой организации сохранился документ, в котором анонимный сотрудник ВОКС предлагает «не-

---

⁴² См.: Савич О. Г. Два года в Испании. С. 75.

⁴³ Афиногенов А. Салют, Испания! С. 71.

⁴⁴ РГАСПИ. Ф. 533. Оп. 10. Д. 2619.

⁴⁵ Там же. Д. 2623.

⁴⁶ Там же. Ф. 17. Оп. 3. Д. 985. Л. 14.

медленно отправить в Испанию» Стаханова, одного из виртуозов — победителей конкурсов, скульптора Мухину, пулеметчицу Чапаева, парашютистов для организации массовых праздников и так далее⁴⁷.

Наверное, одной из причин такого отношения стали материалы, публиковавшиеся в советской прессе. Испанские друзья СССР с удовольствием принимали советские «правила игры». Испанские писатели в газетах, подобно советским, слали «братский привет» советским летчикам и полярникам⁴⁸. Писатель Рафаэль Альберти в личной переписке с Инкомиссией Союза советских писателей заявлял, имея в виду Московские процессы: «...любое средство избавиться от изменников Родины кажется нам справедливым»⁴⁹. Описание эвакуации испанских детей из Бильбао летом 1937 года, когда столица Страны Басков была захвачена франкистами, заканчивается здравицами испанских детей в адрес Сталина и Страны Советов⁵⁰.

Этот процесс сопровождался популяризацией испанской культуры и испанского языка. В театрах ставились пьесы испанских драматургов, издавались переводы испанских классиков, выпускались специальные сборники в помощь библиотекарям⁵¹, организовывались курсы испанского языка. Однако специалистов, владевших этим языком, все равно не хватало: в том же отчете говорится, что необходимо «сейчас же приступить к подготовке обслуживающих кадров». Желание обладать частичкой Испании доводило до курьезов: в одном из универмагов Одессы

---

⁴⁷ ГАРФ. Ф. 5283. Оп. 7. Д. 840. Л. 83.

⁴⁸ См., например: Литературная газета. 1937. 26 авг. С. 1.

⁴⁹ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 11. Д. 336. Л. 31.

⁵⁰ Правда. 1937. 24 июня. С. 6.

⁵¹ Они были выпущены в Москве и Минске в 1936 году.

выпускались (и активно распродавались) шапочки солдат испанской народной милиции⁵².

Сами испанцы в процессе «присвоения» Испании оказались в двойственном положении: с одной стороны, они в наибольшей степени оказались допущены в жизнь советского общества. Так, например, писатель Паскуаль Пля-и-Бельтран посещал мероприятия по случаю 750-летнего юбилея Шота Руставели в Тбилиси в декабре 1936 года. Особый статус испанского гостя подчеркивался двумя обстоятельствами: во-первых, он был единственным иностранцем на мероприятии; во-вторых, его избрали в президиум торжественного заседания⁵³.

Испанские футболисты, игроки сборной Басконии, оказались едва ли не единственными спортсменами международного класса, которые смогли сыграть со своими советскими коллегами. Результат оказался не слишком удачным для советского спорта: одна победа при одной ничьей и шести поражениях⁵⁴. При этом участники тех игр вспоминают об определенном конфликте между, с одной стороны, интернационалистскими настроениями в связи с приездом представителей дружественного народа, а с другой — боязнью уронить лицо «социалистического спорта» со стороны спортивных чиновников, что привело к многочисленным «накачкам» спортсменов со стороны чиновников разного уровня⁵⁵. Более того, в спортивной прессе публиковались документы о том, что по приезде басков в Ленинград местные организаторы намеревались ослабить спортивную форму басков, попросту подпоив их и дав им возможность провести время с женщинами⁵⁶. Кстати, во многом неуспехи советских фут-

---

⁵² Известия. 1936. 4 окт. С. 6.

⁵³ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 11. Д. 197.

⁵⁴ Подробнее о визите футболистов сборной Басконии в Москву см.: Спорт-Экспресс. 2004. 13 февр. С. 12–13.

⁵⁵ См.: *Старостин Н. П.* Футбол сквозь годы. М., 1989. С. 33–35.

⁵⁶ Спорт-Экспресс. 2004. 5 марта. С. 10.

болистов привели к тому, что отчеты о матчах становились все более и более краткими и сухими⁵⁷.

Особым статусом обладали и испанские рабочие делегации. Их участники могли задавать неудобные вопросы Калинину, спрашивая, например, о неравенстве зарплат советских рабочих (формальный глава СССР на это сказал: «...я бы на этот вопрос не стал отвечать, если бы его не испанская делегация поставила...»)⁵⁸. В инструкциях на места прямо говорилось: «...испанским делегациям в присутствии всех других делегаций оказывается особое внимание, они получают многочисленные отдельные приглашения от рабочих различных предприятий и это ни у кого не вызывает никаких недоумений и вредных взглядов на эти вещи»⁵⁹.

С другой стороны, не вполне понятно, готовы ли были сами испанцы, приезжавшие в СССР, получать те знания, которые им хотели дать: так, из секретного отчета о приеме испанской делегации, прибывшей на Первомай 1937 года, мы узнаем, что «не учитывалась в достаточной степени политическая необходимость для испанской делегации познакомиться с опытом Гражданской войны в СССР, и особенно с вопросом преодоления трудностей в условиях Гражданской войны и интервенции...»⁶⁰. Темы, затронутые делегатами страны на Пиренеях в беседе с представителем ВЛКСМ А. В. Косаревым, председателем СНК УССР П. П. Любченко, представителями ВЦСПС, показывают, что в Советском Союзе считали необходимым увязывать «опыт революции в СССР с проблемами в Испании (по вопросам единого командования [...] борьбы с троцкизмом, коллективизации, дисциплины и т. д.)»⁶¹.

---

⁵⁷ Ср.: Красный спорт. 1937. 1 авг. С. 5; 11 авг. С. 6.

⁵⁸ ГАРФ. Ф. 5451. Оп. 21. Д. 143. Л. 18.

⁵⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 120. Д. 259. Л. 6.

⁶⁰ Там же. Ф. 495. Оп. 20. Д. 270. Л. 60.

⁶¹ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 20. Д. 270. Л. 63.

Активная фаза «присвоения» Испании продолжалась с осени 1936 до лета 1937 года. Затем Испанию оттеснили на периферию общественного сознания другие события — в первую очередь, начало военного противостояния Японии и Китая. Кроме того, здесь сказался позиционный характер войны и отсутствие заметных успехов республиканцев. Хотя, конечно, имели место отдельные всплески интереса к Испании — так, в отчетах о митингах продолжают мелькать флаги «героической Испании»⁶², а на московском Электrozаводе в январе 1938 года на митинг записалось 35 человек в первый же день⁶³. Но все это уже не носило столь массового характера, как раньше. Испания потихоньку исчезала с газетных страниц, возвращались засекреченные добровольцы. Но это не означает, что проект создания «удаленной части Советского Союза» на Пиренеях не удался. Посеянный в то время интерес к Испании дал плоды — в СССР остались испанские спецшколы, а испанские дети — вывезенные из воюющей страны — стали неотъемлемой частью советского общества. Конечно, в сводках о настроениях советских граждан описывались и многочисленные негативные высказывания об Испании (главным образом — о том, что в стране у самих голод, и нечего помогать испанцам), но они соседствовали с искренними проявлениями энтузиазма и солидарности с Испанской республикой⁶⁴.

Более того, испанская тема продолжала звучать и после окончания войны. Речь идет о фильме *Испания*, снятом режиссером Эсфирью Шуб по сценарию Всеволода Вишневского. Отложившиеся в РГАЛИ монтажные листы позволяют рассуждать о на-

---

⁶² См., например: Правда. 1938. 4 мая. С. 2.

⁶³ Там же. 1938. 4 янв. С. 3.

⁶⁴ Подробно этот вопрос рассматривает в своей монографии, ссылаясь на документы из ЦГАИПД СПб., Ш. Фитцпатрик — см.: *Фитцпатрик Ш. Повседневный сталинизм: социальная история советской России в 1930-е годы*: город. М., 2008. С. 205.

боре визуальных стереотипов испанской войны. Выясняется, что образы Республики почти неотличимы от советских образов — идиллические картины крестьян, собирающих урожай, перемежаются изображениями самолетов и маршей конницы. Полетомания советского общества второй половины 1930-х годов требует особого исследования, но совершенно ясно, что значение полетов Чкалова, женского экипажа Полины Осипенко, Белякова–Громова–Гайдукова и других далеко выходило за рамки «рекордов». Возможно, за этим скрывалась демонстрация превосходства советского общества, нового строя. Точно так же появление в фильме *Испания* конницы (не сыгравшей значительной роли ни в одном из сражений этой войны) сближало республиканскую армию с легендарной Первой конной маршала Буденного.

Уникальность «испанского проекта», как кажется, заключается в том, что создание «родной заграницы» не повлекло за собой упрощения отношений с внешним миром в целом. Испания осталась на долгое время исключением из правил. Тем не менее опыт «присвоения» Испании, формирования образа целой страны, ее восприятия как «родной и близкой»⁶⁵, как кажется, помог впоследствии в деле «конструирования советского» в отношении других частей внешнего мира, таких как Куба, Чили или Вьетнам.

---

⁶⁵ Именно такими терминами описывает советско-испанские отношения того времени М. Кольцов — см.: Правда. 1937. 9 апр. С. 2.

Иностранцы в вузах Ленинграда в 1950-е — середине 1960-х годов: Теория и практика повседневности

Тема подготовки иностранных кадров в СССР до сих пор остается недостаточно изученной. Так, для большинства работ советской эпохи был характерен тенденциозный подход — акцентирование внимания на «интернациональном долге», «бескорыстной помощи» Советского Союза в деле обучения иностранцев, а само пребывание иностранных граждан в Советском Союзе преподносилось как их желание овладеть «основами марксистско-ленинской теории» и получить воспитание в «духе пролетарского интернационализма»¹. В то же время острые, проблемные вопросы, связанные с пребыванием в СССР иностранных учащихся, по которым практика нередко расходилась с официальными теоретическими установками, оставались уделом лишь небольшого числа специалистов, работы которых получали гриф «Для служебного пользования»².

Российская историография 1990–2000-х годов в целом преодолела такой политизированный подход советского времени. Вместе с тем большинство исследователей предпочли сосредоточиться на процессе подготовки иностранных кадров в СССР³, в частности на отдельных аспектах идеологической работы с

---

¹ Проблемы подготовки национальных кадров специалистов для зарубежных стран. М., 1982. С. 52.

² Проблемы Африки. Спецбюллетень № 29. Проблемы подготовки африканских национальных кадров. М., 1969.

³ Белов В. А. Подготовка кадров для зарубежных стран в советских вузах. Калининград, 2003.

иностранными студентами и внешнеполитических последствиях обучения иностранцев в высших учебных заведениях Советского Союза. Практически не предпринималось комплексного исследования политики партийных властей и администрации высших учебных заведений по отношению к иностранным учащимся. Почти не изучены взаимоотношения советских и иностранных студентов, внутривнутриполитическая борьба в среде самих иностранцев, их реакции на окружающую советскую действительность, а также такие «мелочи», как быт и образ жизни иностранцев в рамках советской модели социализма.

Первые попытки обучения иностранцев в Советской России были предприняты еще в 1920–1930-х годах. Так, в 1921 году под эгидой Коминтерна специально для представителей азиатских национальностей был создан Коммунистический университет трудящихся Востока, а для подготовки кадров из европейских стран — Коммунистический университет национальных меньшинств Запада⁴. Располагались эти организации в основном в Москве и городах Средней Азии, Закавказья и Забайкалья, оставляя Ленинград на периферии подготовки иностранцев (только у Коммунистического университета национальных меньшинств Запада был здесь филиал).

Ситуация в сфере подготовки иностранных кадров существенно изменилась после Второй мировой войны, в связи с образованием социалистического лагеря. Пришедшие к власти в странах Восточной Европы и некоторых государствах Азии национальные коммунистические партии поставили перед собой задачу проведения социалистических преобразований по советскому образцу, что требовало наличия квалифицированных и лояльных коммунистической идеологии национальных кадров.

---

⁴ Соколов А. А. Коминтерн и Вьетнам. Подготовка вьетнамских политических кадров в коммунистических вузах СССР. 20–30-е гг. М., 1998.

Уже в 1946 году на учебу в СССР приехали первые 494 студента из «стран народной демократии» (СНД)⁵.

В отличие от довоенного периода, теперь Ленинграду отводилась роль одного из центров подготовки иностранных кадров. В 1946 году первыми вузами Ленинграда, приступившими к обучению иностранцев, стали Ленинградский медицинский институт, в который были приняты двое венгерских граждан⁶, и Ленинградский высший технический институт кинематографии, готовивший кадры для болгарской киноиндустрии⁷. Затем, в 1946–1947 годах, к подготовке иностранцев были привлечены Ленинградский государственный университет (ЛГУ имени А. А. Жданова), Педагогический (ЛГПИ имени А. И. Герцена) и Политехнический (ЛПИ) институты, другие вузы. Студенческий состав учебных заведений пополнили представители всех стран социалистического лагеря, включая Китай и Северную Корею. При этом номенклатура специальностей, по которым проходило обучение иностранцев, как правило, определялась конкретными потребностями той или иной страны в научно-технических или педагогических кадрах в текущий момент, без четкой ежегодной фиксации количественного и качественного определения этой потребности.

В самих учебных заведениях наблюдением за процессом обучения иностранных граждан занимались деканаты и комсомольские организации, в задачу которых входило налаживание конструктивных отношений с национальными землячествами. Важнейшая роль в идеологической работе с иностранцами отводилась кафедрам общественно-политических наук, дисциплины которых (политическая экономия, философия, история КПСС)

---

⁵ Проблемы подготовки национальных кадров специалистов. С. 8.

⁶ Грекова Т. И. Голиков Ю. П. Медицинский Петербург. СПб., 2001. С. 116.

⁷ Белов В. А. Подготовка кадров. С. 78.

были обязательны для изучения студентами из стран социалистического лагеря.

Все иностранцы, обучавшиеся в СССР, как из социалистических, так и затем из так называемых развивающихся стран, объединялись в землячества по национальному признаку. Они создавались в каждом городе, где обучались представители той или иной страны, и подчинялись центральным землячествам, располагавшимся, как правило, в вузах Москвы. В каждом землячестве были свои партийные и молодежные организации, копировавшие структуру национальных коммунистических партий или каких-либо других политических организаций, движений или объединений молодежи. На местах все землячества, по образцу московских, закреплялись за конкретным вузом. Например, все польские студенты, обучавшиеся в вузах Ленинграда, были закреплены за ЛГУ, где учились лидеры землячества и действовала польская партийная организация⁸.

Лидерами по числу иностранных студентов в Ленинграде были ЛГУ и ЛПИ. Так, в ЛГУ по состоянию на 1 октября 1956 года обучались 633 студента из СНД⁹, а в ЛПИ на 1 ноября 1956 года насчитывалось 403 студента-иностранца¹⁰. В остальных вузах Ленинграда число студентов и аспирантов было значительно меньшим. Например, в 1957 году в Электротехническом институте обучались 189 иностранцев, в Технологическом — 149, а в Педагогическом — всего 41¹¹. В национальном отношении пре-

---

⁸ Стенограмма совещания председателей городских землячеств студентов и аспирантов стран народной демократии, проведенного в обкоме КПСС 3 ноября 1953 г. (ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 96. Д. 12. Л. 16).

⁹ Годовые отчеты о количественном составе учащихся (ЦГА СПб. Ф. 7420. Оп. 15. Д. 1801. Л. 31).

¹⁰ Статистические сведения о контингенте студентов-иностранцев за 1956/57 учебный год (Там же. Ф. 3121. Оп. 28. Д. 832. Л. 3).

¹¹ Справки и докладные записки институтов Кораблестроительного, Электротехнического, Точной механики и оптики и др. о работе со студентами-иностранцами в 1957 г. (ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 106. Д. 60. Л. 7, 42, 144, 154).

обладали студенты и аспиранты из Китая. В ЛПИ они составляли более 55 процентов от общего числа иностранцев, в Кораблестроительном институте — около 60 процентов¹². На втором–третьем местах по численности в различных вузах находились студенты из ГДР, Болгарии и Монголии, число которых в каждой национальной группе обычно не превышало 30–40 человек¹³. Всего в СССР, по данным на 1955 год, проходили обучение 12,5 тысяч иностранных студентов, аспирантов и стажеров¹⁴.

Уровень предварительной подготовки граждан стран СНД, направлявшихся на обучение в СССР в 1950-х годах, доставлял руководству ленинградских вузов значительное беспокойство. Причиной тому были как разруха в системе образования в СНД после длительных войн и оккупации, так и еще не завершенные там реформы в сфере образования по социалистическому образцу. Поэтому, например, большинство болгарских студентов прибывали в Ленинград, едва окончив рабфак¹⁵. Наиболее слабую подготовку имели студенты из Монголии¹⁶.

Как показывает анализ вузовских отчетов, в большинстве случаев за два-три года удавалось обучить иностранцев необходимому уровню знания языка, однако широкое распространение получили и негативные тенденции. Поскольку обучение на кафедре русского языка проводилось параллельно с обучением на профильных факультетах, студенты со слабым уровнем владения языком не могли в должной мере освоить программу обучения. Возникавшие в связи с этим академические задолженности тяготили не только иностранцев, но и преподавателей, которые в ряде случаев снижали требовательность и проявляли снисхо-

---

¹² ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 106. Д. 60. Л. 7, 42, 144, 154.

¹³ Там же. Л. 42. Л. 144.

¹⁴ Белов В.А. Подготовка кадров. С. 17.

¹⁵ Стенограмма совещания председателей городских землячеств. Л. 34.

¹⁶ Справки и докладные записки институтов. Л. 9.

дительность при оценке уровня знаний¹⁷. Подобная практика, согласно данным профессора ЛПИ М. Д. Каменского, приводила к тому, что, например, «среди китайцев начинаются разговоры, что они выше наших студентов»¹⁸. В то же время далеко не везде преподаватели проявляли либеральность по отношению к студентам. Так, в Горном институте, наоборот, преподавательский состав твердо стоял на своих принципах, вследствие чего даже возникла напряженная ситуация с венгерским землячеством, недовольным многочисленными «хвостами»¹⁹.

Другим, не менее важным аспектом работы с иностранцами являлось идеологическое воспитание. Его ключевые задачи можно свести к двум положениям: формирование «правильного представления о советской действительности» и противостояние идеологическим колебаниям в среде студентов-«демократов». Суть первого положения заключалась в том, что многие студенты-иностранцы приезжали в СССР «с таким убеждением, что в нашей стране все трудности уже позади, что у нас не может быть недостатков»²⁰. По словам одного из ведущих сотрудников кафедры русского языка ЛГУ Л. К. Лакаевой, вследствие столкновений в повседневной жизни с дефицитом, низким уровнем сервиса и пьянством у иностранцев «возникают сомнения в необходимости социалистического строя»²¹. Иногда дело принимало абсурдные формы. Так, в 1954 году собрание немецкой молодежи ЛГУ строго осудило своего товарища, вернувшегося из Москвы и утверждавшего, что в Москве есть деревянные дома²².

---

¹⁷ Протоколы и стенографические отчеты заседаний Ученого совета ЛПИ. Т. 1 (ЦГА СПб. Ф. 3121. Оп. 28. Д. 783. Л. 309).

¹⁸ Там же. Л. 309.

¹⁹ Стенограмма совещания председателей городских землячеств. Л. 19.

²⁰ Протоколы заседаний кафедры русского языка для иностранцев ЛГУ за 1954/1955 учебный год (ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 15. Д. 1475. Л. 17).

²¹ Там же. Л. 17.

²² Там же.

Особо негативное впечатление производила бытовая неустроенность в общежитиях. Так, 65 иностранных студентов Института киноинженеров в 1950-е годы проживали в общежитии по адресу Фонтанка, 53, на пятом этаже жилого дома с печным отоплением. Студенты сами пилили и кололи дрова, транспортировали их к общежитию и поднимали на пятый этаж. При этом для того чтобы протопить все 56 печей им требовалось не менее 350 кубических метров дров²³.

Не всегда благополучно обстояло дело и с демонстраций «достижений советской экономики». Неоднократные просьбы студентов ЛГУ в 1954 году показать им организацию труда в колхозах и совхозах Ленинградской области оставались без удовлетворения, однако затем руководство вуза, в порядке помощи, отправило группы иностранцев на уборочную, при этом не в передовые, а в отстающие колхозы, которые произвели на них неблагоприятное впечатление²⁴.

Серьезным испытанием для руководства ленинградских вузов стали события 1953 года в ГДР и 1956 года в Польше и Венгрии. Источником брожений 1953 года стали немецкие студенты, вернувшиеся к учебе после каникул и рассказавшие землякам об июньских событиях в Берлине. Однако как в Москве, так и в Ленинграде решительное вмешательство партийных и комсомольских организаций вузов, проведенные с немцами беседы и собрания позволили убедить иностранцев в правоте официальной точки зрения об инспирированных извне беспорядках и тем самым снять остроту вопроса, переведя его в неофициальную плоскость²⁵.

---

²³ Справки и докладные записки институтов. Л. 31.

²⁴ Протоколы заседаний кафедры русского языка для иностранцев. Л. 17.

²⁵ Стенограмма совещания председателей городских землячеств. Л. 4.

Значительно больший резонанс вызвали события 1956 года. В отчетах комиссий ленинградского обкома КПСС, в 1957 году проверявших работу вузов города, обучавших в том числе студентов-иностранцев, отмечалось распространение «нездоровых настроений» среди венгров и поляков, обострение их отношений со студентами других национальностей, стремление уйти от опеки советской стороны, попытки повлиять на советских студентов²⁶. Так, польский студент Сухарчук из Института киноинженеров публично заявил от имени всех иностранных студентов института, что советская пресса искажает действительное положение дел в Венгрии и Польше и что в СССР едут учиться далеко не лучшие студенты СНД²⁷. Следствиями нездоровой атмосферы, по мнению Сухачука, были падение дисциплины, снижение успеваемости, случаи пьянства и увлечение азартными играми в среде студентов из Польши²⁸. После определенной растерянности руководство вузов взяло ситуацию в свои руки. В октябре 1956 года в вузах города прошли заседания кафедр социально-экономических наук с привлечением студентов СНД, где польско-венгерские события получили «правильное партийное освещение». Наличие крепких землячеств с партийными организациями и проверенными людьми во главе помогло административными мерами стабилизировать ситуацию²⁹.

Прямым следствием идеологических брожений середины 1950-х годов в среде студентов-иностранцев стало постановление ЦК КПСС от 21 мая 1957 года *Об улучшении политико-воспитательной и учебной работы со студентами и аспирантами из стран народной демократии, обучающимися в вузах*

---

²⁶ Справки и докладные записки институтов. Л. 43.

²⁷ Там же. Л. 29.

²⁸ Там же. Л. 53.

²⁹ Там же. Л. 109.

СССР. Согласно этому документу, для выполнения вышеуказанных задач назначался один из заместителей декана конкретного факультета, который, помимо контроля за успеваемостью студентов-иностранцев, теперь занимался еще и политико-воспитательной работой³⁰.

В конце 1950-х — начале 1960-х годов число студентов из СНД, обучавшихся в советских вузах, стало сокращаться. Причиной этому было как формирование в странах советского блока собственной образовательной системы, способной готовить достаточное число специалистов, так и идеологический конфликт с Китаем, вследствие которого прекратился приток в вузы СССР студентов из КНР и КНДР³¹.

Процесс деколонизации, затронувший Африку и Азию в 1950–1960-е годы, позволил советской стороне включиться в борьбу за право готовить кадры для стран «третьего мира». Массовое появление в Ленинграде студентов из Африки, Азии и Латинской Америки относится к началу 1960-х годов. Поскольку уровень как языковой, так зачастую и общеобразовательной подготовки большинства студентов из стран Африки и Азии был невысок, они на срок от одного года до трех зачислялись на подготовительные факультеты, которых в 1962 году в Ленинграде было создано два — в Гидрометеорологическом институте и в ЛГУ.

Как и в случае со студентами-«демократами», задачи работы преподавательских кадров и администрации вузов со студентами из Африки и Азии заключались не только в подготовке специалистов, но и в обеспечении их лояльности Советскому Союзу, выработке у них «правильного представления о совет-

---

³⁰ Справки и докладные записки институтов. Л. 1.

³¹ Стенограмма совещания секретарей райкомов КПСС, ВЛКСМ, работников вузов, торговли, здравоохранения об организации летнего отдыха и о состоянии и мерах улучшения работы со студентами иностранцами в учебных заведениях города, 11 апреля 1962 г. (ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 124. Д. 109. Л. 44).

ской действительности»³². Национальная пестрота, принадлежность к разным политическим партиям и движениям и вместе с тем отсутствие идеологически однородных землячеств создавали значительную проблему для советской стороны. По образцу западных государств африканские и азиатские студенты, не удовлетворенные наличием аполитичных землячеств, объединялись во всевозможные организации, стремившиеся уйти от советского контроля. Иракские студенты создали свою Лигу иракских студентов, латиноамериканцы — Ассоциацию латиноамериканских студентов в Советском Союзе. В 1962 году студенты «черной Африки» создали Федерацию африканских студентов в Советском Союзе (ФАСС) с представительствами в городах, где обучались африканцы.

Однако уже в 1963 году ряд оппозиционных центральному руководству ФАСС групп, представлявших разные страны «черного континента», пошли на раскол ФАСС. Так, Союз африканских студентов в городе Ленинграде и области (ЛАСС) заявил о своей независимости от ФАСС и занял независимую от советских структур позицию³³. ЛАСС нашел поддержку у студентов из Нигерии, Верхней Вольты, Того. Как отметил в 1965 году проректор ЛПИ по работе с иностранными студентами Г. А. Богданов, «кучка африканцев пытаются захватить инициативу в свои руки и вести африканцев туда, куда они хотят, а не туда, куда нам нужно»³⁴. К середине 1960-х годов конфликт в среде африканских землячеств разрешить так и не удалось.

---

³² Там же. Л. 86.

³³ Стенограмма совещания руководителей высших учебных заведений, совместно с представителями партийных организаций по обмену опытом работы со студентами-иностранцами, обучающимися в Ленинграде (ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 137. Д. 48. Л. 24).

³⁴ Стенограмма совещания ректоров, секретарей партийных организаций вузов и средних специальных учебных заведений по обучению и воспитанию учащихся из зарубежных стран, обучающихся в СССР (Там же. Д. 50. Л. 6).

Прибыв в Советский Союз, африканские и азиатские студенты принесли с собой свои привычки и нравы, вызывавшие у советских студентов подчас неконтролируемую реакцию. Так, в 1-м Московском Ордена Ленина медицинском институте прилюдное появление студента из Мали в одном нижнем белье вызвало бурю возмущений советских студентов. Объяснение малийца, что он привык ходить так дома, в расчет принято не было. Организованное по факту «недостойного поведения» собрание с участием афро-азиатских студентов, в отличие от опробованной схемы собраний с представителями соцстран, ожидаемого решения не дало. Студенты из Ливана, Судана и других землячеств отказались осудить поступок малийца, заявив, что это его право, а нести за него ответственность они не должны. Администрации пришлось ограничиться общим замечанием африканцу³⁵.

Наконец, само появление в городе сотен африканцев, отличавшихся внешне от местного населения, провоцировало разнообразные конфликты. В ночь с 10 на 11 ноября 1962 года у ленинградского Сада трудящихся имени М. Горького (ныне Александровский сад) студент пятого курса Горного института Тенигин и курсант Гаврилов напали на двоих студентов-конголезцев и избили их. Нападавшим не понравилось, что африканцы прогуливались в компании советской девушки. Граждане Конго получили телесные повреждения, а одному из них пришлось провести десять дней в больнице³⁶. Хотя нападавшие позднее были задержаны, а их поступок осужден, сотрудник областного комитета КПСС С. С. Дмитриев, комментируя контакты советских девушек с иностранцами, отметил: «...если кого и надо бить за это, то прежде всего самих себя — за то, что плохо воспитали девушек»³⁷.

---

³⁵ Стенограмма совещания секретарей райкомов КПСС, ВЛКСМ, работников вузов. Л. 68.

³⁶ Там же. Л. 49.

³⁷ Там же. Л. 49.

Одновременно с ростом критических настроений по отношению к иностранцам в среде советских граждан, в середине 1960-х годов резко увеличилось также число правонарушений, совершенных в Ленинграде самими студентами из Азии и Африки. Так, согласно обнаруженным автором этих строк донесениям Управления охраны общественного порядка Леноблгорисполкомов в городской комитет КПСС, в 1964 году было отмечено 23 случая нарушения общественного порядка студентами из стран Азии и Африки в Ленинграде, а в первой половине 1965 года — 11 случаев³⁸. Особенно «урожайным» был декабрь 1964 года, когда за один месяц было зафиксировано восемь таких эпизодов. При этом студент экономического факультета ЛГУ гражданин Гвинеи Дуно Мамади в 1964 году трижды становился «клиентом» ленинградских отделений милиции³⁹. Есть основания полагать, что число хулиганских выходов, пьяных драк и фактов порчи имущества с участием иностранцев было на самом деле значительно большим. Неоднократно отмечались бытовые конфликты между иностранными и советскими студентами в общежитиях города, однако в статистику попадали только те случаи, когда иностранцев доставляли в отделения милиции.

Характерными особенностями большинства инцидентов с участием иностранцев были: чрезмерное употребление ими алкоголя, вызывающее поведение в общественных местах, применение физической силы к окружающим и друг к другу, антисоветские высказывания («это ваше правительство нуждается в нас, а не мы в вашей помощи» — малийские студенты, 12 ноября

---

³⁸ Подсчитано автором по: Сводки, справки, спецдонесения УООП Леноблгорисполкомов в ГК КПСС и справки отделов ГК КПСС по данным документам (ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 91. Д. 140); Сведения и донесения УООП Леноблгорисполкомов в адрес горкома КПСС (Там же. Д. 97).

³⁹ Подсчитано автором по: Сводки, справки, спецдонесения УООП Леноблгорисполкомов. Л. 114.

1963 года), оскорбительное, циничное отношение к советским девушкам, яростное сопротивление сотрудникам милиции, отказ назвать данные о себе и упорная защита землячествами своих соотечественников, даже в случае очевидности их вины.

Поскольку по настоянию Министерства высшего и среднего специального образования СССР иностранцев селили совместно с советскими студентами, в общежитиях Ленинграда, как и всего СССР, стали происходить многочисленные конфликты. Случаи чрезмерного употребления спиртных напитков иностранцами, их попытки вступить в контакт с советскими девушками, снисходительное отношение к иностранцам вузовской администрации, пассивно взиравшей на накаляющуюся обстановку, периодически приводили к открытым столкновениям советских студентов с иностранными, в основном — из стран Африки. Так, в декабре 1964 года взбунтовались студенты ЛГУ. В университете и в общежитиях были развешаны плакаты со словами «Африканцы, убирайтесь домой!», дело дошло до драк с африканскими студентами⁴⁰. Руководство ЛГУ осудило данные акции, заявив, что советские студенты предъявили к иностранцам «обывательские, мещанские требования», утратив при этом не только «политический, моральный такт, но и такое замечательное качество советского народа, как его великодушие»⁴¹. Впрочем, были отчислены и двое студентов из Нигерии⁴².

Кроме того, и некоторые ленинградские студенты допускали в адрес иностранцев высказывания, касавшиеся цвета кожи студентов-африканцев («какие черные, и мыться вам не надо!»), нетактичные замечания по поводу появления африканцев в общественных местах в национальных костюмах, а также требова-

---

⁴⁰ Протокол № 8 и стенограмма заседания Ученого Совета ЛГУ, 27 сентября 1965 г. (ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 19. Д. 979. Л. 38).

⁴¹ Стенограмма совещания ректоров. Л. 10.

⁴² Протокол № 8 и стенограмма. Л. 38.

ния адекватного поведения в общественных местах. Последнее обстоятельство было тесно связано с чрезмерным употреблением многими студентами из стран Азии и Африки алкогольных напитков. Так, согласно обнаруженным автором донесениям Управления охраны общественного порядка Леноблгорисполкомов в городской комитет КПСС, в 1964 г., студентами стран Азии и Африки в Ленинграде было совершено 23 случая нарушения общественного порядка, как правило, в нетрезвом виде, а в первом полугодии 1965 г. — 11 случаев⁴³. Следует отметить, что высказывания советских студентов, касавшиеся цвета кожи или внешнего вида африканцев, в большинстве случаев, изначально не несли в себе какого-либо умышленного расистского содержания. Исследованные автором архивные документы, на данный момент не позволяют утверждать о сколько-нибудь массовых и систематических оскорблениях, которым бы подвергались в Ленинграде представители Азии и Африки, за исключением ряда инцидентов, которые партийное руководство и органы милиции трактовали как «хулиганские проявления».

Имели место случаи систематического пьянства в среде советских студентов, и если одни иностранцы тоже приобщались к подобному образу жизни, то у других, наоборот, это вызывало резкое неприятие. По мнению руководства ЛГУ, виной всему произошедшему в университете в декабре 1964 года являлась психологическая неготовность советских студентов к восприятию африканцев как людей ни в чем им не уступающих. Воспитанные на рассказах об угнетенном, нищем и бесправном населении «черной» Африки, многие из советских студентов были ошеломлены, увидев хорошо одетых африканцев, нередко имев-

---

⁴³ Подсчитано автором по: Сводки, справки, спецдонесения УООП Леноблгорисполкомов в ГК КПСС и справки отделов ГК КПСС по данным документам // ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 91. Д. 140.; Сведения и донесения УООП Леноблгорисполкомов в адрес горкома КПСС // ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 91. Д. 97.

ших опыт проживания в западных странах и стойкие «капиталистические» убеждения⁴⁴. Такой слом стереотипов постепенно приводил многих советских молодых людей к мысли, что СССР содержит за свой счет африканцев, которые и так живут неплохо, отдавая им бесплатно хлеб и все то, чего не хватает самому советскому населению⁴⁵. Примечательно, что рост подобных настроений совпал по времени с провалом советских сельскохозяйственных планов и ростом внутренней напряженности в СССР в первой половине 1960-х годов.

Общим итогом событий в Ленинграде и других городах СССР стало декабрьское Постановление ЦК КПСС 1964 года *О мерах по улучшению отбора зарубежной молодежи в Советский Союз*, отметившее необходимость предъявления более жестких образовательных, политических и идеологических требований к кандидатам на обучение в СССР⁴⁶.

Подведем итоги. В 1950–1960-е годы Ленинград стал одним из главных советских центров подготовки иностранных кадров. Крупнейшие вузы города осуществляли обучение не только граждан стран социалистического содружества, но и представителей Азии и Африки, имевших иные психологические, культурные, политические и идеологические установки. В отношении граждан «демократических» стран советские высшие учебные заведения стремились решить главным образом две задачи: собственно подготовить квалифицированные кадры и осуществить политическое воспитание иностранцев в духе советской идеологической концепции. Применительно к иностранцам из Африки и Азии эти задачи выполнить было значительно сложнее. Попытки применения к представителям африканских и азиат-

---

⁴⁴ Стенограмма совещания ректоров. Л. 82.

⁴⁵ Стенограмма совещания секретарей райкомов КПСС, ВЛКСМ, работников вузов. Л. 127.

⁴⁶ Стенограмма совещания ректоров. Л. 90.

ских стран тех же мер работы, что применялись по отношению к студентам социалистического лагеря, в 1960-е годы успеха не имели по причине кардинальных идеологических и политических отличий, а также из-за отсутствия опоры в виде лояльного партийного актива в среде самих студентов из Африки и Азии. Перед ответственными советскими партийными деятелями и руководством вузов встала задача выработки принципиально иных подходов, способных удержать под надежным контролем идеологически и политически пестрые землячества стран Африки и Азии.

Необходимо иметь в виду, что у жителей Ленинграда, как и в целом у большинства населения СССР, в 1950-е — 1960-е гг., еще не было достаточного опыта контактов с представителями других континентов. Имел место лишь опыт сосуществования со студентами из европейских социалистических стран, внешне и культурно близких жителям города. Представители африканских и азиатских стран до этого периода времени, как правило, были представлены в Советском Союзе лишь отдельными политическими иммигрантами или правительственными делегациями, приезжавшими с официальными визитами. Соответственно, неожиданное появление десятков, а затем и сотен представителей Азии и Африки на ленинградских улицах, в стенах учебных заведений и студенческих общежитий, вызывало к ним закономерный интерес со стороны советских граждан, вплоть до выяснения причин таких радикальных отличий во внешнем облике, приводило к столкновению с невиданным доселе образом жизни. В то же время, иностранцы из постколониальных стран, приехав в государство, официально задекларировавшее равноправие всех национальностей, и сталкиваясь с подобной реакцией на их присутствие со стороны местного населения, болезненно воспринимали малейшее высказывание, так или иначе затрагивавшее их личность.

Потребление и досуг
в советском обществе

«Запорожец»: Концепт и воплощение идеи создания первого советского массового автомобиля

В 2010 году в Запорожье, а также Львове, Мелитополе и Крыму проведением автопробега в 3.333 километра широко отмечался 50-летний юбилей начала выпуска на бывшем заводе сельскохозяйственной техники «Коммунар» (Запорожье, Украина) первой советской микролитражки — «Запорожца» ЗАЗ-965 — одного из знаковых советских автомобилей. «Настоящим подарком для рабочего класса», согласно Н. С. Хрущеву, должен был стать этот новый мини-автомобиль. Обретение желанной, хотя и трудно дефинируемой, частной свободы (в виде возможности контроля над собственным временем, организации досуга и расширения социальных контактов) обещало владение этой доступной микролитражкой, само название которой обладало сильными коннотациями свободы («запорожское казачество») и региональной укорененностью («запорожский край», «малая родина»). Экономичным и доступным каждому советскому трудящемуся должен был стать этот новый продукт советской промышленности — не в пример недоступным элитарным «Победам» или «Волгам».

Изучение того, какой была идея первого массового советского автомобиля, сравнение того, каким задумывался и чем стал «Запорожец», представляется исключительно интересным в контексте исследования природы либерализации общественных отношений периода хрущевской «оттепели». О чем должен был сигнализировать советскому обществу запуск в производство в 1960 году такого явно несовместимого с социалистиче-

ским мировоззрением продукта, как персональный автомобиль? И как «по-своему» («свое-вольно» в терминологии истории повседневности¹) данное действие было проинтерпретировано советской общественностью?

В то время как функции, влияние и миф частного легкового автомобиля в социальной и политической жизни западноевропейских стран и США исследованы достаточно глубоко, проблемы производства, использования и значения частных автомобилей в Советском Союзе и странах социалистического лагеря (за исключением ГДР²) еще только ждут своего изучения. Исключение тут составляет первый концептуальный труд Льюиса Сигельбаума³, сравнительные исследования Люминиты Гатейель по истории потребления в странах соцлагеря (с акцентом на истории автомобилевладения в СССР, ГДР и Румынии в 1960–1970-х годах)⁴, а также некоторые работы по истории отдельных автомобильных марок или автозаводов⁵.

Данная статья посвящена такому малоизученному сегменту истории советского общества, как частный автомобилизм, рассматриваемый как общественное и культурное явление. Целью

---

¹ См., например: *Lüdtke A.* Eigen-Sinn. Fabrikalltag, Arbeitererfahrungen und Politik vom Kaiserreich bis in den Faschismus. Hamburg, 1993.

² Ср.: *Kirchberg P.* Plaste, Blech und Planwirtschaft. Die Geschichte des Automobilbaus in der DDR. Berlin, 2000; *Bauer R.* PKW–Bau in der DDR: zur Innovationsschwäche von Zentralverwaltungs-wirtschaften. Frankfurt a/M; Berlin etc., 1999.

³ *Siegelbaum L.* Cars for Comrades: The Life of the Soviet Automobile. New York, 2008.

⁴ *Gatejel L.* Sozialistische Volkswagen. Trabant, Lada und Dacia im Kalten Krieg // Osteuropa. Bd. 59. 2009. N 10. S. 167–183; *Eadem.* The Wheels of Desire. Automobility Discourses in the Soviet Union // *Kubr-Korolev C.* (Ed.) Towards Mobility. Varieties of Automobility in East and West. Hannover, 2009. P. 31–41.

⁵ *Рубец А. Д.* История автомобильного транспорта России. М., 2008; *Журавлев С. В., Зезина М. Р., Пихоя Р. Г., Соколов А. К.* АВТОВАЗ между прошлым и будущим. История Волжского автомобильного завода, 1966–2005. М., 2006; *Тюф К., Kirchberger M.* Škoda — Bewegte Geschichte. Miltenberg, 2006.

исследования является анализ такого неоднозначного для социалистического общества предмета, как микролитражный автомобиль «Запорожец» в его трех ипостасях: как идея (концепт), как событие советского медиа-пространства и как реальный предмет потребления (*Konsumgut*). Непосредственными исследовательскими задачами статьи являются: анализ формирования государственной политики в сфере производства персональных автомобилей для массового покупателя в середине 1950-х годов; исследование возможности лоббирования тех или иных проектов автомобильного производства в правительственных кругах; изучение реакции общественности на информацию о запуске в производство доступной автомашины; описание покупательских и потребительских стратегий советских граждан и осмысление влияния опыта частного автолюбительства на трансформацию советского послесталинского общества, включая изменения в самопонимании советского человека (по схеме «получатель–покупатель–требователь»).

Автомобиль — роскошь?

С середины 1930-х годов, после провозглашения Сталиным знаменитого и ставшего программным лозунга «Жить стало лучше, товарищи, жить стало веселее!», были реабилитированы такие «буржуазные» элементы «хорошей жизни», как шелковые чулки, шоколад и шампанское. Нарком пищевой промышленности А. И. Микоян наконец-то получил разрешение на выпуск такого «лишнего» (с точки зрения рационального подхода к обеспечению рабочего человека) продукта, как мороженое⁶, а на прилавках магазинов появляются брусочки «мыла душистого».

---

⁶ Впервые мороженое в Советском Союзе было выпущено в 1932 году, но только ко второй половине 1930-х годов оно стало действительно массовым продуктом.

Советскому рабочему полагалось работать «по науке», а отдыхать «культурно»⁷. Несмотря на то что «хорошая жизнь» по-советски носила ярко выраженный «фасадный» и даже назидательно-воспитательный характер, общество чутко улавливало новые посылы сверху о границах и содержании дозволенного—ожидаемого—желательного и по-своему — особенно четко это проявится в период хрущевской «оттепели» — «присваивало» новые поведенческие схемы.

Одной из составляющих «культурности» советского человека 1930-х годов стало умение водить автомобиль. Напомним, что большую часть автомобильного парка Советского Союза довоенного периода составляли автомобили иностранного — главным образом американского — производства, а «персональное» использование «персонального автомобиля» было привилегией очень немногочисленного круга лиц. Тем не менее в крупных городах СССР массово образовывались добровольные общества Автодора и ОСОАВИАХИМа, где гражданам предоставлялась возможность не только пройти первичную военную подготовку, но и «повысить свое автомобильное образование»⁸. Обучение автомобильному делу становится важным элементом идеологически-воспитательной работы в рамках государственной программы по воспитанию человека советского типа. За активностью деятельности «школ вождения» ревностно следили партийные органы. Посещение их было делом добровольным, однако недоукомплектованность классов была чревата для их руководителей административными взысканиями.

При рассмотрении истории развития сети школ вождения на протяжении всего периода сталинизма наталкиваемся на двой-

---

⁷ Ср.: *Kucher K. Der Gorki-Park. Freizeitkultur im Stalinismus, 1928–1941. Köln, 2007.*

⁸ Подготовку молодежи к сдаче техэкзамена провести полностью и в срок // *За рулем. 1934. № 19. С. 1–2.*

ной парадокс. Настойчивость государства в стремлении сделать советского человека «человеком водющим» прямо пропорциональна категорическому сопротивлению власти развитию частного автомобилизма. При этом ни отсутствие перспектив приобретения персонального автомобиля, ни даже зачастую отсутствие автомобилей в самих школах вождения не только не сбавляли, но, кажется, даже подстегивали энтузиазм «автолюбителей» (ввиду платоничности такой «любви» этот достаточно условный для 1930–1950-х годов термин мы возьмем в кавычки) в изучении автомобильного дела.

Первый парадокс нетрудно объяснить. Овладение советскими гражданами мастерством вождения стало не только терпимым, но и желательным элементом советской действительности, так как не только могло обеспечить «культурный досуг», но должно было дать навыки общения с техникой, тем более актуальные, что советское общество стремилось позиционировать себя как общество индустриальное, технологизированное. Еще более важным для социализации молодых мужчин представлялось воспитание бдительности, духовной собранности и настороженности, готовности хоть сегодня повести в бой любую технику, от грузовика до танка. Идея подготовки и воспитания в первую очередь солдата буквально довлела над всеми попытками модернизировать и сделать более мобильным советское общество.

Второй парадокс стимулирует размышления над природой циркулирования общественных идей в советском социуме. Казалось бы, отсутствие реальной возможности стать автовладельцем должно было охладить «частнособственнические настроения» и даже деморализовать потенциальных «частных собственников» в условиях, когда за персональным автомобилем прочно закрепился статус роскоши — причем роскоши недостижимой, демонстративно и показательно статусной. На деле же сообщество

«автолюбителей» росло, обретало некую форму и даже находило платформы для обмена информацией. Такой платформой стал, к примеру, основанный еще в 1928 году журнал для автолюбителей *За рулем*.

За всем этим сообществом поклонников автомобильного дела, зачитывавшихся журналом *За рулем*, мастеровивших самодельные «мото-мобили» и охотившихся за запчастями к ним, стояло нечто большее, чем простое частное хобби отдельных индивидов. Инвестирование многими людьми своего свободного времени и средств в занятие автоделом уже в 1930-х, а особенно в начале 1950-х годов, задолго до запуска государственной программы по развитию массового частного автомобилизма, вылилось в образование своеобразного «клуба по интересам». Последний, в свою очередь, трансформировался в довольно аморфное, но вполне реальное сообщество, в котором начали циркулировать идеи, происходил обмен мнениями, формировались установки, а также накапливалось нетерпение потенциальных «частников». Реальность, осязаемость такого сообщества стала особенно заметной в конце 50-х — начале 60-х годов, когда нетерпеливость автолюбителей, подпитанная щедрыми и довольно эмоциональными обещаниями «повышения благосостояния трудящихся» после нестабильных голодных лет послевоенного восстановления и высвобожденная хрущевской риторикой «заигрывания» с частной сферой, довольно неожиданно обнаружила заряд социального напряжения, с которым нельзя было не считаться. Сообщество советских автолюбителей (как, впрочем, и другие подобные неправительственные организации), в отличие от реальных объединений и социальных сетей, образовавшихся в Европе и Америке в начальный период формирования гражданского общества, не имело реальных рычагов влияния на принимавшиеся правительством решения. И все же посредством обмена информацией (в том числе и о развитии автомобильного дела за рубежом), проведения дискуссий о допустимости и возмож-

ности развития частного автомобилизма в социалистической стране аккумулировались идеи и выработывалась аргументация «частников», оказывавших настоящее давление на советское правительство в конце 1950-х — начале 1960-х годов.

«...заботой советского Правительства и лично тов. Хрущева!»

Итак, идея частного массового автомобилизма настойчиво дискутировалась в СССР еще в 1920–1930-х годах⁹. Граждане посещали курсы вождения, имея слабую надежду когда-нибудь сесть за руль собственного автомобиля, какими бы эфемерными не казались эти мечты. А научно-исследовательские институты и конструкторские бюро автомобильных заводов добивались разрешения вести разработки прототипов советского малолитражного автомобиля для персонального пользования.

В то время как в Советском Союзе периода сталинизма господствовала практика предоставления права пользования или владения предметами роскоши, включая автомобили, исключительно избранным лицам (партийным функционерам, деятелям науки и искусства, передовикам производства), первая после сталинская декада не только принесла определенное смягчение политического климата в стране, но и породила серьезную интенсификацию «частнособственнических настроений». Идея создания дешевого частного автомобиля буквально витала в воздухе. Центральные и региональные газеты регулярно публиковали результаты разработок Научно-исследовательского автомобильного института (НАМИ) и описывали преимущества того или иного прототипа маленького автомобиля¹⁰. На имя первых лиц государства приходили сотни писем с просьбой организо-

---

⁹ Ср: С чего начинать // За рулем. 1928. № 1. С. 1–2.

¹⁰ См., например: Нужен маленький автомобиль // Московская Правда. 1957. 19 сент.; О Белке и ее потомстве // Литературная газета. 1958. № 42.

вать производство небольшого автомобиля, лишенного всяческих необязательных для советского человека предметов роскоши вроде радио, отопителя и стеклоподъемников¹¹; просители даже — чтобы не отвлекать ресурсы, необходимые для развития народного хозяйства социалистической Родины, на производство столь незначительной важности — предлагали организовать специальный целевой заем у населения для постройки завода-гиганта, который бы в самое короткое время удовлетворил потребность советских людей в автомобилях¹². Использование просящими официальной лексики и растиражированных смысловых конструкций в своей аргументации еще больше подчеркивало эмоциональность их просьб:

В результате осуществления грандиозных планов, намеченных Коммунистической партией СССР в области индустриализации страны в послевоенный период, у нас созданы все условия для первоклассного автомобилестроения. Однако эта отрасль нашей социалистической промышленности еще недостаточно использует предоставленные ей производственные, конструктивные и экспериментальные возможности¹³.

Просьбы и петиции сопровождались расчетами, подтверждавшими быструю окупаемость такого производства. Рассуждая довольно логично, авторы считали непонятной и даже абсурдной мысль о невозможности организовать в таком мощном государстве, как Советский Союз, производство дешевого массового автомобиля по примеру стран Запада.

Во второй половине 1950-х годов — в отличие от предвоенного времени и даже несмотря на большое количество ввезенных по репарациям автомобилей зарубежных марок — в советском автопарке начинают преобладать автомобили отечественного производства. К примеру, автомобильный парк Украинской ССР

---

¹¹ ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 94. Д. 1052. Л. 38–40 об.

¹² Там же. Оп. 90. Д. 1194. Л. 1–4; Оп. 93. Д. 1079. Л. 34–34 об.

¹³ Там же. Оп. 90. Д. 1194. Л. 1.

в 1960 году состоял из 133,982 легковых автомобилей, из которых только 5,971 автомобиль (4,2 процента) был иностранного производства. Количественно же преобладали изделия Горьковского («Победы» и «Волги») и Московского («Москвичи» различных модификаций) автозаводов¹⁴. При этом «Москвичи» и «Победы» были недоступны среднестатистическим инженерам и квалифицированным рабочим не только из-за их заоблачной стоимости, но и из-за образовавшихся на эти автомобили очередей. К примеру, в 1957 году при плане на производство «Москвичей» М-402 почти в 15 тысяч автомобилей в год, очередь на эту модель только на названный год и только по Москве составила 65 тысяч человек¹⁵. Организации и ведомства были вынуждены хлопотать о праве внеочередной покупки автомашин для своих сотрудников. «Приобретение автомашин в магазинах сейчас крайне осложнено из-за образовавшихся очередей на несколько лет», — аргументировал Оргкомитет Союза работников кинематографии СССР свою просьбу к Совету министров СССР о выделении для ведущих деятелей киноискусства из резерва Совета министров или рыночного фонда за наличный расчет пяти автомобилей «Волга» и десяти автомобилей «Москвич». — «Между тем, творческие работники кинематографии по характеру своей деятельности, связанной с работой на расположенных за городом киностудиях и систематическими выездами на натурные съемки, очень нуждаются в собственных автомашинах. Это в значительной мере облегчило бы им работу»¹⁶. Конечно, советское общество 1950-х годов не обладало эффективными рычагами влияния для того, чтобы заставить правительство наладить выпуск доступных автомобилей. Тем не менее в это время идея частного автомобилизма стала важной составляющей обще-

---

¹⁴ ЦДАГО. Ф. 1. Оп. 24. Д. 5192. Л. 14.

¹⁵ ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 92. Д. 753. Л. 9.

¹⁶ Там же. Оп. 93. Д. 1071. Л. 26.

ственного дискурса, а новость о производстве «автомобиля для всех» вызвала необычайное волнение советских граждан.

С 1956 года коллектив Московского завода малолитражных автомобилей (МЗМА) работает над одним из прототипов мини-автомобиля, опытному экземпляру которого, изготовленному в 1957 году, дается название «Москвич-444». В этом же 1957 году принимается решение о переносе производства микролитражки на завод по производству сельскохозяйственной техники «Коммунар», который превращается в результате такого пере-профилирования в Запорожский автомобильный завод (ЗАЗ)¹⁷. И летом 1960 года с конвейера Запорожского автомобильного завода сходит первая партия автомобилей «Запорожец» в количестве 500 экземпляров. Машина была призвана, согласно правительственному постановлению, «удовлетворить потребность населения в легковых автомобилях». Долгожданный советский продукт «ЗАЗ-965» (являвшийся внешне точной копией итальянского «Фиата-600»), которому готовилась роль первого советского массового автомобиля, не стал ни дешевым, ни по-настоящему массовым товаром — всего в период между 1960 и 1994 годами было выпущено 3.422.444 «Запорожцев» различных модификаций, а удельная себестоимость машины, пропорциональная весовым параметрам, была значительно выше удельной себестоимости «Москвича» или «Волги». Тем не менее производство «Запорожцев» стало знаковым явлением, отразившим все противоречия и неоднозначность социально-экономической политики постсталинского периода.

Важным вопросом при изучении того, какой задумывалась первая советская микролитражка, является анализ дискуссий, проводившихся в высших правительственных кругах относительно выпуска такого «подозрительного» продукта, как дешевый

---

¹⁷ РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 57. Д. 547. Л. 165–166.

и массовый частный автомобиль. Важно установить, кто именно и с каким обоснованием продвигал идею частного автомобилизма, какого рода эффект ожидался от запускаемого производства, возможно ли воспринимать выпуск частного доступного автомобиля как своего рода импульс, посыл, предвещавший некую демократизацию, легализацию частной сферы на фоне «роста благосостояния» и некоторых социальных преобразований послесталинского периода. Еще одна важная проблема касается причин переноса производства первого массового автомобиля с хорошо оснащенного и обеспеченного кадрами Московского автозавода малолитражных автомобилей на абсолютно неподготовленный к производству такого уровня запорожский «Коммунар». Рокировка производств в условиях тотального цейтнота и отсутствия материалов и средств может многое рассказать как об общих принципах организации и управления промышленным производством по-советски, так и о значении, придаваемом правительством производству этого нового продукта.

В середине 1950-х годов Н. С. Хрущев, ранее резко отвергавший предложения о запуске в производство автомобилей для массового покупателя, дал все же зеленый свет выпуску дешевого мини-автомобиля. После этого среди специалистов Автомобильного отдела Госплана, Госэконкомиссии при Совете министров СССР и Минавтопрома разгорелась дискуссия вокруг принципов организации будущего производства. Соревновались две концепции. Первая предполагала строительство завода-гиганта, оснащенного новейшей технологией по закупленным зарубежным лицензиям с привлечением иностранных специалистов. Вторая заключалась в реорганизации уже существующего предприятия, использование имеющихся мощностей которого позволило бы сэкономить государственные средства и сократить срок подготовки производства с 5–6 до 2–3 лет. Первый вариант поддерживали собственно специалисты в области промышленного производства и автомобилестроения — Госплан, Минавтопром и, в частности, производственник А. Н. Косыгин.

Кстати, именно Косыгину принадлежала идея начать выпуск автомобилей для широких слоев населения. И его резоны были исключительно прагматичными. Как один из ведущих советских экономистов он был сильно обеспокоен вялым товарооборотом. Он видел, что отсутствие предложения на советском рынке — прежде всего предметов широкого потребления хорошего качества — не только тормозило возвращение денежных средств в экономику страны, но и грозило накоплением денежной массы на руках у населения, что само по себе таило потенциально опасный социальный заряд.

В записке Центрального статистического управления Украинской ССР в ЦК КПУ, помеченной грифом «Совершенно секретно», говорилось:

В связи с ростом материального благосостояния и культурного уровня населения структура спроса значительно изменяется. В то время, как раньше большая часть расходов приходилась на долю продовольственных товаров, тканей, одежды, обуви, в настоящее время повышается спрос на автомашины, мебель, ковры, холодильники, пианино и другие товары. Причем, резко возросли требования покупателей к качеству товаров¹⁸.

Иными словами, когда советский человек наелся и оделся после тотального дефицита и аскезы послевоенных лет, у него обнаружили другие потребности, и проблема потребления и покупательского спроса стала настоящим вызовом для всей советской системы.

Второй вариант массового автомобилестроения назывался ведущими специалистами «кустарщиной» — непрофессиональным подходом к делу, ремесленничеством. Защитником второго плана был, например, Всесоюзный комитет ветеранов войны, который настаивал на скорейшем выпуске дешевых автомобилей, предполагая, что удастся параллельно с новым автомобилем запустить производство и автомобиля с ручным управлением для инвалидов войны, производство которого на Серпуховском

---

¹⁸ ЦДАГО. Ф. 1. Оп. 24. Ф. 5192. Л. 51–60.

мотоциклетном заводе катастрофически хромало. «[Второй вариант] представляется нам единственно правильным, дающим возможность идти своими советскими путями и достигнуть максимальных результатов без больших капиталовложений и в более короткое время», — полагал Комитет ветеранов¹⁹.

Второй вариант был одобрен Н. С. Хрущевым, которого привлекала идея использовать уже существующие разработки и мощности и в кратчайший срок запустить столь знаковое производство, к тому же хорошо согласовавшееся с провозглашавшейся Хрущевым программой повышения жизненного уровня трудящихся. При этом советского лидера не смущали технические сложности такого переноса производства. Высказывания Никиты Сергеевича относительно автомобилестроения выдавали его довольно поверхностный подход к организации этого сложного производства; он искренне полагал, что покупка новейших технологий (лицензий и оборудования) способна решить проблему технологического отставания Советского Союза, а проводить сборку нового предмета производства можно будет на любых уже имеющихся площадях. Кроме того, Хрущев был ярким противником расширения уже существующих заводов в крупных городах — Москве, Ленинграде, Киеве, Харькове. При нем же вышло постановление, запрещающее и в Запорожье расширять заводские площади, хотя затем, при реорганизации, площадь завода «Коммунар» все-таки расширилась в два раза.

*«Социальный» аспект
первого советского массового автомобиля*

Одним из важных аспектов производства массового мини-автомобиля была необходимость удовлетворить потребность инвалидов Великой Отечественной войны в средствах к передвижению. Спустя много лет после окончания войны эта проб-

---

¹⁹ ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 92. Д. 753. Л. 66–72.

лема стояла остро как никогда, о чем свидетельствует большой эмоциональный накал писем инвалидов в адрес советского правительства. В 1962 году инвалиды войны, находившиеся на лечении в Львовском госпитале, писали:

Если бы Вы видели, как они передвигаются, уже на 45 году Октября и 17 году после войны, то прямо стыдно и обидно, если вспомнить такое страдание во время войны, а сейчас тот ходит на костылях, тот на деревяшке-протезе, другой на себе перекачивается, вообще как кто может, а особенно в сельской местности, где нет коммунального транспорта. А как обеспечивает государство средствами передвижения! Можно сказать, что совсем нет этих средств. Разве это обеспечение, на весь Советский Союз выпускает мотоциклы один Серпуховский мотозавод, как говорится, по чайной ложке в день, разве это обеспечение, что инвалиды без ноги или без обеих ног, даже при признании комиссии, которая так скупо определяет потребность мотоцикла, и то ожидают по 2–3 года очереди, чтобы получить эту несчастную мотоцикл, разве это забота государства, можно назвать насмешка, издевательство.

Еще более досадными для престижа советской страны аргументами были намеки на поражение социалистического строя перед капиталистическим при прямом сравнении:

У нас теперь много ездит иностранцев, а наши люди бывают за границей, узнают и видят, как там лучше заботятся об инвалидах и средствах их передвижения, как в соцстранах, так и в капиталистических. Нам например известно, что в Чехословакии, Польше и т. д. и даже в Америке инвалид обеспечен со стороны государства пенсией, которая обеспечивает его и семью прожиточным минимумом примерно в наших деньгах от 100 до 300 рублей, хотя нам не нужно 300 рублей, но там это есть. Каждый инвалид, не имея хотя-бы части нижней конечности, обеспечен автомашиной бесплатно за счет государства. А у нас как дело обстоит с автомашиной? Инвалиды 1–2 группы, которым комиссия также назначает, и нужно ожидать очередь год и больше и доплачивать деньгами 1.500 рублей, где это их взять инвалиду из пенсии в 30 или 50 рублей? сколько год нужно собирать и где это такую цену берут, чтобы с калеки тянуть такую сумму денег, в то время когда по наряду совнархоза выдают бюджетным организациям и учреждениям за 840–1040 руб. «Москвича», что же выходит? Хотят из калек чтобы не обеднело государство и берут такие наценки²⁰.

---

²⁰ ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 97. Д. 335. Л. 92–92 об.

Возмущение инвалидов имело серьезную причину: все принимавшиеся до 1960 года попытки обеспечить их средствами транспортировки — а значит, ресоциализации и трудоустройства — заканчивались неизменным провалом. Первая мотоколяска для инвалидов была выпущена Киевским мотоциклетным заводом спустя три года после окончания войны, в 1948 году. Она состояла из одного места, двух передач, не имела кузова, была оборудована приводом на одно колесо и исключительно слабым двигателем. Ее себестоимость определялась в 2.900 рублей. Выпуск мотоколяски модели К1В в 1947 году составил 144, в 1948—2.021, в 1949—1.973, в 1950—3.579, в 1951—7.114 штук²¹. Естественно, что ни о каком «удовлетворении потребности» при таких низких темпах производства говорить не приходилось.

Несмотря на очевидные недостатки этой модели, новую стали производить только через пять лет, на Серпуховском мотоциклетном заводе под Москвой. Новая модель имела два места, три передачи, брезентовый кузов, ее мотор был в два раза мощнее киевской модели. Тем не менее его еле хватало, чтобы преодолевать небольшой подъем по хорошей дороге. Себестоимость такой модели определялась в 4.250 рублей (при средней зарплате в 500–700 рублей); выдавалась она бесплатно с правом замены через 5 лет. При общесоюзной потребности в 3 миллиона экземпляров предполагался выпуск серпуховской мотоколяски количеством в 10 тысяч в год²².

Катастрофическое качество серпуховской мотоколяски, несмотря на все доработки, вызывало раздражение, разочарование и гнев ветеранов войны, еще нестарых, полных жизни людей, много лет ожидавших получения средства передвижения, воспринимавшегося ими как «моторизированный протез», «механи-

---

²¹ Там же. Оп. 86. Д. 646. Л. 1, 18, 21.

²² Там же. Л. 12, 18, 21.

ческие ноги»²³, — и в этом термине был намек на то, что коляска или автомобиль являются для них не роскошью, не «удовлетворением бытовых потребностей», а абсолютной необходимостью, без которой никакое передвижение, а вместе с ним и социализация, трудоустройство не были возможны.

В качестве типичного примера отчаяния и нараставшего давления инвалидов можно привести отрывок из письма ветерана войны — владельца мотоколяски:

Тарелки у колес покрылись ржавчиной и замазаны какой-то мазью, дверцы ни открываются, ни закрываются, все надо с грохотом, с силой. Чтобы перевести с одной скорости в другую, нужна сила. Нейтралку можно поймать только случайно на счастье, если повезет. Цепь во время езды сколько раз сваливалась, а одеть ее можно лишь с большим трудом, так устроено — невозможно подобрать. Затем сломался картер, получил новый, затем вышел из строя стартер, получил новый, порвалась клема, выслали новую. В общем наездил километров 300, краска слезла полосами, выглядит она теперь как зебра [...]

Они (сотрудники завода. — Е. Л.) этой машиной принесли людям горькое разочарование, физические и нервные мученья и даже горькие слезы людей, которые быть может даже раненные и в бою не плакали. Прошедшим летом я наблюдал такую картину. Недалеко от нашего дома по Дружносельскому проспекту ехал инвалид войны, у него нет обоих ног, из деревни Большого он ехал за чем-то на базар, и вот у него сорвалась цепь в середине самой грязи, уже даже седой он сидел и горько плакал от обиды, этого я никогда не забуду²⁴.

Инвалиды, и в частности представлявший их Комитет ветеранов, возлагали большие надежды на запуск производства автомобилей для инвалидов параллельно с выпуском микролитражных автомобилей. Высказывалось мнение, что первая модель «Запорожца» и создавалась двухдверной для того, чтобы на базе кузова с увеличенным дверным проемом производить «инвалидки» с облегченной посадкой. Возможно, необходимость выпуска

---

²³ ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 97. Д. 335. Л. 12–12 об.

²⁴ Там же. Оп. 94. Д. 31 052. Л. 18–21.

новой модели машин для инвалидов и оказалась решающим аргументом, убедившим Хрущева, противника частного автомобилизма, в необходимости скорой организации производства массового автомобиля.

Модификации «инвалидных» «Запорожцев» стали производиться одновременно с запуском самого производства в 1960 году. При этом производство «инвалидных» автомобилей — сложное, затратное — очень обременяло завод, и он всеми силами пытался сопротивляться разработке новых моделей (например, с управлением на одну руку и одну ногу)²⁵, а также увеличению их выпуска.

В истории организации производства машин для инвалидов необходимо выделить несколько моментов. Во-первых, государство ощущало сильное давление в сфере обеспечения инвалидов средствами передвижения. Но поскольку производство «инвалидок» было далеко не первоочередным делом, увеличивать на имеющейся базе производство не представлялось возможным. Поэтому правительство ставило себе за цель не обеспечить инвалидов автомашинами, а всего лишь снять социальное напряжение, усиленно выпуская такие машины. Роль легитимизации ограничений играли так называемые «медицинские показания» к выделению мотосредства, а исполнителями были медицинские комиссии. Перед подачей заявки на получение автомобиля инвалид должен был пройти обременительную и довольно дорогую процедуру обследования с целью установления того, способен ли он управлять мотосредством. Но, с одной стороны, список показаний к получению «инвалидной» машины, определенных болезней и поражений нижних конечностей составлялся так, чтобы количество «представленных» к выделению автомашины инвалидов не слишком превышало возможности

---

²⁵ ЦДАВО. Ф. 4820. Оп. 23в. Д. 143. Л. 203–204.

промышленности. По мере расширения производства машин расширялся и список показаний, который принимался сначала для РСФСР, а потом, с задержкой в несколько лет, распространялся и на другие республики. С другой стороны, медкомиссии часто оказывались «церберами» на службе государственных интересов, зачастую беспричинно и незаконно отказывая инвалидам в признании их способными управлять автомашиной.

Во-вторых, очень скоро на почве этих и других ограничений произошла своеобразная дифференциация инвалидов. Существовало разделение инвалидов на инвалидов труда, детства и Отечественной войны. Внутри этих разделений существовали дополнительные разделения — по сроку службы, по занимаемой должности и тому подобные. Обделенные правом получения или даже выкупа автомобиля инвалиды труда и детства даже с горечью говорили о разделении покалеченных людей на инвалидов «первого» и «второго сорта»²⁶.

Рыночные законы нерыночной экономики

Исключительно важен для понимания динамики развития советского общества анализ механизмов, закономерностей и противоречий развития рынка в условиях планового, вне рыночного способа хозяйствования. Развитие автомобильного рынка как наиболее показательного сектора советских товарно-денежных отношений представляет, в связи с этим, особый интерес для историка.

В 1950-е — начале 1960-х годов существовали серьезные ограничения при покупке или продаже автомобилей. Покупка-продажа проходила, согласно советскому законодательству, исключительно через государственную торговую сеть. Покупка

---

²⁶ См., например: ЦДАВО. Ф. Р-2. Оп. 13. Д. 3143. Л. 176, 179.

была возможна только по прописке, и на этой почве происходили курьезы; например, житель поселка, работавший в городе, не имел права встать на очередь в городе, а для села машин не хватало. Владелец автомашины долгое время не имел права продать ее другому лицу, даже родственнику, а также подарить, переписать или передать по наследству. При такой простой процедуре, как перерегистрация автомобиля, даже на имя родственника, работники ГАИ настолько запутывались в джунглях запретов, что не брали на себя ответственность (или не имели полномочий) хотя бы проконсультировать граждан насчет механизма передачи машины в собственность, рекомендуя просителям по каждому мелкому вопросу обращаться напрямую в Совет министров соответствующих республик²⁷. Что граждане и делали, забрасывая секретариаты и приемные прошениями с подробным изложением дела (а также собственной автобиографией) и со слезными просьбами положительно решить вопрос «в виде исключения». Положительно все эти «исключительные» каждодневные вопросы действительно решались редко. Гораздо чаще письма даже не достигали своих адресатов — как правило, их отправляли по кругу инстанций, и чаще всего крайними и ответственными за принятие решений оказывались именно те организации или руководители, на кого, собственно, и была составлена жалоба, что бесконечно возмущало просителей. Тем не менее сама возможность «найти правду» в высших инстанциях заставляла советских граждан упражняться в эпистолярном жанре, все более консервируя парализующее всю советскую систему управления положение, при котором ответственные органы не в состоянии исполнять свои прямые обязанности, а Совет министров СССР занимается частными случаями выделения и перерегистрации автомобилей или же выдает отдельные разрешения на постройку гаражей.

---

²⁷ Там же. Ф. Р-2. Оп. 9. Д. 8939. Л. 89.

Однако, как и в случае с любым другим дефицитным товаром, советская действительность представляла, наряду с жесткими ограничениями, достаточно возможностей для обхода норм и предписаний. Автомобильный черный рынок развивался стремительно, а покупательские стратегии отличались разнообразием и находчивостью «предпринимателей» — от переоформления номеров в очереди на приобретение машины на другое лицо до внесения посторонних лиц в список работников предприятия, получавших право купить автомобиль по квоте данного предприятия, от продажи списанных автобазами машин до расхищения запчастей с ремонтируемых автомобилей²⁸.

Более того, анализ политики распределения автомобильной продукции на уровне высших органов государственного управления показывает, что в условиях стремления к «ручному управлению» всеми процессами в государстве органами власти на уровне как законодательства, так и распространенных практик, даже при распределении квот, расписанных согласно плану и строгим предписаниям, всегда закладывалась возможность «в особых случаях» обходить установленные нормы и правила. Например, Совмину СССР выделялось определенное количество автомобильной продукции для «резерва». Этот резерв мог использоваться либо для внеочередного распределения «в виде исключения» между выдающимися или же «особо нуждающимися» гражданами, либо для удовлетворения неожиданно возникшей потребности в автомобилях в той или иной сфере народного хозяйства²⁹. Естественной представляется потребность в создании таких резервов и попытка таким образом сделать более мобильной неповоротливую плановую систему управления хозяйством. Но одновременно с этим сама возможность обхода ограничений плана (очереди, квоты) имела более глубокие по-

---

²⁸ См.: ГАРФ. Ф. 9477. Оп. 1. Д. 625, 9056.

²⁹ Например: Там же. Ф. 5446. Оп. 93. Д. 1071. Л. 26.

следствия для советского социума. На протяжении долгих лет советский человек, положительное решение проблем которого ставилось в зависимость от решений местных органов власти и соцобеспечения, от справедливости медицинских комиссий (определявших наличие показаний к выделению инвалидных средств передвижения согласно строго прописанным и утвержденным на уровне совминов союзных республик правилам), от персональной «милости» глав правительства, становился человеком просящим, апеллирующим, уговаривающим и жалующимся.

Таким образом, история микроавтомобиля «Запорожец» предстает показательным примером непредсказуемых последствий непоследовательных экономических и социальных преобразований периода «оттепели». Анализ возникновения автомобильного рынка в 1960-х годах позволяет углубить наши представления о советском «обществе потребления», в особенности о развитии частнособственнического сектора в рамках государственной плановой экономики. А сама история Запорожского автозавода, вынужденного функционировать в условиях конкуренции различных государственных учреждений, хронических «недопоставок» сырья и материалов и необходимости выполнения спущенных сверху планов, предстает для исследователя своеобразным «микрокосмосом» всей советской промышленности — и в особенности той ее части, которая производила товары широкого потребления.

Моральная оценка привилегий и экономических преступлений в советском обществе: Дискуссия о магазинах «Березка» в конце 1980-х годов*

В конце 1950-х годов советские граждане, работавшие за границей, получили право покупки в СССР за иностранную валюту различных дефицитных товаров. На протяжении 1960–1980-х годов специализированных магазинов, получивших название «Березка»¹, становилось все больше, к ним получало доступ все больше граждан, а еще большее число людей возмущалось наличием очередной привилегии или испытывало желание самим во что бы то ни стало попасть в эти магазины. Американский журналист Хедрик Смит, живший в Москве в 1970-е годы, приводит такое мнение о магазине «Березка» в своей книге об СССР:

«Это так унижительно, так оскорбительно, что в нашей стране существуют магазины, в которых не принимают наших же собственных денег», — гневно жаловался мне один служащий. Там не только не принимают советских денег, но и людей, у которых нет туда пропуска, заворачивает

---

* Статья написана при поддержке Фонда Герды Хенкель. Я также благодарна Коринне Кур-Королев за обсуждение данного текста и полезные комментарии.

¹ Название «Березка» первыми получили магазины, появившиеся в РСФСР в 1961 году и продававшие за наличную иностранную валюту сувениры иностранным туристам. Позднее название перешло и к московским магазинам, предлагавшим дефицитные товары за сертификаты (позднее чеки) — заменители валюты — советским гражданам. В других городах и республиках такие же магазины часто имели другие названия («Каштан» — на Украине, «Ивушка» — в Белоруссии и так далее), а иногда в некоторых городах и вовсе не имели специального названия, однако материалы воспоминаний и интервью показывают, что название «Березка» стало в разговорном обиходе общим для всех магазинов, торговавших в СССР за валюту и ее заменители.

стоящая в дверях охрана — предмет особой обиды для некоторых моих друзей из числа русской интеллигенции, усматривающих в этом наглую насмешку над провозглашаемыми идеалами общественного равенства².

Довольно скоро после того, как для оплаты в «Березках» были введены специальные сертификаты (позднее — чеки) — заменители валюты, началась нелегальная торговля этими сертификатами с рук. Люди, которые формально не имели доступа к «Березкам», но тоже хотели купить товары, отсутствовавшие в обычных магазинах, могли за рубли приобрести заменители валюты или напрямую у людей, имевших право на сертификаты, или у перекупщиков. Так «Березки» стали еще одним способом «доставания» различных благ в условиях дефицита — наравне с торговлей в магазинах «из-под прилавка», покупками у фарцовщиков или «по блату».

Однако в советской прессе тема магазинов «Березка» была табуирована. Про то, что за валюту или ее заменители можно приобрести товары, которых в обычных магазинах за рубли не достанешь, писать было не принято — так же как и про другие привилегии в распределении материальных благ (за исключением «легальных» льгот инвалидам, ветеранам войны, многодетным семьям и так далее). Единственное упоминание магазинов «Березка» в публичных источниках, которое нам удалось найти, — это брошенная мимоходом фраза в статье из сатирического журнала *Крокодил*, рассказывающей о незаконном рынке барахолке в подмосковном городе Бронницы.

В десяти шагах от нас, не стесняясь милиционера, яркий представитель современной барахолки предлагал новую дубленку [...] Интересуюсь ценой. — Семь с половиной бумаг! — коротко бросает он. — А если дешевле? — Дешевле в «Березке»³.

---

² *Смит Х.* Привилегированный класс: дачи и ЗИЛ'ы. Глава из книги «The Russians» // Новая юность. 1997. № 3 (24). С. 188.

³ *Привоторов С.* Бесхитростная история хитрого рынка // Крокодил. 1976. № 4. С. 7.

Никакого объяснения того, что такое «Березка», не следует, однако из контекста понятно, что это средоточие дефицитных благ по высокой цене, хорошо известное читателю.

Однако во второй половине 1980-х годов, с началом эпохи гласности, существование «Березок» стало бурно обсуждаться в газетах. Интересно на примере нескольких ключевых статей на эту тему посмотреть, что именно говорилось про «валютные привилегии», с каких позиций велась дискуссия и насколько все это соответствовало жизненным реалиям. Представляется, что анализ публичной полемики о «Березках» в эпоху перестройки может дать материал для размышлений о «морализации» экономики в СССР и в каком-то смысле — о советских представлениях о потреблении и морали в целом.

Следует напомнить, что обсуждение «Березок» проходило на фоне начавшейся тогда же еще более широкой дискуссии о проблеме распределения материальных благ. С одной стороны, речь шла о привилегиях: с приходом гласности газеты впервые заговорили об особом снабжении номенклатуры⁴. Был поставлен вопрос о том, действительно ли правящая верхушка ведет роскошный образ жизни и пользуется благами, недоступными обычным гражданам, а если это так, то имеет ли она на это право в силу своего положения и трудностей своей работы, или же это незаслуженные привилегии, да еще и скрываемые от населения. Уже в 1986 году в обзоре писем газета *Правда* опубликовала следующее мнение своего читателя:

---

⁴ Подробнее об особом снабжении номенклатуры см.: *Восленский М.* Номенклатура. М., 2005 (впервые издана в Мюнхене в 1980 году); *Кондратьева Т. С.* От царской подачи к кремлевскому распределителю // *Одиссей. Человек в истории*, 1999; Трапеза. М., 1999. С. 21–29; *Митрохин Н.* Аппарат ЦК КПСС в 1953–1985 годах как пример «закрытого» общества // *НЛО*. 2009. № 100. С. 607–630; *Matthews M.* Privilege in the Soviet Union. A Study of Elite Life-Styles under Communism. London, 1978.

Рассуждая о социальной справедливости, нельзя закрывать глаза на то, что партийные, советские, профсоюзные, хозяйственные и даже комсомольские руководители подчас объективно углубляют социальное неравенство, пользуясь всякого рода спецбуфетами, спецмагазинами, спецбольницами и т. п. Да, у нас социализм, и каждый должен получать по труду. Пусть будет так, без уравниловки: руководитель имеет более высокую зарплату в деньгах. Но в остальном привилегий быть не должно. Пусть начальник пойдет вместе со всеми в обыкновенный магазин и на общих основаниях постоит в очереди — может быть, тогда и всем надоевшие очереди скорее ликвидируют⁵.

Позднее, в 1988 году, вопрос о привилегиях широко обсуждался на XIX партийной конференции, после чего были даже образованы две государственные комиссии по борьбе с привилегиями⁶.

Другой вопрос, связанный с потреблением и бурно обсуждавшийся в эпоху гласности, — это проблема частного предпринимательства. Действительно, по мере развития перестройки все большую легальность и все большее распространение получала всякого рода индивидуальная трудовая деятельность, порождавшая активные дискуссии. Американский антрополог Нэнси Рис в своей книге о речевой повседневности эпохи перестройки говорит, что появившиеся по закону 1988 года кооперативы (частные предприятия) «очень быстро стали заметной частью ландшафта московской жизни и горячей темой московского разговора, развиваемой по большей части неодобрительно. Кооперативщиков называли спекулянтами, стремительно обогащавшимися на об-

---

⁵ Всенародная трибуна: обсуждаем проект новой редакции программы КПСС и проект устава КПСС с предлагаемыми изменениями // Правда. 1986. 13 февр. № 44. С. 3.

⁶ Подробнее об этом рассказывала немецкий историк Коринна Кур-Королев на докладе в Гамбурге 25 января 2011 года: *Kubr-Korolev C. Gerechtigkeits- und Herrschaftsvorstellungen in der Perestroika — Die gesellschaftliche Debatte um die Privilegien der sowjetischen Elite in den Jahren 1989/1990.*

мане простых граждан»⁷. При том, что кооперативы были вписаны в советскую идеологию («Кооперативная форма собственности способствует полному использованию возможностей и преимуществ социализма», — гласила официальная брошюра⁸) и позиционировались государством как безусловное благо («Труд в кооперативах почтенен, престижен и всемерно поощряется государством»⁹), недовольство ими среди населения не только росло, но даже получало институциональное выражение. Газета *Комсомольская правда* писала о том, что из-за нелюбви граждан к кооператорам последним чинятся бесконечные препятствия, даже если их деятельность абсолютно легальна:

По твердому убеждению местной милиции, каждый «многозарабатывающий» — неразоблаченный жулик [...] Против кооперации — общественное мнение, которое реализуется в поступках работников милиции¹⁰.

Стремление к обогащению в общественном восприятии, по наблюдениям Н. Рис, вообще было индикатором аморальности, тогда как бедность, наравне с иными трудностями и страданиями, придавала человеку высокий моральный статус. Все это, по мнению Рис, было частью именно «речевой культуры» — на практике люди, осуждавшие тех же кооператоров, вполне могли и сами стремиться к материальному благосостоянию¹¹.

Казалось бы, разоблачение привилегий номенклатуры и поддержание частной инициативы должны были быть частями одной и той же перестроечной риторики о более эффективном функционировании социализма. На деле, однако, люди осуждали и жирующих чиновников, и предприимчивых бизнесменов — за

---

⁷ Рис Н. Русские разговоры. Культура и речевая повседневность эпохи перестройки. М., 2005. С. 121.

⁸ Кооперативы нового типа: опыт, проблемы, перспективы. М., 1989. С. 3.

⁹ Там же.

¹⁰ Анисимов Е. «Дай миллион» // Комсомольская правда. 1988. 1 окт. С. 2.

¹¹ Рис Н. Русские разговоры. С. 227–235.

неправильное, с их точки зрения, желание выделиться из общей массы. Советским гражданам неважно было, каким именно путем кто-то стал жить лучше других, поэтому осуждение партийной элиты и кооператоров шли рука об руку.

Две эти темы образовывали контекст, в котором происходило обсуждение в советском обществе конца 1980-х годов магазинов «Березка». Доступ к «Березкам», с одной стороны, представлял собой привилегию, а с другой — мог быть результатом в каком-то смысле частнопредпринимательской деятельности (оборот чеков на черном рынке). Следовательно, две названные проблемы сплетались при обсуждении валютных магазинов. Ниже мы попробуем — анализируя статьи о «Березках» — лучше разобраться в дискуссии о привилегиях и частном предпринимательстве в целом.

Первая статья о «Березках» появилась в газете *Аргументы и факты* в августе 1986 года. Тема была подана в виде ответа на вопрос любопытствующего читателя. Хотя «Березки» к тому моменту существовали уже 25 лет, читатель писал:

Не только меня, но и многих моих товарищей интересует, для чего созданы магазины «Березка». Кто приобретает товары в них? Почему у этих магазинов толпятся разного рода перекупщики, аферисты?¹²

Тем самым первая публикация на эту тему уже представляла собой реплику в неназванной полемике. Статья должна была объяснить людям, почему в СССР существуют магазины для избранных и почему эти магазины создают вокруг себя криминальную экономическую активность. Однако сам факт, что о «Березках» заговорили, отнюдь не означал, что публикация должна была быть разоблачительной, обвинять кого-либо в создании неравенства или просто даже искать причины существования такой привилегии. Наоборот, первая статья на эту тему была призвана

---

¹² Вопрос — ответ // Аргументы и факты. 1986. № 34. С. 8.

объяснить, что ничего плохого в таких магазинах нет, и «положить конец измышлениям».

В статье, составленной со слов сотрудника министерства внешней торговли СССР, объяснялось, что у магазинов есть экономическая цель — заработать валюту для последующего импорта необходимых всему обществу товаров. Иначе говоря, в конечном итоге речь шла о благополучии всех граждан, а не только избранных. Автор статьи подчеркивал, что большинство посетителей «Березок» — специалисты, работающие в странах, «освободившихся от колониального ига [...] с непривычными для нас, порой тяжелыми климатическими условиями, а подчас и в условиях сложной военно-политической обстановки»¹³. Следовательно, об элите, — как будто отвечает кому-то автор статьи, — речь не идет. Напротив, дефицитными товарами награждаются люди, пережившие то, чему не позавидуешь. Тут снова можно вспомнить наблюдение Н. Рис о том, что чем больше страданий претерпевает человек, тем выше в представлениях советских граждан его моральный статус¹⁴. В данном случае страдания в тяжелых климатических условиях как бы оправдывают наличие привилегии.

Говоря об ассортименте «Березок», автор *Аргументов и фактов* утверждает, что товары, продающиеся там, не так исключительны: «...заметим, что около 40 % товаров, продаваемых в магазинах “Березка” на чеки, — отечественного производства», а «количество импортных товаров в “Березке” — менее 1 % от общих закупок этих товаров за рубежом, т. е. их можно приобрести не только в этих, но и в других магазинах страны»¹⁵. Отвечая же на вопрос о спекуляции вокруг «Березок», автор пишет: «...ведь туда, где дефицит, “престижные” вещи, люди такого сорта

---

¹³ Вопрос — ответ. С. 8.

¹⁴ Рис Н. Русские разговоры. С. 246.

¹⁵ Вопрос — ответ. С. 8.

слетаются, как мухи на сладкое»¹⁶, — не замечая, что противоречит своему собственному тезису о том, что товары из «Березки» можно приобрести в любом другом магазине.

Итак, оборонительная позиция статьи в *Аргументах и фактах* строится на трех противоречащих друг другу тезисах. Первое: да, мы снабжаем иностранцев как-то особенно, но это потому, что они трудятся в тяжелых условиях. Второе: нам приходится снабжать их особенно, потому что только они приносят государству необходимую валюту. Третье: никакого особенного снабжения в «Березках» нет — все то же можно найти в других магазинах страны.

Примерно через год получили публичное выражение и те тезисы, на которые как бы отвечала статья в *Аргументах и фактах*. Рупором «антиберезочной» позиции стала *Литературная газета*¹⁷. Статья отчетливо делится на две части. Первая — снова о спекуляции: автор подробно описывает, как цветет торговля «березочными» чеками за рубли около магазинов, какие состояния делаются на спекуляции вокруг «Березок», намекает на то, что и сотрудники «Березок» замешаны в махинациях. Он поясняет, что милиция бороться со всем этим криминальным миром просто не может, так как спекулянтов не за что сажать — доказать их преступление сложно, люди, у которых они покупают чеки за рубли, сами боятся уголовного преследования и поэтому не заявляют в милицию, а введение любой другой схемы оплаты в магазинах будет так же немедленно криминализовано.

Так что же, ситуация безвыходна? Тупик? Нет. Выход есть. ОТМЕНИТЬ ЧЕКИ (выделено автором статьи. — *А.И.*). Вообще. И ЗАКРЫТЬ «БЕРЕЗКИ». Все до единой. Только на рубли! Для всех одинаково. Это было бы законно, справедливо и высоконравственно¹⁸.

---

¹⁶ Там же.

¹⁷ *Волин П.* В тени «Березки» // *Литературная газета*. 1987. 28 окт. № 44. С. 12.

¹⁸ Там же.

Дальше автор статьи подробно отвечает на те самые аргументы, которые содержались в статье *Аргументов и фактов* (не ссылаясь при этом на нее). Первое: тяжелые условия труда бывают и у нас, в СССР, а специальный доступ дают только заграничникам: «Социальная справедливость не только в том, чтобы труд оплачивался сполна, но и в одинаковой для всех возможности использовать заработанные деньги»¹⁹ (тут мы видим то же соображение, с помощью которого автор процитированного выше письма в газету *Правда* критиковал спецснабжение номенклатуры). Другой аргумент — о «Березке» как способе получить валюту в казну — автор опровергает, говоря, что часть полученной от магазинов валюты все равно идет на закупку товаров для самих «Березок», а оставшаяся часть «составляет десятые доли одного процента годового объема нашего экспорта». Выгоднее было бы, советует автор, не закупать вовсе или эффективнее использовать то оборудование, которое приобретается СССР за границей, а потом ржавеет на складе, — гораздо больше валюты было бы сэкономлено. Иначе говоря, точка зрения, представленная *Литературной газетой*, строится на двух аргументах: «Березки» плодят «безнравственное» неравенство и криминал, а экономической выгоды государству при этом не приносят.

В рамках перестройки позиция, изложенная в *Литературной газете*, была немедленно рассмотрена на заседании Государственной внешнеэкономической комиссии Совета министров СССР. В результате Совет министров в феврале 1988 года объявил о своем решении с июля отменить хождение чеков-заменителей валюты, снабжение в «Березках» сделать безналичным (чтобы дать людям возможность дотратить скопившуюся на их счетах

---

¹⁹ *Волин П.* В тени «Березки» // *Литературная газета*. 1987. 28 окт. № 44. С. 12.

валюту — путем переводов в магазины), а затем «Березки» закрыть насовсем²⁰.

Несмотря на государственное решение, защита «Березок» не только продолжилась, но и использовала те же аргументы. На этот раз рупором защитников «Березки» выступила *Экономическая газета*. Нина Яковчук в июле 1988 года писала, что из-за «газетчиков, разжигавших страсти вокруг магазинов», пострадали люди, работавшие в тяжелых условиях:

Этого корреспондента на неделю бы к нам в Сахару, где мы трубопровод тянули, — цитирует Яковчук возмущенное письмо в редакцию. — На самые знойные месяцы рабочих из других стран увозили в отпуск, одни мы, советские, оставались. Приезжал экономсоветник, говорил: «Так надо, стране очень валюта нужна». Раз нужна — терпели²¹.

Однако идеология «страдания ради страны», которое нужно вознаградить привилегией, входит в противоречие со следующим письмом, цитируемым в статье:

Выезжая на работу за границу, мы заключили контракт, который гарантировал оплату труда в инвалютных рублях, дававших возможность приобрести товары повышенного спроса в специализированных магазинах. Лишение нас этого права считаем торжеством уравниловки и глубокой несправедливостью²².

Чиновник, занимающийся наймом специалистов для работы за границей, подтверждает автору *Экономической газеты*:

...эта система торговли была мощным стимулом для привлечения квалифицированного персонала в те страны, где СССР ведет значительную ра-

---

²⁰ Постановление Совета Министров СССР № 76 от 18 января 1988 г. *О мерах по устранению негативных явлений, связанных с продажей товаров на чеки в/о Внештосыльторг и упорядочению обмена иностранной валюты, получаемой советскими гражданами, работающими за границей* (ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 106. Д. 2305. Л. 161–165).

²¹ Яковчук Н. Назад к уравниловке: решили закрыть магазины «Березка» — а дальше? // *Экономическая газета*. 1988. № 30. С. 18.

²² Там же.

боту по экономическому содействию и где купить человеку в сущности нечего. Посудите сами: горняка из Норильска, где он получал почти вдвое больше, мы посылаем в Монголию. Чем его там можно удержать? Вся надежда была на эти чертовы чеки²³.

Чеки недаром «чертовы»: такая аргументация, действительно, подрывает идею о том, что люди работают «ради страны», — скорее, речь идет о честном договоре, «контракте», как об этом пишет, например, тот заграничник, чье письмо было процитировано выше. Люди работают тогда, когда на заработанные деньги можно что-то купить, и если они не могут купить ничего за границей (то есть если их шлют в страны «третьего мира», а не на Запад), им нужно обеспечить возможность покупок на Родине.

Продолжая полемику с оппонентами, автор *Экономической газеты* говорит, что «тезис о “социальной несправедливости” приравнивает владельцев чеков чуть ли не к носителям нетрудовых доходов», «ставит на одну доску честных людей и спекулянтов», в результате чего страдают те, кто «по мере необходимости скромно покупал необходимые предметы, которые не всегда бывают в обычных магазинах»²⁴. Представляется, однако, что уравнение «честных людей» и «спекулянтов» в реальности имело под собой основание. Концепция «скромной покупки необходимых предметов» являлась для этого уравнения ключевой, однако подобное уравнение никогда не было отрефлексировано. Рассматривая полемику о «Березках» на примере вышеприведенных статей, можно, как представляется, увидеть некие не называвшиеся вслух, однако происходившие в советском обществе процессы. Публичный разговор, хотя и велся в новых условиях, все равно был обусловлен имевшимся на тот момент язы-

---

²³ Яковчуж Н. Назад к уравниловке: решили закрыть магазины «Березка» — а дальше? С. 19.

²⁴ Там же. С. 20.

ком и, шире, сознанием. Обе стороны согласны, что «Березки» плодят спекуляцию, а спорят лишь о том, является ли доступ к магазинам привилегией или, наоборот, наградой за страдания ради страны. Но, как кажется, терминами «спекуляция» и «привилегии» сложившаяся вокруг «Березок» жизнь на самом деле не описывалась.

До начала эпохи гласности не только разговоры о «Березках» публично не велись, но и вообще эта область считалась секретной. Например, инструкция о том, как обменивать валюту на «березочные» чеки, должна была храниться в специальном сейфе:

Настораживает тот факт, что некоторые сотрудники управления вопреки требованиям инструкции «О порядке работы с документами для служебного пользования (ДСП)» допускают хранение инструкций, сборников и других материалов ДСП в открытых столах, тогда как хранение этих документов должно осуществляться только в металлических шкафах. Например, в рабочем столе Т. Кулыгиной хранилась инструкция № 57 «О порядке обмена иностранной валюты на сертификаты»²⁵.

Казалось бы, свидетельство привилегии налицо.

Однако постепенно не только магазины становились чем-то привычным, но даже чековые преступления считались все менее опасными. В соответствии с указом 1976 года «платежные документы в рублях, приобретаемые за иностранную валюту (каковыми являются сертификаты), не являются валютными ценностями»²⁶, а значит — махинации с ними караются не по страшной валютной статье, а как мелкая спекуляция. Тем самым разница между «спекулянтами» и «честно страдавшими» заграничниками становилась все меньше. В упоминавшейся выше статье Н. Яковчук приводятся среди прочего слова замминистра торговли РСФСР В. Тихонова на этот счет:

---

²⁵ РГАЭ. Ф. 7590. Оп. 17. Д. 458. Л. 372.

²⁶ Указ Президиума Верховного Совета СССР от 30 ноября 1976 *О сделках с валютными ценностями на территории СССР* (Социалистическая законность. 1977. № 11. С. 77).

Что ни говорите, а щелоковских (Н. А. Щелоков — министр внутренних дел СССР с 1968 по 1982 год. — *А. И.*) времен «уточнение» закона об ослаблении ответственности за махинации с чеками валютного магазина, поскольку они-де не являются валютой, кому-то очень на руку²⁷.

Представляется, что в каком-то смысле они были «на руку» всей советской системе, отражая ее постепенную эволюцию. Официально богатых людей в СССР быть не могло²⁸. Если люди не были «обычными советскими людьми», они или принадлежали к номенклатуре, или немедленно попадали под подозрение в совершении экономических преступлений. Но работа за границей была чуть ли не единственной возможностью для широкого круга советских граждан легально заработать много денег и при этом еще иметь возможность официально обратить эти деньги в товары. Тем самым «Березка» как бы создавала некий класс зажиточных людей. Но эта зажиточность была особенная, сформированная государством. Вот что говорит жена бывшего заграничника:

(А был какой-то способ разбогатеть кроме работы за границей?) — Ну, были, наверное, жулики элементарные и воры. Потому что другие все жили очень скромненько. Другие способы — все только нечестные. Вот наш способ, я могу перед кем угодно сказать, он был абсолютно честный, потому что нам эти деньги платило государство, не то, что мы химичили, что-то перекручивали, обманывали — нет, только государство²⁹.

Советские граждане довольно быстро поняли, что в противовес морально и уголовно неприемлемому способу разбогатеть существует «честный», государственный. Но при этом морально и уголовно осуждаемый способ в то время стал получать все большее распространение и становиться приемлемым, хотя это и не было вербализовано. Тем самым в «Березке» за свою пред-

---

²⁷ Яковчуж Н. Назад к уравниловке. С. 19.

²⁸ М. Мэттьюс пишет об этом как о главном отличии советской элиты от западной: *Matthews M. Privilege in the Soviet Union*. P. 8.

²⁹ Интервью с В. В.Д., взятое автором 20 августа 2009 г.

приимчивость получали дефицитные товары два рода людей — одни, устроившиеся на работу за границу и осуждаемые за получение привилегий, и другие, купившие чеки у знакомых или с рук и осуждаемые за спекуляцию. Привилегии в отношении «Березок» постепенно превратились в способ заработать (как мы видели из писем в *Экономической газете*), а спекуляция стала не только и не столько криминальной активностью, сколько возможностью для «обычных советских людей», не работавших за границей, приобрести дефицитные товары. Забавно при этом, что даже экономически это оказывалось оправдано. Вот что говорит человек, бывший в начале 1980-х обычным студентом:

Ну, во-первых, имея советские рубли, поиметь чеки была не проблема, а главное — получалось дешевле купить чеки, чем переплачивать за дефицит из-под прилавка в обычном магазине рублиами³⁰.

Однако, хотя экономическая жизнь в СССР эволюционировала, хотя люди приспособлялись к жизни в условиях дефицита, изменяя тем самым экономические и социальные реалии, их моральная оценка этих явлений оставалась прежней и в эпоху перестройки получила свое отражение в общественных дискуссиях.

Обращаясь к риторике по поводу распределения материальных благ в конце 1980-х годов в СССР, можно отметить, с одной стороны, что осуждение привилегий носило формальный характер: в рамках возвращения к «ленинским идеалам» противоречие иерархии потребления идее эгалитарности бросалось в глаза. С другой стороны, за осуждением привилегий стояла банальная зависть к обильным продовольственным заказам. Но характер неодобрения этих привилегий был другим, гораздо менее существенным, чем ненависть к частным предпринимателям. В первом случае кто-то жил лучше потому, что его выделило государство, во втором — человек добился лучшей жизни ни от кого не за-

---

³⁰ Интервью с В.Б., взятое автором в 10 ноября 2010 г.

вися, в результате собственных усилий. Соответственно, первая схема предполагала, что если сейчас кто-то живет лучше, потому что ему что-то дало государство, есть шанс, что рано или поздно государство даст что-нибудь и тебе. Второй же случай предполагает, что тебе ничего не мешает жить так же хорошо, как тот, кому ты завидуешь, а значит, твое униженное положение — результат твоей собственной нерасторопности. В речевой повседневности это соображение приобретало следующие формы. Государство вознаграждает чаще всего за страдания (о которых пишет Н. Рис): это могут быть и тяжелые условия работы в Африке, как в случае «Березок», и просто долгая, тяжелая служба на благо Родины, часто сопряженная с участием в войне. Немецкий историк Коринна Кур-Королев, анализирувшая письма граждан в комиссию по борьбе с привилегиями, пишет, что советские люди обычно именно так отстаивали заслуженность своих льгот³¹. Частное зарабатывать, напротив, всегда ассоциировалось с обманом и жуликоватостью, рассматривалось как обогащение «за счет» простого народа.

Итак, хотя структура советского общества и стратегии жизненного поведения сильно изменились на протяжении 1960–1980-х годов, идеология неприятия самостоятельной экономической активности и борьбы за «социальную справедливость» оставалась, причем в эпоху гласности ей попытались вернуть былое значение. Когда об этих проблемах заговорили публично, язык разговора уже не соответствовал жизненным реалиям, однако именно эта устаревшая риторика определила многое в жизни и дальнейшем развитии общества.

Тем ценнее, что гласность все-таки донесла до нас и некоторые высказывания тех, кому удалось отчасти вырваться из этой парадигмы. Читатель журнала *Огонек* так критиковал одну из напечатанных там либеральных и «разоблачительных» статей:

---

³¹ *Kubr-Korolev C. Gerechtigkeits- und Herrschaftsvorstellungen.*

Авторы статьи «Черный рынок» (Огонек, 1987, № 36, с. 6–8) досадуют, что современные мэнээсы, инженеры, а также интеллигентные пенсионеры не желают «в лучших традициях российской интеллигенции жить скромно, но честно и этим гордится». Это нежелание, дескать, выражается в случаях посредничества при перепродаже дефицита. Сам по себе факт посредничества восторга не вызывает, но возникает вопрос: как понимают авторы гордость по поводу жизни скромной, но честной? Должен ли человек гордиться добытой в томительной очереди плохого качества вареной колбасой? Я отнюдь не призываю включить спекуляцию в разряд высокоморальных действий. Я о другом: не надо смешивать экономические и нравственные проблемы³².

Однако этот призыв не был услышан. Устремления большинства советских граждан не были переведены на новый язык, их желание заработать и приобрести дефицитные товары (съездив за границу или купив чеки) не было вербализовано и морально легализовано. В результате идея о том, что материальное благополучие может зависеть не от государства, а лично от человека, так и не прижилась, а зарабатывание больших денег считается экономическим преступлением в головах значительной части российских граждан до сих пор.

---

³² Письма читателей: А. Слепаков, Ростов на Дону // Огонек. 1987. № 44. С. 4.

Советский курорт как место памяти

Не секрет, что ностальгия по советскому прошлому за последнее десятилетие переросла из «тоски по родине» в целую индустрию: в московском ГУМе в 2008 году вновь открылся «Гастроном №1», который репрезентировался как «преемник старого», советского, «легендарного»¹ гастронома. Также в ГУМе были открыты «Столовая № 57» и «Кафе Фестивальное». В оформлении столовой, в наборе блюд и в их названиях используется эстетика 1930–1950-х годов². Дизайн «Кафе Фестивальное» отсылает к VI Всемирному фестивалю молодежи и студентов, который проходил в 1957 году в Москве³. В интернете существует несколько десятков сайтов, посвященных ушедшей эпохе; советская символика активно используется в рекламе и производстве разных товаров, интерес к различным аспектам советского прошлого невероятно высок.

Однако, осознавая присутствие такого культурного тренда, мы пока плохо ориентируемся внутри него. Уже сейчас можно заметить, что какие-то элементы советского «продаются» лучше других. Например, мода или кулинария СССР становятся объектами пристального изучения, тогда как история дизайна советской мебели привлекает значительно меньший интерес. Возможно, имеет смысл пристальнее рассмотреть то, как «продается» советское в отдельном, конкретном случае — поэтому мы обратимся к примеру советского курорта.

---

¹ Официальный сайт ГУМа: <http://www.gum.ru/projects/gastronome/history.php> (27.02.2011).

² <http://www.gum.ru/projects/s57/> (27.02.2011).

³ <http://www.gum.ru/projects/cafe/> (27.02.2011).

«В Сочи, хоть один раз в жизни, отдыхал каждый человек», — говорила героиня фильма *Москва слезам не верит*, насыщенно-го образами «узнаваемого прошлого». Действительно, отдых на курорте стал одним из символов советской эпохи. Образ курорта был сформирован фильмами, путеводителями, открытками, фотографиями на память и многочисленными воспоминаниями отдыхающих. Но чем был советский курорт и какой его образ может быть востребован современным туризмом?

Представление об идеальном отдыхе занимало важное место в культурных схемах советского человека. Отличительная черта курортной жизни — вне-повседневность, когда человек оказывался «вырван» из привычного окружения, помещен в условия, значительно отличавшиеся от его обычной жизни как по способу организации времени, так и по качеству жизни. Советский человек, попадая в санаторий, может быть, всего лишь несколько раз в жизни, мог рассматривать свое пребывание там как некий опыт «путешествия во времени». Можно допустить, что советские курорты были своего рода макетом жизни в «светлом будущем».

Условия курорта значительно превосходили повседневный уровень жизни. Те, от кого зависело развитие курортного дела в СССР — управленцы из Всесоюзного объединения курортов при Наркомздраве СССР и Санаторно-курортного объединения ВЦСПС, считали, что здравницы должны снабжаться по особому стандарту. Изначально речь шла о том, что снабжение санаториев продуктами должно быть приравнено к снабжению больниц, поскольку на курортах советские граждане поправляют свое здоровье, подорванное тяжелым трудом или лишениями Гражданской войны. Позже аргументация несколько изменилась: поскольку советский человек трудом заслужил право отдыхать на курорте, ему должны быть предоставлены самые лучшие усло-

вия. Согласно утверждению Б. М. Фирсова⁴, власти старались обеспечить различными дефицитными товарами магазины курортных районов и тем самым еще сильнее повысить ценность курортного отдыха в глазах граждан⁵. Материалы региональной прессы отчасти подтверждают этот тезис. Так, газета *Советская Абхазия* считала, что «большую роль в обеспечении полноценного отдыха играет хорошо поставленная торговля на курортах. Наличие в магазинах, ларьках товаров сезонного ассортимента, высококалорийные и вкусные блюда в столовых и ресторанах способствуют лучшему проведению отдыха курортников»⁶. Руководство курортных районов старалось обеспечить отдыхающих не только дефицитными товарами, но и различными услугами: развивалась инфраструктура, строились дороги, театры, кинотеатры, открывались рестораны и кафе, организовывались экскурсии. Не всегда эти задачи выполнялись в полной мере, но, тем не менее, развитие курортных районов превратило отдых там в доступное удовольствие для большинства советских граждан, особенно в позднесоветскую эпоху.

Кроме того, в отличие от некоторых других специфически советских явлений, образ советского курорта практически не омрачен негативными коннотациями. Казалось бы, всеобщий интерес к СССР можно использовать в рекламе различных лечебных местностей для привлечения особой категории туристов — тех, кому интересны артефакты советской империи. Но востребован ли этот ресурс на деле?

---

⁴ Борис Максимович Фирсов — российский социолог, доктор философских наук, один из основателей и почетный ректор Европейского университета в Санкт-Петербурге, в 1953–1956 годах занимал должность секретаря райкома комсомола, в 1956–1959 годах — секретаря обкома ВЛКСМ, в 1959–1962 годах — первого секретаря Дзержинского РК КПСС города Ленинграда.

⁵ Интервью с Б. М. Фирсовым (архив автора).

⁶ Улучшить торговлю на курортах // *Советская Абхазия*. 1950. 9 июня. С. 4.

Данный текст отражает наблюдения, которые появились в результате поездок в различные курортные регионы: в Крым, на черноморское побережье Кавказа, на курорты Кавказских минеральных вод, а также посещений санаториев Пермского края.

Курорт Усть-Качка, который находится неподалеку от Перми, стал первым объектом изучения. Основанный в 1936 году, он начал активно развиваться с конца 1950-х и впоследствии стал курортом всесоюзного значения. По сути он стал «градообразующим предприятием» для небольшого поселка. Практически все жители этого населенного пункта так или иначе связаны со здравницей. Среди работников санатория встречаются настоящие трудовые династии.

В Усть-Качке на протяжении нескольких десятилетий проводилась активная политика коммеморации: действовал музей истории курорта, существовало общество ветеранов труда, работавших в здравнице, выпускались памятные издания и сборники воспоминаний старшейших работников. Советское прошлое в этом случае очень востребовано — оно является стержнем, вокруг которого жители поселка выстраивают свою локальную идентичность. В общем наборе воспоминаний присутствуют сюжеты о врачах — основателях курорта, о некоторых представителях региональной политической элиты, например, о руководителе Западно-уральского совнархоза А. Г. Солдатове (занимал этот пост в 1957–1961 годах), который многое сделал для развития Усть-Качки. Обращение к эстетике советской эпохи прослеживается и в оформлении пространства курорта. Два основных здания санаторного комплекса: корпус «Русь» и ванница были построены в конце 1950-х годов в стиле сталинского ампира. В 1960–1980-е годы на курорте были построены еще несколько корпусов, но классицистические, богато декорированные здания «Руси» и ванницы до сих пор являются архитектурной доминантой курорта.

Однако в последние годы ситуация изменилась: если заслуженные работники курорта склонны обращаться к советскому прошлому, то новая администрация настроена иначе. В 2007 году сменился владелец здравницы и новая управляющая компания не намерена поддерживать существующие коммеморативные практики, предпочитая определять курорт Усть-Качка как современный, «один из крупнейших в России, многопрофильный санаторно-курортный комплекс»⁷. Таким образом, новые управленцы не принимают в расчет потенциальную возможность использования культурно-исторического туризма для развития курорта. Так ли это неожиданно?

Крымские курорты обладают значительными ресурсами для развития культурно-исторического туризма. Они могут привлечь как тех, кто интересуется дореволюционной историей, так и тех, кого привлекают останки советской империи. Однако более близкое знакомство со стратегиями репрезентаций крымских здравниц показывает, что обращения к советскому наследию очень редки. Как правило, экскурсионные туры и путеводители акцентируют внимание на дореволюционной эпохе, совершенно игнорируя советский период. Так, экскурсия по Ливадийскому дворцу рассказывает о жизни царской семьи и о Ялтинской конференции глав государств антифашистской коалиции в 1945 году. То, что в 1925 году в Ливадии был открыт первый крестьянский санаторий, не было отражено в экскурсии, равно как и послевоенное развитие курорта. На вопрос об этой странице истории экскурсовод ответила, что данный аспект никого не интересует и потому не упоминается.

Подобная ситуация характерна и для других курортов Крыма. Очевидно, что дореволюционная история «продается» лучше,

---

⁷ Официальный сайт курорта Усть-Качка: <http://www.amaks-hotels.ru/hotel/ust-kachka/ust-kachka/about/> (27.02.2011)

чем советская. Это сопровождается практически полным отсутствием попыток сохранения памяти о недавнем прошлом. На крымских курортах, как правило, нет музеев отдельных здравниц, работники не объединены в общества, а памятные издания, в большинстве своем, посвящены истории до 1917 года. Следует отметить и то, что местное профессиональное историческое сообщество мало интересуется вопросами развития крымского туризма в советский период, сконцентрировавшись, за небольшими исключениями, на дореволюционном времени.

Исключением является курорт Саки, где находится уникальный санаторий для лечения спинальных больных, носящий имя академика Н. Н. Бурденко. В этом санатории работает музей, а также существует общество ветеранов — работников курорта. Но здесь необходимо обратить внимание на то, что в Саках в санаторно-лечебной сфере занято большинство жителей города. Кроме того, узкая специализация сакского санаторного комплекса и лечебный профиль требуют серьезной профессиональной подготовки не только старшего, но и младшего персонала, в отличие от других курортов.

Нежелание обращаться к советскому прошлому на крымских курортах может быть вызвано и сложностями процессов самоидентификации. Крым, как часть независимого государства Украина, возможно, не готов определять себя, используя советское наследие. Однако этим объяснением вряд ли можно удовлетвориться, поскольку схожие процессы можно наблюдать и в России.

Кавказские Минеральные Воды — один из старейших курортных регионов с богатой и интересной историей. Однако и там свидетельства, относящиеся к дореволюционному периоду, более востребованы, чем советские. Так, Пятигорск знаменит прежде всего как место дуэли М. Ю. Лермонтова. Большая часть местных достопримечательностей также относится ко време-

ни до 1917 года. Советский период пополнил копилку символов Кавминвод не количественно, но качественно. Речь идет о романе И. Ильфа и Е. Петрова *Двенадцать стульев*, действие одной из глав которого происходит у пятигорского Провала. Пожалуй, упоминание в романе этой достопримечательности способствовало росту интереса к ней больше, чем что-либо другое. И на сегодняшний день Провал остается одним из основных туристических объектов. В Пятигорске установлены памятники Остапу Бендеру и Кисе Воробьянинову. Тем не менее Кавказские Минеральные Воды вряд ли склонны выстраивать свою репрезентацию, используя образ советского курорта. Научных исследований, посвященных советскому периоду развития курортного дела в этом регионе, очень мало.

Определенные коммеморативные практики на курортах Кавказских Минеральных Вод все-таки присутствуют, однако зачастую это касается отдельных санаториев и действий отдельных групп энтузиастов. Так, история санатория имени М. Горького РАН нашла отражение в литературном альманахе *Горькоккола*⁸ и в подготовленной к изданию, но еще не выпущенной монографии *Санаторий имени Горького Российской академии наук в Кисловодске (1923–2008)*. Составителями и редакторами была проделана большая работа с привлечением материалов ГАРФ, источников личного происхождения (дневников, писем, воспоминаний) и документов из архива санатория. И хотя данные примеры свидетельствуют о попытке сохранения и мемориализации советского опыта, следует признать, что это скорее исключение, чем правило. Объяснением подобной необычной активности может служить социально-профессиональный статус отдыхающих — сотрудников Российской академии наук.

---

⁸ Горькоккола. Рукописный альманах санатория им. А. М. Горького Российской академии наук в Кисловодске / Сост. А. Н. Горбова, Л. Д. Соколова, Ю. Ю. Черный. М., 2007.

Конечно, необходимо обратить внимание и на Сочи — крупнейшую в СССР курортную местность. Здесь, однако, есть особенность: дореволюционное наследие Сочи крайне скудно. Фактически, его история начинается в 1934 году, когда была начата генеральная реконструкция Сочи-Мацестинского курорта. Кроме того, комплекс старейшего санатория в Сочи «Кавказской Ривьеры», являющийся чуть ли не единственной архитектурной достопримечательностью дореволюционного происхождения, был закрыт в 1998 году, а летом 2010 года часть построек была снесена. Таким образом, Сочи не остается ничего другого, кроме как использовать артефакты советской эпохи. Нужно отметить, что история строительства всесоюзного курорта и проблемы развития рекреационной сферы в этом регионе изучаются здесь как нигде более; существует даже Сочинский государственный университет туризма и курортного дела. Местные исследователи в большинстве своем объединяются вокруг Архивного отдела администрации города Сочи и его руководителя И. А. Тверитинова.

Образ советского курорта активно «продается» в Сочи. Отдыхающим предлагается экскурсия «по советским санаториям» — она рассказывает о здравницах, которые расположены вдоль Курортного проспекта. Также есть отдельные экскурсии на дачу Сталина и к водному павильону в Мацесте. Они, а также несколько административных построек, Зимний и Летний театры, кинотеатр «Сtereo», художественный музей, создают образ «советского» Сочи. Необходимо отметить, что все эти здания были возведены в 1930–1950-х годах, тогда как постройки более позднего времени не включены в список экскурсионных объектов. В 1930–1950-х годах курортная архитектура имела преимущественно дворцовый характер и ориентировалась на классическое наследие. Поэтому, как ни странно, образ дорево-

люционного крымского курорта и образ советской сочинской здравницы исключительно похожи.

Казалось бы, в главном курортном городе России санатории должны быть заинтересованы в сохранении локальной истории, однако музеи отсутствуют даже в самых крупных здравницах. Исключение составляет лишь Центральный военный клинический санаторий имени Я. Ф. Фабрициуса. Там до недавнего времени существовал свой музей. Возможно, это было обусловлено ведомственной принадлежностью здравницы министерству обороны. Отсутствуют также какие-либо профессиональные объединения работников курортной сферы.

Вероятно, степень активности коммеморативных практик зависит от наличия заинтересованных в этом групп. Можно даже сформулировать вопрос: кто может быть заинтересован в сохранении памяти о советском прошлом курортных регионов? Один из очевидных ответов — в этом может быть заинтересовано профессиональное сообщество, работники санаториев и домов отдыха. Однако существовали объективные причины, не способствовавшие вовлеченности сотрудников курортных учреждений в различные коммеморативные практики. Дело в том, что на протяжении всего советского периода актуальной оставалась проблема текучки кадров на курортах.

Несмотря на то что уже с 1920-х годов осуществлялась подготовка курортных работников как Наркомздравом, так и ВЦСПС, снова и снова появлялись сообщения о том, что курорты плохо обеспечены кадрами, обсуждались возможные пути решения проблемы. Особенно остро не хватало врачей и медицинского персонала в довоенный период. В течение 1920–1930-х годов количество санаториев в Советском Союзе увеличилось в разы, в то время как квалифицированных врачей-курортологов было очень мало. Специалистов не хватало, и нередко были случаи, когда врачи на крупных курортах работали сразу в несколь-

ких санаториях, что вызывало недовольство курортников⁹. Во время Второй мировой войны санатории на территории СССР были превращены в госпитали и для их нужд была организована ускоренная подготовка медицинского персонала. Значительная часть его осталась работать во вновь открытых санаториях и после войны. Кроме того, практика распределения после окончания обучения стала всеобщей. Благодаря этому ситуация с кадрами в послевоенное время несколько выправилась, однако проблема не была решена окончательно¹⁰.

Особенно остро стоял вопрос обслуживающего и младшего медицинского персонала. Для этих должностей не требовалось наличие специального образования, зачастую набирали «людей с улицы», так как сотрудников катастрофически не хватало. Текучка кадров среди обслуживающего и младшего медицинского персонала была особенно велика, причем не только в крупных курортных районах (Сочи и Крым), но и в небольших местных санаториях. Так, на курорте Усть-Качка в 1954 году «было принято 71 человек, уволено 67 человек и сделано 177 перемещений работников с одной должности на другую»¹¹. Кроме того, поведение младшего медицинского персонала нередко вызывало нарекания: например, в приказах по личному составу санатория Усть-Качка встречаются распоряжения о снятии с работы санитарок и об объявлении выговора медсестрам за «организацию пьянок на дому с больными»¹². Одна из информантов, В. А. Ка-

---

⁹ Докладные записки, постановления и переписка об отпуске средств на строительство и обследование курортов и санаториев (ГАРФ. Ф. Р-9493. Оп. 1. Д. 46. Л. 68).

¹⁰ Стенограмма совещания начальников местных областных управлений курортов, санаториев и домов отдыха ВЦСПС, начальников и главных бухгалтеров УДОСов ЦК профсоюзов 2 сентября 1952 г. (ГАРФ. Ф. Р-9493. Оп. 3. Д. 141. Л. 26).

¹¹ Акт 20 декабря 1954 г. (ПермГАНИ. Ф. 2903. Оп. 1. Д. 26. Л. 26).

¹² Приказ № 34 по Бальнеологическому санаторию Усть-Качка ЦК Союза рабочих угольной промышленности от 18 февраля 1953 г. (Архив курорта Усть-Качка. Оп. 2. Д. 3. Россыпь).

менских, работавшая в Усть-Качке с конца 1940-х годов, упоминала, что младший обслуживающий персонал набирался из жителей окрестных деревень, поэтому их поведение и профессиональная подготовка не всегда соответствовали необходимому уровню. Эти проблемы последовательно решались, однако и в 1970–1980-х годах текучку кадров на курортах преодолеть не удалось.

Таким образом, в санаториях не всегда могло существовать сообщество, заинтересованное в создании и сохранении собственной истории. Исключение составляют небольшие замкнутые курорты, вроде пермской здравницы «Усть-Качка», или узкопрофильные санатории. Специфика работы последних предполагает серьезную медицинскую подготовку сотрудников, что уменьшает текучку кадров — примерами могут служить санаторий имени Н. Н. Бурденко в Саках и Центральный военный клинический санаторий им. Я. Ф. Фабрициуса в Сочи.

Таким образом, мы видим, что попытки сохранения памяти о советском прошлом курортов предпринимаются лишь в тех случаях, когда курорт важен для конструирования локальной или профессиональной идентичности. Почему же администрация курортных районов не стремится использовать ностальгию по советскому прошлому для развития туризма в регионе? Почему не произошла коммерциализация образа советской здравницы, подобно тому как это случилось с образом дореволюционного курорта? Причины этого вряд ли возможно точно определить.

Можно лишь предположить, что дело в специфическом характере объектов ностальгии. Кажется, что особенность ностальгирования по советскому прошлому — в тоске по эстетической цельности символов ушедшей эпохи. Это допущение позволяет отчасти понять, почему «советский курорт» плохо «продается».

Советский курорт никогда не был цельным, то есть монолитным явлением. Он всегда являлся соединением самых разных

идей, тенденций и идеологий. XIX век породил представление о курорте как о пространстве свободы, где стираются социальные границы, а нормы и запреты становятся менее строгими. Н. Крючкова на примере английского курортного города Брайтона убедительно показывает, что там «меньше требований выдвигалось в отношении подходящей одежды или соблюдения ритуалов, в отношении пристойности»¹³. Ф. Грей в своем монументальном труде *Designing the Seaside: Society and Nature* также размышляет о преодолении социальных шаблонов. О том, что российские курорты в XIX веке допускали бóльшую степень личной свободы по сравнению с «некурортной» жизнью, говорится и в исследовании А. Мальгина *Русская Ривьера*, которое посвящено Крыму¹⁴.

После событий октября 1917 года требовалось осмыслить прежние явления в духе революции, нужно было найти новый язык для описания новой реальности. Изменение символических систем, в конечном счете, было битвой за умы и сердца граждан огромной империи. Курорты — сюжет, казалось бы, периферийный, не представлявший особого интереса ни для теоретиков, ни для практиков «нового быта». Однако в строившемся новом обществе каждое явление должно было либо быть осмыслено на языке революции, либо исчезнуть.

Первая попытка такого осмысления была предпринята в 1920-х годах сообществом врачей-курортологов и предлагала рассматривать советский курорт как рациональное и аскетичное место, созданное исключительно с лечебной целью, откуда изгонялись «буржуазные излишества». Вопросам оздоровления,

---

¹³ Крючкова Н. Социальные трансформации морского курорта (на примере Брайтона конца XVII — XIX вв.) // «Курорт» в дискурсивных практиках социогуманитарного знания. Мат-лы междунар. конф. (Пятигорск, 27–29 апреля 2007 г.). Ставрополь; Пятигорск; Москва, 2007. С. 204.

¹⁴ Мальгин А. Русская Ривьера. Симферополь, 2004.

гигиены, развития научной базы курортного лечения уделялось огромное внимание. Курортный отдых не рассматривался как отдых в привычном понимании. Элементы привычного досуга (поездки в город, отлучение из санатория, игра в карты, употребление крепких напитков, частые посещения родных) были под запретом, поскольку «поездка в город легко может закончиться свиданием с друзьями в трактире, посещение родных — посеять в душе больного ряд семейных и домашних забот, волнующих его и т. д., а все это дурно отзывается на боеспособности организма и потому сурово изгоняется их санатория»¹⁵. Здесь уже можно говорить о качественном противопоставлении советских курортов буржуазным. Управление Кавказскими Минеральными Водами считало, что «рабочим должна быть предоставлена здоровая, гигиеническая койка по наиболее дешевой цене», а все остальное называло «внешним, ненужным комфортом»¹⁶. Т. Булыгина верно заметила:

...в 20-е годы отдых понимался, как минимальная возможность восстановить силы трудящихся для самоотверженного труда. Образ беззаветного борца за коммунизм против внешних и внутренних врагов упорно внедрялся в общественное сознание. Во всех других случаях отдых ассоциировался с «бездельем». Другое дело болезнь, с которой тоже надо было бороться, чтобы сохранить рядовых армии труда¹⁷.

Логика была очевидна: в РСФСР санаторный отдых должен быть не удовольствием, а средством, позволяющим «больным вернуться к работе здоровыми и бодрыми»¹⁸, — и таким образом курорты получили новое смысловое наполнение, стали частью

---

¹⁵ *Консторум С.* Для чего нужны санатории. Задача санаторий и санаторное дело в Москве. М., 1925. С. 16.

¹⁶ *Булыгина Т.* Изменение дискурса «курорт» в представлениях местной власти в 20-е гг. XX века (на примере Кавказских Минеральных вод) // «Курорт» в дискурсивных практиках социогуманитарного знания. С. 414.

¹⁷ Там же. С. 412–413.

¹⁸ Советская медицина // Огонек. 1924. 20 янв. № 4 (43). С. нрзб.

строительства нового мира, стали «советскими». Не стоит забывать и о том, что подобная трактовка курортного отдыха может быть отчасти объяснена сложной ситуацией в стране: у государства просто не было возможности вкладывать значительные суммы в развитие санаториев.

Вторая попытка осмысления пришла на вторую половину 1930-х годов: в этом случае наиболее активным актором стала центральная власть, которая постаралась сформировать образ курорта как райского места, куда попадают достойнейшие люди. Курорт в этом случае представлял собой образ идеального пространства. В определенных аспектах он напоминал дореволюционный курорт с его стремлением к роскоши и гедонистическим удовольствиям — то, от чего старались дистанцироваться в 1920-е годы.

С этого времени курорты стали упоминаться в контексте права на отдых, гарантированного конституцией. Нетрудно догадаться, что это было связано с принятием сталинской конституции в 1936 году. В это время были сформулированы «классические» образы санатория, которые будут транслироваться с небольшими изменениями последующие двадцать лет. Например, фотография с подписью: «Ливадийский дворец — бывшая летняя резиденция царя — теперь санаторий для рабочих и крестьян». Или следующие подписи к фото: «Александра Яковлевна Жаркова, шофер зерносовхоза Оренбургской области и Савва Павлович Коган, рабочий Херсонского завода [...] Жаркова, больная туберкулезом, переведена на пенсию, третий месяц она лечится в санатории за счет государства»¹⁹. Иными словами, максимально акцентировался социальный характер советского государства, бесплатность (позже — доступность) лечения, а также то, что рабочие теперь живут в царских дворцах (читай: как

---

¹⁹ СССР на стройке. 1937. № 1. С. 15.

цари). Последнее видится реализацией революционной идеи «кто был ничем, тот станет всем».

В статьях, посвященных курортному отдыху, присутствовала патетика роскоши, монументальности («целые государства курортов»²⁰), что характерно для всей культуры сталинского периода (указание на богатство страны, которая может строить такие роскошные курорты). Это тем более интересно потому, что в действительности лишь малая часть санаториев соответствовала этому образу, большинство же находилось в крайне тяжелой ситуации: не хватало оборудования, мебели, продуктов, средств. Тем не менее образ здравницы, актуализированный в середине 1930-х годов, фактически отсылал к дореволюционному образу роскошного курорта.

Важно отметить, что в это время отдых на курорте начал восприниматься как заслуга за хорошую работу или какие-либо другие достижения. В журнале *СССР на стройке* начали появляться статьи, посвященные отдельным выдающимся людям, где, как правило, присутствовало упоминание о достойном отдыхе — на различных курортах²¹.

Изменился и визуальный образ курорта: все чаще на страницах периодической печати стали появляться фотографии белоснежных зданий в дворцовом стиле на фоне пышной южной растительности и морских просторов. Конечно, не все санатории могли похвастать наличием таких видов, однако именно этот образ до сих пор остается самым востребованным. Здесь нужно отметить, что в 1920-х годах строительство новых зданий для курортов практически не осуществлялось, под санатории и дома отдыха в курортных районах были отведены национализированные дворцы, виллы и многие частные дома. Немногие

---

²⁰ СССР на стройке. 1937. № 9–12. С. 84.

²¹ Там же. 1938. № 7. С. 37; 1939. № 6. С. 49–52.

новые санаторные корпуса, как правило, строились в стиле модного тогда конструктивизма.

К концу 1930-х годов курортное строительство значительно активизировалось и архитектура здравниц изменилась в соответствии с общим изменением идеологии курортного отдыха. После 1932 года был взят курс на освоение классического наследия во всех областях культуры, в том числе и в архитектуре²². Этот период характеризуется вниманием к внешнему виду, образности, художественности зданий, что зачастую оказывалось важнее рациональности, удобства и экономичности. Архитектура санаториев и домов отдыха приобрела отчетливо выраженный дворцовый характер. Это касалось не только использования элементов классической архитектуры (колонны, ордер и так далее), но и самих принципов планировки курортов. Общая схема развития курортов на местности стала напоминать классические дворцово-парковые ансамбли с распланированными рядами аллей, симметричными клумбами геометрических форм, фонтанами, уединенными павильонами, мостиками и пологими лестницами. В идеале как неременный атрибут парка предусматривалась центральная аллея, вокруг которой должен был выстраиваться весь ансамбль курорта²³. Курорты, спланированные и построенные в это время, удивительно похожи на дореволюционные, во всяком случае, в плане визуальной репрезентации.

---

²² В 1932 год было принято постановление ВКП(б) *О перестройке литературно-художественных организаций...*, которое принято считать началом утверждения метода социалистического реализма — см.: Постановление ЦК ВКП(б) от 23 апреля 1932 г. о перестройке литературно-художественных организаций // Правда. 1932. 24 апр. С. 1.

²³ Несис Н. Планировка курорта Сочи-Мацеста // Архитектура СССР. 1935. № 9. С. 48; Он же. Курорт Сочи-Мацеста // Там же. 1936. № 11. С. 5; Макотинский М. Генеральный проект планировки района Ялта — Мисхор — Алупка // Там же. 1938. № 8. С. 41; Заславский А. Планировка курорта Гагры // Там же. № 8. С. 48.

Особенностью послевоенного периода являлась тенденция к деидеологизации образа курорта, которая стала заметна к концу 1940-х годов. Отдых стал восприниматься не только как лечение или награда за упорный труд; в этот период он стал прежде всего удовольствием. В дальнейшем отношение к отдыху стало еще более будничным, он перестал использоваться в идеологических схемах власти. Наиболее акцентируемым из возможных аспектов курортного отдыха стала его доступность. Если верить статье 1953 года, любой человек в СССР каждый год имел возможность ездить на курорт, причем свободно выбирать место отдыха²⁴. Нужно отметить, что подобное уменьшение пропагандистской риторики наблюдалось только в отношении курортов и отдыха; остальные темы, освещавшиеся в журналах, по-прежнему были идеологически насыщены и служили доказательством силы и могущества государства.

С уверенностью можно предположить, что именно тот визуальный образ курорта, который сформировался во второй половине 1930-х годов, оказался самым эстетически цельным и внятно сформулированным, и потому — самым живучим. До сих пор информанты, в ответ на просьбу описать «советский курорт» как они его представляют, в большинстве случаев воспроизводят именно этот визуальный ряд: белый дворец на фоне моря и зелени. Подобное постоянство тем более удивительно, что идеологические поиски оказались совершенно забыты.

Можно предположить, что здесь сыграло свою роль то обстоятельство, что попытки идеологического осмысления курортного отдыха не были зафиксированы в произведениях литературы и искусства. К. Кларк подчеркивала особую значимость романа в советской культуре²⁵. По ее мнению, он выполнял принципиаль-

---

²⁴ Советский Союз. 1953. № 7. С. 26.

²⁵ *Кларк К.* Советский роман: история как ритуал. Екатеринбург, 2002.

но иную, нежели на Западе, функцию, и это функциональное различие породило особый тип текста. Особая функциональность советского романа заключалась в его ритуальности. Ритуал персонализирует абстрактные культурные значения и переводит их в понятный нарратив. Советский роман сводился к единой основополагающей фабуле: герой отправляется на поиски сознательности, по пути встречается с обстоятельствами, которые проверяют его силу и самостоятельность, а также помогают ему этой сознательности достичь.

Советское искусство, согласно принципам соцреализма, требовало «правдивого, исторически-конкретного изображения действительности в ее революционном развитии». Е. Добренко считает, что функция соцреализма была гораздо шире: он должен был представить будущее настоящим: «Соцреализм — это машина преобразования советской реальности в социализм. Поэтому основная его функция не пропагандистская, но эстетическая и преобразующая»²⁶. Однако те произведения, которые так или иначе обращались к теме курортного отдыха, не способствовали трансляции идеологических схем — ни в 1930-х годах, ни в послевоенный период, ни в позднесоветское время.

Так, во второй половине 1930-х годов было снято несколько фильмов, действие которых происходит на курорте, но образ курорта в них не соответствовал идеологическим схемам, которые мы рассмотрели выше. Вот лишь несколько примеров. Фильм *О странностях любви* (1935–1936) снял известный режиссер Я. А. Протазанов. Сюжет фильма весьма незатейлив. Это водевиль, интрига которого построена на «классическом» недоразумении: две подруги, проводящие отпуск в крымском санатории, влюбляются в молодых людей. Один из них — поэт — выдает себя за планериста, другой — планерист — выдает себя за поэта, что

---

²⁶ Добренко Е. Политэкономика соцреализма. М., 2007. С. 28.

и рождает цепь комедийных ситуаций²⁷. Кинолента *На отдыхе* (1936) также является комедией положений. По сюжету в один из южных санаториев приезжает известный полярник Иван Лебедев. Здесь он встречается своего друга, знаменитого летчика Михаила Лаврова. Чтобы избежать назойливого внимания окружающих, герои решают скрыть свои профессии. Однако странное поведение друзей вызывает подозрение окружающих и становится причиной ряда недоразумений²⁸. Более известный фильм *Девушка спешит на свидание* (1936) рассказывает следующую историю: застенчивый интеллигент Федоров и хитрый цирковой артист Гуров, отправившись отдохнуть на юг, стали жертвами ошибки на почте – девушка, отправлявшая документы, спешила на свидание и перепутала конверты, в которых лежали паспорта героев фильма, что повлекло за собой ряд комедийных недоразумений. Ситуация разъяснилась с приездом на курорт жен потерпевших²⁹. В фильмах послевоенной поры образ курорта почти не изменился. Так сюжет фильма *Безумный день* (1956)³⁰ завязан на цепи смешных недоразумений, которые возникли в результате стремления главного героя — завхоза яслей — найти в большом санатории чиновника Миусова и получить у него резолюцию по поводу открытия детского сада. Из фильмов 1970–1980-х годов самыми упоминаемыми являются *Любовь и голуби* (1984)³¹ и *Будьте моим мужем* (1981)³² В музыкальной комедии 1981 года показана история взаимоотношений врача и молодой женщины с ребенком, приехавших на курорт по отдельности, но договорившихся выдавать себя за супругов, чтобы иметь возможность снять жилье. В фильме *Любовь и голуби* на курорте

---

²⁷ <http://www.kino-teatr.ru/kino/movie/sov/8399/annot/> (19.11.2011)

²⁸ <http://www.kinopoisk.ru/level/1/film/46276/> (19.11.2011)

²⁹ <http://www.kinopoisk.ru/level/1/film/44186/> (19.11.2011)

³⁰ <http://www.kinopoisk.ru/level/1/film/46128/> (19.11.2011)

³¹ <http://www.kinopoisk.ru/level/1/film/45146/> (19.11.2011)

³² <http://www.kinopoisk.ru/level/1/film/46237/> (19.11.2011)

происходит небольшая, но очень важная часть действия. Именно в санатории главный герой знакомится с роковой женщиной Раисой Захаровной — и возвращается с курорта не к своей жене и детям, а в дом Раисы Захаровны.

Очевидно, что перечисленные фильмы очень похожи — это комедии, не имеющие идеологического наполнения. В них герои не борются с врагами, не занимаются самосовершенствованием и не повышают сознательность. Они просто наслаждаются отдыхом — в красивых санаториях на фоне замечательных пейзажей. Образ советского курортника — это образ здорового, довольного человека, который радуется жизни. Общим для этих фильмов является и то, что курорт изображается как место, где все, так или иначе, вовлечены в любовные или сексуальные отношения.

В литературе тема курортов не получила большого распространения, однако редкие и короткие упоминания делались обычно в том же ключе. Возможно, «правдиво отобразить действительность в ее революционном развитии», рассказывая об отдыхе в санатории, было невыполнимой задачей для писателей. Они упорно противопоставляли повседневную жизнь, наполненную трудностями и героическими победами, и бездеятельный отдых. Примером этого может служить известная пьеса *Мой друг* (1933) сценариста Н. Ф. Погодина. В пьесе рассказывается о процессе строительства крупного завода. Главный герой — начальник строительства Гай — представляет собой тип деятельного советского руководителя: он смел, решителен и всей душой предан делу. О курортах он упоминает лишь вскользь и с пренебрежением, когда говорит своему другу: «Не болей, сын, пустим завод до срока, поедем с тобой на курорты... У-ух!.. Пройдем по парку — и все женщины, как жито, полягут перед нами!»³³. Мож-

---

³³ Погодин Н. Мой друг. Представление в 3-х действиях с эпилогом. М., 1935.

но, наверняка, встретить подобные упоминания в других произведениях, однако «большой» текст про курорты в СССР так и не появился.

Советское (соцреалистическое) искусство указывало читателю основные поведенческие схемы, описывало, как следует «прочитывать» действительность в тех или иных обстоятельствах, и, в конечном счете, формировало точку зрения советского человека. Произведения, где описывался бы процесс воспитания и повышения сознательности героя в обстоятельствах курортного отдыха, создано не было. Идеологические схемы, не воплощенные в понятные инструкции, оказались нежизнеспособны. XIX век сформировал представление о курорте как о пространстве свободы, XX век ознаменовался попытками взять его под контроль. Попытки оказались не очень успешными, и к 1960-м годам советский курорт представлял собой место, где государственная пропаганда и контроль проявлялись меньше, чем в других областях жизни.

Таким образом, ностальгирующий по советскому прошлому человек в случае курортного отдыха не имеет опоры для своей ностальгии. Самый яркий и востребованный визуальный образ советского курорта практически полностью совпадает с классическими изображениями курортов XIX века, как российских, так и зарубежных. А процессы деидеологизации курортного отдыха привели к тому, что советский курорт стал удивительно напоминать несколько модифицированный дореволюционный вариант. В этой ситуации «человек ностальгирующий» просто не может выбрать момент, в который советский курорт являл бы собой завершенный, идеальный по форме и содержанию объект.

Интересным примером здесь может служить вышедший в 2006 году фильм *Парк советского периода*, где реконструируется образ советского курорта: утопического пространства, где представлены все символы советской эпохи. Образ курорта

в фильме получился цельным: привлекательным и страшным одновременно — райское место, где жизнь роскошна, а все желания, даже абсурдные, выполняются, кроме одного — самого естественного — желания свободы. Возможно, такой вариант советского курорта мог бы «продаваться» намного лучше, подобно тому как продаются экскурсии в ад питерских коммуналок. Сложность лишь в том, что такого советского курорта никогда не существовало. Курорт как артефакт советского прошлого может быть востребован ностальгирующими по СССР людьми. Однако коммерциализация образа советской здравницы осложняется тем, что попытки найти специфические яркие советские черты, которые можно было бы «продать» туристам, как правило, оканчиваются неудачей. Учитывая образ советского курорта в литературе и в большинстве фильмов, можно прийти к выводу, что одна из главных особенностей советского курорта — то, что, несмотря на советскую символику и строгое расписание отдыха, в памяти отдыхающих закрепились как раз асоветские черты советского курорта: те пространства и моменты свободы, которые в его изначальной концепции не были предусмотрены и которые воспринимались как «личные», не имеющие отношение к официальному дискурсу. В то же время советский курорт имел множество связей как с дореволюционными традициями, так и с общеевропейскими тенденциями в организации отдыха. Поэтому вспомнить именно «советскость» советского курорта — почти нерешаемая задача.

Список принятых сокращений

АССР — Автономная советская социалистическая республика

ВИ — Вопросы истории. М.

ВКП(б) — Всесоюзная коммунистическая партия (больше-
виков)

ВОКС — Всесоюзное общество культурных связей с заграницей

ВЛКСМ — Всесоюзный ленинский коммунистический
союз молодежи

ВЦИК — Всероссийский центральный исполнительный
комитет

ВЦСПС — Всесоюзный центральный совет профессио-
нальных союзов

ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации
(Москва)

ГАИ — Госавтоинспекция

ГДР — Германская Демократическая Республика

ГПУ — Государственное политическое управление

ГУМ — Государственный универсальный магазин

КНДР — Корейская Народно-Демократическая Республика

КНР — Китайская Народная Республика

КПСС — Коммунистическая партия Советского Союза

ЛАСС — Союз африканских студентов в городе Ленинграде
и области

ЛГУ — Ленинградский государственный университет

ЛГПИ — Ленинградский государственный педагогический
институт

ЛПИ — Ленинградский политехнический институт

- МАО — Марийская автономная область
- НИИХП — Научно-исследовательский институт художественной промышленности (Москва)
- НКВД — Народный комиссариат внутренних дел
- НЛО — Новое литературное обозрение. М.
- ННИ — Новая и новейшая история. М.
- НПН — Непрерывная производственная неделя
- НЭП — Новая экономическая политика
- ОГПУ — Объединенное государственное политическое управление
- ОСОАВИАХИМ — Общество содействия обороне, авиационному и химическому строительству
- ПермГАНИ — Пермский государственный архив новейшей истории
- РАН — Российская академия наук
- РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства (Москва)
- РГАСПИ — Российский государственный архив социально-политической истории (Москва)
- РГАЭ — Российский государственный архив экономики (Москва)
- РГВА — Российский государственный военный архив (Москва)
- РКП(б) — Российская коммунистическая партия (большевиков)
- РМЭ — Республика Марий-Эл
- РСФСР — Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика
- СНД — «страны народной демократии»
- СНК — Совет народных комиссаров
- СПбГМА — Санкт-Петербургская государственная медицинская академия им. И. И. Мечникова

- ССР — Советская Социалистическая Республика
- СССР — Союз Советских Социалистических Республик
- США — Соединенные Штаты Америки
- УДОС — Управление домами отдыха и санаториями
- УССР — Украинская Советская Социалистическая Республика
- ФАСС — Федерация африканских студентов в Советском Союзе
- ЦГАИПД СПб. — Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга
- ЦГА СПб. — Центральный государственный архив Санкт-Петербурга
- ЦДАВО — Центральный государственный архив высших органов власти и управления Украины (Киев)
- ЦДАГО — Центральный государственный архив общественных организаций Украины (Киев)
- ЦК — Центральный комитет
- ЦУМ — Центральный универсальный магазин (Москва)

Сведения об авторах

Альберт Глеб, изучал историю и славистику в Кёльне и Кракове. С 2007 по 2009 г. — научный сотрудник Мангеймского университета, участвовал в издании архивных документов по истории Коминтерна. С 2009 г. аспирант Билефельдского института аспирантуры истории и социологии (BGHS), работает над диссертацией об интернационализме в революционной России. Со-редактор журнала «International Newsletter of Communist Studies».

Основные публикации:

“German October is Approaching”. Internationalism, Activists, and the Soviet State in 1923 // Revolutionary Russia. 2011. N 2 (в печати).

Think Tank, Publisher, Symbol. The Comintern in the Early Soviet Media Landscape // International Newsletter of Communist Studies Online. 2011. N 17 (24).

Васильев Павел, аспирант Санкт-Петербургского Института истории РАН (Отдел современной истории России). Окончил Исторический факультет Санкт-Петербургского государственного университета и магистратуру Центрально-Европейского университета в Будапеште. Научные интересы: история наркотиков, история медицины и здравоохранения, социальная и культурная история позднеимперской и советской России, история Санкт-Петербурга, гендерная история, историческая компаративистика.

Основные публикации:

Наркотизм в Петрограде-Ленинграде (1917–1924 гг.): Пути решения социальной проблемы // Власть, общество и личность в

истории: Сб. ст. по мат-лам науч. конф., 22–24 ноября 2006 г. М., 2010. С. 134–151.

Poisons of Civilization, Remnants of Capitalism, or Jewish Disease? Drug Addiction in Russian and German Medical Texts from the 1870s to the 1930s. München: GRIN, 2010.

Alimentary and Pellagra Psychoses in Besieged Leningrad // *Duffett R., Drouard A., Zweiniger-Bargielowska I.* (Ed.) *Food and War in Twentieth Century Europe*. Aldershot, 2011. P. 111–121.

Modernity, Jewishness and Addiction Research in Late 19th and Early 20th Century Russia and Germany // *Central European University Jewish Studies Yearbook*. Vol. 6. 2011. P. 107–118.

Гаврилова Ксения, в 2007 г. окончила отделение русского языка и литературы филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета. В 2010 г. защитила магистерскую диссертацию на факультете антропологии Европейского университета в Санкт-Петербурге. В данный момент работает над кандидатской диссертацией «Образ “традиционного” в современной марийской деревне: дискурсивное поле и практики репрезентации». С 2011 г. является куратором научных проектов, ассистентом факультета антропологии Европейского университета в Санкт-Петербурге. Научные интересы: антропология этничности, низовой национализм, этнография Поволжья, этнографические архивы, *discourse studies*, лексикография.

Гумерова Мария, в 2007 г. закончила Факультет философии и политологии Санкт-Петербургского государственного университета. С 2005 по 2010 г. — научный сотрудник Государственного

музея истории Санкт-Петербурга. С 2009 — слушатель факультета Антропологии Европейского университета в Санкт-Петербурге. Тема диссертационного исследования «Опыты по конструированию нового социального времени в 1920–30-е годы в СССР». Научные интересы: историческая антропология, история СССР, советская повседневность, антропология времени, антропология детства.

Иванова Анна, окончила Историко-филологический факультет Российского государственного гуманитарного университета, затем магистратуру Русской Антропологической Школы того же университета по специальности «История и теория культуры». Сейчас является соискателем в Центре изучения отечественной культуры Института российской истории РАН. Пишет кандидатскую диссертацию о валютной торговле в СССР в 1960–1980-х годах. Круг научных интересов: история СССР эпохи оттепели и застоя, советское общество и советская повседневность, официальная идеология и реальные практики в СССР в сфере потребления.

Основные публикации:

«Солнце село ниже ели...»: Потребительские пристрастия советских работников за границей (1960–1970-е годы) // Родина. 2011. № 3. С. 116–117.

Изображение дефицита в советской культуре второй половины 1960-х — первой половины 1980-х годов // Неприкосновенный запас. 2011. № 3 (77). С. 216–235.

Кузнецова Людмила, соискатель в Европейском университете в Санкт-Петербурге. В 2006 г. окончила Пермский государственный университет. С 2006 по 2009 г. обучалась в аспирантуре Евро-

пейского университета в Санкт-Петербурге (факультет Истории, программа «Проблемы российской истории и источниковедения»). В 2007–2009 гг. получала стипендию фонда «Оксфорд — Россия» за академические успехи. С 2009 по 2011 г. была стипендиатом Фонда Герды Хенкель с проектом «The Phenomenon of Soviet Resort».

Основные публикации:

Советский курорт как элемент политической культуры // «Курорт» в дискурсивных практиках социогуманитарного знания: Мат-лы науч. конф. Ставрополь; Пятигорск; М., 2007. С. 286–291.

Тема курортов в путеводителях: к изучению тактики локальной репрезентации // Путеводитель как семиотический объект. Тарту, 2008. С. 281–292.

Администрирование на местах в 1930-е–1950-е гг.: самоуправление или самоуправство? (на примере курортного строительства) // Вестн. Пермского ун-та. 2010. Вып. 2 (14). С. 57–68.

Курортный отдых: буржуазное удовольствие в системе революционных ценностей? // Конструируя «советское»? Политическое сознание, повседневные практики, новые идентичности: Мат-лы науч. конф. студентов и аспирантов. СПб., 2010. С. 128–134.

«Чуждые элементы» на советском курорте: избранность коммунистического рая (1920-е–1950-е гг.) // Национальный/социальный характер: археология идей и современное наследство. М., 2010. С. 186–188.

Лях Екатерина, изучала историю и немецкую филологию в Запорожском национальном университете (Украина). В 2005 г. защитила кандидатскую диссертацию на тему: «Немецкоязычные колонисты Юга Украины в мультинациональном окружении: проблема взаимодействия культур (XIX — начало XX в.)». В 2005–

2011 г. работала доцентом кафедры новейшей истории Украины в Запорожском национальном университете. С 2010 г. — преподаватель университета им. Генриха Гейне в Дюссельдорфе. Работает над диссертацией по истории автомобилизма в СССР в 1960–1970-х годах.

Основные публикации:

Немецкоязычные колонисты Юга Украины в мультинациональном окружении: проблема взаимодействия культур (XIX — начало XX в.): Дис. ... канд. ист. наук. Донецк, 2005.

Синдром Робинзона Крузо: парадоксы интеграции немецкоязычных колонистов в мультиэтническую среду Южной Украины (XIX — начало XX в.) // Научные труды исторического факультета Запорожского государственного университета. Запорожье, 2006. Вып. 20. С. 94–101 (<http://sites.znu.edu.ua/historySciWorks/issues/20/20/lyakh.pdf>).

Мухаматулин Тимур, закончил Историко-филологический факультет Российского государственного гуманитарного университета. Сейчас — младший научный сотрудник Центра по изучению отечественной культуры Института российской истории РАН. Тема будущей диссертации — образ республиканской Испании времен Гражданской войны в советском обществе. Круг научных интересов: советско-испанские взаимоотношения, история культуры, интеллектуальная история, история общественного мнения и пропаганды в СССР.

Основные публикации:

Восприятие России в публицистике и политической деятельности К. Санчеса-Альборноса // Вестн. Рос. гос. гуманит. ун-та. 2010. № 18. С. 288–296.

Союз советских писателей в первые месяцы войны в в Испании // Российская история. 2010. № 5. С. 57–61.

«Образ Испании периода Гражданской войны: по материалам российских архивов» // Клио-2011: Мат-лы к Первой открытой междунар. конф. РГАСПИ. М., 2011.

The Formation of Image of Republican Spain in the Soviet Union, 1936–1939. Construction, mediation, outcomes. PhD. Project // International Newsletter of Communist Studies. 2011. N 11. P. 35–37.

«Мадрид 1936 — это Петроград 1919»: Гражданская война в Испании через призму Гражданской войны в России // Родина (в печати).

Резник Александр, слушатель Факультета истории Европейского университета в Санкт-Петербурге, аспирант Санкт-Петербургского института истории РАН. Закончил Историко-политологический факультет Пермского государственного университета. Текущий исследовательский (диссертационный) проект: «Левая оппозиция в РКП(б), 1923–1924 гг.» (науч. рук. д.и.н. Б. И. Колоницкий). Научные интересы: история революционных и социалистических движений, марксизма и большевизма, историческая антропология.

Основные публикации:

Троцкизм и Левая оппозиция в РКП(б) в 1923–1924 годы. М., 2010.

Оппозиция 1923 года в РКП(б) по материалам Перми // Вестн. Пермского ун-та. Сер. История. 2011. Вып. 2 (16). С. 109–119.

Хрипун Вячеслав, в 2008 г. окончил Исторический факультет Харьковского национального университета им. В. Н. Каразина. В 2011 г. окончил аспирантуру Исторического факультета Санкт-

Петербургского государственного университета (с защитой на соискание степени кандидата исторических наук).

Основные публикации:

Некоторые проблемы организации иностранного туризма в Ленинграде в 1950-е–1960-е гг. // Вестн. Санкт-Петербургского гос. ун-та. Сер. 2. 2011. Вып. 1. С. 149–155.

Иностранцы в СССР в 1950-е–1960-е гг. Тенденции исследования и проблемы историографии // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В. Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. 2010. № 1 (35). С. 179–188.

Иностранный туризм в Ленинграде в 1950–1960-е гг. // Исторический ежегодник. 2010. Сб. науч. тр. Новосибирск, 2010. С. 110–118.

Bulletin Nr. 6
Конструируя «советское»?

Доклады научной конференции студентов и аспирантов

Художественный редактор *А. К. Сорокин*
Технический редактор *М. М. Ветрова*
Выпускающий редактор *Н. Н. Доломанова*
Компьютерная верстка *Т. Т. Богданова*

ЛР № 066009 от 22.07.1998. Подписано в печать 09.02.2012.
Формат 60x90/16. Печать офсетная. Усл. печ. л. 13,5.
Тираж 450 экз. Заказ

Издательство «Российская политическая энциклопедия»
(РОССПЭН) 117393, Москва, ул. Профсоюзная, д. 82.
Тел.: 334-81-87 (дирекция), 334-82-42 (отдел реализации)

